

ПРАВО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ЛИЧНОСТЬ

Научный журнал

LAW LEGISLATION PERSON

Research Journal

Выходит 3 раза в год

№ 3(13) 2011

Распространяется по подписке

Подписной индекс **37221**

ISSN 2077-6187

Учредитель

ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»
410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1

Главный редактор

Рыбаков Олег Юрьевич,

доктор юридических наук,
доктор философских наук, профессор

Заместитель главного редактора

Ростова Ольга Сергеевна,

кандидат юридических наук, доцент

Редакционная коллегия:

А.А. Воротников (Саратов) — доктор юридических наук, профессор
С.И. Герасимов (Москва) — доктор юридических наук, профессор
В.В. Гриб (Москва) — доктор юридических наук
А.В. Ильин (Санкт-Петербург) — кандидат юридических наук, доцент
А.Я. Капустин (Москва) — доктор юридических наук, профессор
И.Ю. Козлихин (Санкт-Петербург) — доктор юридических наук, профессор
Г.Н. Комкова (Саратов) — доктор юридических наук, профессор
И.М. Мацкевич (Москва) — доктор юридических наук, профессор
Б.В. Россинский (Москва) — доктор юридических наук, профессор
А.С. Смыкалин (Екатеринбург) — доктор юридических наук, профессор
С.Б. Суоров (Саратов) — доктор социологических наук, профессор
В.М. Сырых (Москва) — доктор юридических наук, профессор

Адрес редакции: 410025, г. Саратов, ул. Чернышевского, 135 А, ком. 203.

Телефон: (8452) 29-90-90

E-mail: pzl@sgar.ru

Редактор, корректор *Т.Ф. Батищева*

Компьютерная верстка *С.В. Демченко*

Журнал зарегистрирован Управлением разрешительной работы в сфере массовых коммуникаций
Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
9 ноября 2009 г. ПИ №ФС77-37970.

Цена для подписчиков 260 руб., в розничной продаже — свободная.

Подписано в печать 16.12.2011 г. Формат 70×100 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура «Literatyma». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 12,26. Уч.-изд. л. 11,21. Тираж 350 экз. Заказ 63.

Отпечатано в типографии издательства
ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия».
410056, г. Саратов, ул. Вольская, 1.

© ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА, ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ

Туманов Д.Ю. Право на образование в Советском государстве: конституционное регулирование и обеспечение.....	7
Иванова О.А. Правовое обеспечение деятельности судебных приставов на территории Казанской земли (2-я половина XVI века)	11
Мумлева М.И. Влияние советского законодательства второй половины 50 — начала 70-х годов XX века на развитие правового статуса судей общих судов СССР.....	17
Воронов Г.Р. Категория общесоциального права в трудах Л.С. Явича.....	22
Рудченко Т.Л. Право как регулятор общественных отношений	32

КОНСТИТУЦИОННОЕ, АДМИНИСТРАТИВНОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Дубровина М.А. К вопросу о некоторых недостатках образования избирательных округов и избирательных участков, составления списков избирателей в Российской Федерации	39
Михеев Д.С. Проблемы и направления развития общественного контроля за осуществлением местного самоуправления	44
Подмарев А.А. Понятие и значение конституционных основ ограничения прав и свобод человека и гражданина	46
Шуршалова Е.С. Конституционные вопросы реализации права вынужденных мигрантов на жилище в Российской Федерации.....	50

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Монгуш Б.С. К понятию правовых средств	57
Иволжатов А.В. Средства объединения хозяйствующих субъектов в отечественном гражданском праве	63

НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ

Ростова О.С. Научная деятельность молодых ученых как важная составляющая подготовки научных кадров в вузе	68
Дородонова Н.В. Финансирование вузовского сектора науки как важная составляющая подготовки научных кадров.....	72
Александрова Т.А. Подготовка научных кадров в российском вузе в рамках общеευропейского образовательного пространства	77

**ПО МАТЕРИАЛАМ КРУГЛОГО СТОЛА «ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
УЧАСТНИКОВ ГРАЖДАНСКОГО И АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССА
В ДИНАМИКЕ СУДОПРОИЗВОДСТВА»**

Рыбаков О.Ю. Вступительное слово	81
Юдин А.В. Правовое положение участников гражданского и арбитражного процесса в динамике судопроизводства	83
Исаенкова О.В. Лица, участвующие в исполнительном производстве (отдельные проблемы)	95
Григорьева Т.А. Проблемы арбитражной процессуальной правосубъектности участников производства по групповому иску	97
Щепкова Т.М., Сергеева Е.В. Некоторые проблемы правового положения свидетелей в гражданском судопроизводстве	100
Балашов А.Н. Влияние принципа процессуального равенства на правовое положение заинтересованных лиц по делам, возникающим из публичных правоотношений.....	102
Барбакадзе В.Т. К вопросу о возможности участия прокурора по отдельным категориям дела в арбитражном суде	105
Барсукова В.Н. Уважение чести и достоинства личности как неотъемлемое условие деятельности прокурора в гражданском судопроизводстве	108
Борисова В.Ф. К вопросу о правовом положении фактического воспитателя в динамике судопроизводства	111
Воронцова И.В. Об ограничении права иностранных адвокатов по осуществлению адвокатской деятельности в Российской Федерации	114
Моисеев С.В. Отдельные вопросы правового положения истца	117
Николайченко О.В. Некоторые особенности участия третьих лиц при рассмотрении дел в порядке гражданского судопроизводства	121
Соловых С.Ж. Обеспечение (гарантирование) процессуально-правового положения участников арбитражного процесса	124
Стрельцова Е.Г. К вопросу о правовом положении истца и ответчика	127
Нуриев А.Г. Информационное обеспечение участников гражданского процесса в динамике судопроизводства на примере Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ)	132
Туманов Д.А. Можно ли заменить неспособное лицо как ненадлежащего ответчика?	134
Пименова Е.Н. Защита частного интереса физических лиц в арбитражном процессе	136
Малько Е.А. Суды как основные участники гражданской процессуальной правовой политики	139
Потапенко Е.Г., Рвачев С.А. Проблемы определения процессуально-правового статуса юридического лица при рассмотрении дел по корпоративным спорам	142
Аннотации	145

CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW, HISTORY OF THE POLITICAL AND STATE THEORY

Tumanov D.Ju. The Right for Education in Soviet State: the Constitutional Regulation and Main Tenance	7
Ivanova O.A. Legal support of the activities of the bailiffs on the territory of the Kazan earth (2 half of the XVI century)	11
Mumleva M.I. The Influence of the Soviet Legislation of the Second Half of 50 – early 70-ies of the XX Century on the Development of the Judges Legal Status in the USSR.....	17
Voronov G.R. Category of the Social Right in the Works of L. Javich.....	22
Rudchenko T.L. The Law as the Public Relations Regulator.....	32

CONSTITUTIONAL, ADMINISTRATIVE AND INTERNATIONAL LAW

Dubrovina M.A. On the question of creating electoral districts and polling stations, voter lists in the Russian Federation	39
Mikheev D.S. Problems and Directions of Development of Social Control over the Implementation of the Local Government.....	44
Podmarev A.A. Definition and Role of the Constitutional Basics of the Restriction of Human and Civil Rights and Freedoms.....	46
Shurshalova E.S. The Constitutional Questions of Realization of Right for Forced Migrantov on Dwelling in Russian Federation.....	50

CIVIL LAW

Mongush B.S. To the Question of Legal Means.....	57
Ivolzhatov A.V. Means unite Entity in Domestic Civil Law.....	63

SCIENCE AND EDUCATION

Rostova O.S. The Scientific Activity of the Young Scholars as the Main Element in the Academic Stuff Competence Development in the Higher Educational Establishment	68
Dorodonova N.V. Financial Support of Science in the Higher Educational Establishment as the main Element of the Stuff Competence Development System.....	72
Alexandrova T.A. Academic Stuff Quality Improving in Russian Higher Educational Establishment in the Context of the European Educational Standard.....	77

**ROUND TABLE CONFERENCE REVIEW "LEGAL STATUS OF PARTICIPANTS
OF THE CIVIL AND ARBITRATION PROCESS IN DYNAMICS OF LEGAL PROCEEDINGS"**

Rybakov O.Yu.	Introductory Report.....	81
Udin A.V.	Legal Status Participants of Civil and Arbitration Process in Dynamics of Legal Proceedings.....	83
Isaenkova O.V.	Individuals Participating in Enforcement Proceedings (Separate Problems).....	95
Grigorieva T.A.	Problems Arbitration Remedial Legal Personality Participants of Manufacture under the Group Claim	97
Chepkova T.M., Sergeeva E.V.	Some Problems of a Legal Status Свидетелей in Civil Legal Proceedings	100
Bakashov A.N.	Influence of a Principle of Remedial Equality on a Legal Status of Interested Persons on the Affairs Arising from Public Legal Relations	102
Barbakadze V.T.	To the Question on Possibility of Participation of the Public Prosecutor on Separate Categories of Business in Arbitration Court.....	105
Barsucova V.N.	Respect of Honour and Advantage of the Person as the Integral Condition of Activity of the Public Prosecutor in Civil Legal Proceedings	108
Borisova V.F.	To the Question on the Legal Status the Actual Tutor in Dynamics of Legal Proceedings.....	111
Voronchova I.V.	About Restriction of the Right of Foreign Lawyers on Realization of Lawyer Activity in the Russian Federation	114
Moiseev S.V.	Separate Questions of a Legal Status of the Claimant	117
Nikolajchenko O.V.	Some Features of Participation of the Third Parties at Disposal of Legal Proceeding as Civil Legal Proceedings.....	121
Solovyh S.Zh.	Maintenance (Warranting) Remedially-Legal Status Participants of Arbitration Process.....	124
Strelzova E.G.	To a Question on a Legal Status the Claimant and the Respondent	127
Nuriev A.G.	Supply with Information of Participants of Civil Process in Dynamics of Legal Proceedings on the Example the United Arab Emirates (United Arab Emirates)	132
Toumanov D.A.	Whether it is Possible to Replace not Capable Person How Inadequate Respondent?.....	134
Pimenova E.N.	Protection of Private Interest of Physical Persons in Arbitration Process	136
Malko E.A.	Courts as the Basic Participants of the Civil Remedial Legal Policy.....	139
Potapenko E.G., Rvachev S.A.	Problems of the Definition of the Procedural-Legal Status of a Legal Person by Corporate Disputes Consideration.....	142
6	Summary	145

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА, ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ

Д.Ю. Туманов
Право на образование в Советском государстве: конституционное регулирование и обеспечение

Д.Ю. Туманов*

ПРАВО НА ОБРАЗОВАНИЕ В СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ: КОНСТИТУЦИОННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ

Право на образование следует рассматривать как основополагающее по отношению к другим социально-культурным правам. И действительно, без надлежащего образования затруднительно осознавать себя полноценным членом современного общества, пользоваться достижениями культуры, а также заниматься какими-либо видами творчества.

Советское государство на всех этапах своего развития самым серьезным образом занималось сферой образования. Так, в первой советской Конституции РСФСР 1918 г.¹ из категории социальных прав внимание уделялось лишь праву на образование. В соответствии с положениями ст. 17, обеспечивая трудящимся действительный доступ к знанию, ставилась задача предоставить рабочим и беднейшим крестьянам полное, всестороннее и бесплатное образование, что в данном случае можно рассматривать как программное заявление новой власти, над реализацией которого еще только предстояло работать.

Программа РКП(б)², принятая в разгар Гражданской войны, в развитии области народного просвещения поставила следующие задачи:

проведение бесплатного и обязательного общего образования для всех детей до 17 лет;

создание сети дошкольных учреждений; полное осуществление принципов единой трудовой школы с преподаванием на родном языке;

* Туманов Дмитрий Юрьевич — заведующий кафедрой теории и истории государства и права филиала Казанского (Приволжского) федерального университета в г. Набережные Челны, кандидат юридических наук, доцент.

снабжение всех учащихся пищей, одеждой, обувью и учебными пособиями за счет государства;

подготовка новых кадров работников просвещения;

всесторонняя государственная помощь самообразованию и саморазвитию рабочих и крестьян;

широкое развитие профессионального образования и др.

Первостепенной задачей являлась ликвидация безграмотности. По данным переписи населения Российской империи 1897 г., грамотных было всего 21,1 %. При этом показатели грамотности населения Кавказа, Сибири и особенно Средней Азии значительно отставали от соответствующих показателей по Европейской России³. К 1937 г. благодаря проведению политики ликбеза удалось добиться значительных результатов: среди мужчин было 86 % грамотных, а среди женщин — 66,2 %. Особенно высокими были показатели грамотности среди молодежи от 12 до 19 лет — свыше 90 %⁴.

Ликвидация неграмотности — лишь одно из направлений обширной деятельности Советского государства в сфере образования. Реформируется школьное образование. По всей стране создается сеть воспитательных и образовательных учреждений: дошкольных, школьных, профессионального обучения, включая учреждения различного уровня: профессиональных училищ, курсов для рабочих, техникумов, высших учебных заведений. При этом особое внимание уделялось обучению рабочего класса. Быстро создавались школы фабрично-заводского ученичества, рабочей молодежи, а также школы крестьянской молодежи с сельскохозяйственным уклоном.

Конституция СССР 1936 г., закрепив право на образование, установила и систему его обеспечения в виде всеобщего обязательного начального образования, бесплатности образования, включая высшее, государственных стипендий учащимся в высшей школе, обучения в школах на родном языке, организации бесплатного производственного, технического и агрономического обучения трудящихся (ст. 121).

Система среднего образования унифицируется путем установления единого учебного плана общеобразовательных учреждений, введением общей системы оценки знаний, централизованного методического обеспечения общей учебной литературой. Можно обвинять такую систему в подавлении творческой инициативы талантливых педагогических работников, но при этом нельзя отрицать и ее положительные черты: выпускники всех школ получали единый объем знаний, что уравнивало их при вступлении во взрослую жизнь. Кроме того, качество советского школьного образования, которое, к сожалению, также ушло в прошлое, закладывало прочный фундамент для профессионального образования всех уровней. В Народном комиссариате просвещения была

создана инспекция, осуществлявшая через свои местные органы жесткий контроль над качеством образовательного процесса в школах.

Еще до принятия Конституции СССР 1936 г. постановлением ЦИК и СНК СССР от 29 декабря 1935 г. «О приеме в высшие учебные заведения и техникумы»⁵ были отменены установленные ранее ограничения, связанные с социальным происхождением лиц, поступающих в эти учебные заведения, или с ограничением в правах их родителей. Предписывалось принимать в вузы и техникумы граждан обоего пола, выдержавших установленные для поступления в эти учебные заведения испытания.

Постоянно росли расходы государства на просвещение: с 1928 по 1938 г. они увеличились в 17 раз. Расширялась сеть учебных заведений: если в 1928 г. в стране действовало 148 вузов и 1037 средних специальных учебных заведений, то в 1938 г. — соответственно 708 и 3732. Количество студентов за этот же период возросло с 357 до 1555 тыс., в т.ч. студентов вузов с 168 до 603 тыс.⁶

В сложной обстановке предвоенных лет постановлением СНК СССР от 26 октября 1940 г. № 638 «Об установлении платности обучения в старших классах средних школ и в высших учебных заведениях СССР и об изменении порядка назначения стипендий»⁷, мотивируя тем, что расходы Советского государства на строительство, оборудование и содержание возрастающей сети средних и высших учебных заведений представляются значительными, в нарушение положений ст. 121 Конституции СССР 1936 г., закреплявшей бесплатность образования, с 1 сентября 1940 г. вводилась плата за обучение в старших классах средней школы (8–10 классы), а также в вузах.

Плата за обучение была отменена с 1 сентября 1956 г. в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 6 июня 1956 г.⁸

В годы Великой Отечественной войны резко сократилось число вузов и количество учителей, инженеров, техников, врачей и др. Если в 1941 г. действовало 817 вузов, то в 1942 г. лишь 460. В годы войны среднегодовая численность специалистов уменьшилась почти в 2 раза. После окончания войны сеть учебных заведений была восстановлена и расширена, ежегодный выпуск специалистов с высшим и средним специальным образованием к 1960 г. возрос соответственно в 4,0 и 3,5 раза. Широко использовались заочные и вечерние формы обучения. В 1970 г. вечерние и заочные отделения вузов и техникумов окончили 295,9 тыс. выпускников, почти в 10 раз больше, чем в 1950 г.⁹

20 июня 1972 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 463 «О завершении перехода ко всеобщему среднему образованию молодежи и дальнейшему развитию общеобразовательной школы»¹⁰.

Правомочия советских граждан, истекающие из положений ст. 121 Конституции СССР 1936 г., были детализированы Основами законо-

дательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании (утверждены Законом СССР от 19 июля 1973 г. № 4536-VIII)¹¹.

Как уже отмечалось, первая советская Конституция РСФСР 1918 г. в ст. 17 ставила задачу предоставить рабочим и беднейшим крестьянам полное, всестороннее и бесплатное образование. Конституция СССР 1977 г.¹² в определенном смысле закрепляла выполнение данной задачи. Право на образование обеспечивалось бесплатностью всех видов образования, осуществлением всеобщего обязательного среднего образования молодежи, широким развитием профессионально-технического, среднего специального и высшего образования на основе связи обучения с жизнью, с производством; развитием заочного и вечернего образования; предоставлением государственных стипендий и льгот учащимся и студентам; бесплатной выдачей школьных учебников; возможностью обучения в школе на родном языке; созданием условий для самообразования (ст. 45).

Конституция также закрепляла сформировавшуюся к этому времени единую систему народного образования, которая обеспечивала общеобразовательную и профессиональную подготовку граждан (ст. 25).

На начало 1981/82 учебного года всеми видами обучения были охвачены 102,8 млн чел., что более чем в 2,1 раза (47,5 млн чел.) превышало их количество в 1940/41 учебном году. Численность специалистов с высшим и средним специальным образованием в 1982 г. выросла до 42,8 млн чел., по сравнению с 2,4 млн чел. — в 1940 г.¹³ Обучение стало полностью бесплатным, студентам выплачивалась стипендия. В соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 24 ноября 1977 г. «О переходе на бесплатное пользование учебниками учащимися общеобразовательных школ»¹⁴ в течение 1978—1983 гг. был осуществлен переход на бесплатное пользование учебниками.

Однако чрезмерно высокие темпы роста численности интеллигенции уже к началу 1980-х гг. привели к предельному насыщению специалистами многих отраслей народного хозяйства. В этой связи остро встал вопрос о радикальной перестройке всей системы подготовки кадров с акцентом на качественные показатели.

Перестроечные годы обозначили проблемы в системе образования. Ускорение темпов мирового научно-технического прогресса во второй половине 1980-х гг. и появление возможности сравнения достижений, в т. ч. и в сфере образования, показали необходимость проведения реформ в данной области.

Советская система образования стала критиковаться за излишнюю унификацию и единообразие, отсутствие возможности специализации обучения учеников старших классов, многие из которых уже в 8—9 классах определялись в своем интересе по изучению конкретных предметов и в своем дальнейшем обучении: пойти учиться в про-

фессиональное училище, техникум или ориентироваться на получение высшего образования, что может быть расценено как нарушение положений ст. 45 Конституции СССР 1977 г. о развитии «профессионально-технического, среднего специального и высшего образования на основе связи обучения с жизнью, с производством».

Препятствовало успешной реформе системы образования в 1980-х гг. сохраняющаяся излишняя централизация управления, которая душила инициативу молодых талантливых преподавателей. Кроме того, как и в отношении других социальных программ, в образовании утвердился принцип остаточного финансирования. Вместе с этим, хотелось бы отметить, что система образования, созданная в Советском государстве, обладала безусловными преимуществами: образование всех уровней было доступным, абсолютно бесплатным и качественным, чего, к сожалению, нельзя сказать применительно к настоящему времени.

¹ См.: СУ РСФСР. 1918. № 51, ст. 582.

² См.: Устав и программа российской коммунистической партии (большевиков), принята VIII съездом партии 18–23 марта 1919 г. М., 1922.

³ См.: Население России в XX веке: в 3 т. Т. 1. М., 2000. С. 21.

⁴ См.: Жиромская В.Б. Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное. М., 2001. С. 179–180.

⁵ См.: Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК. 1935. № 303.

⁶ См.: Агеева Л.А., Адуло Т.И., Бабосов Е.М. и др. Великий Октябрь и социальная структура советского общества: Интеллигенция. Минск, 1988. С. 29–30.

⁷ См.: Собрание постановлений и распоряжений правительства СССР. 1940. № 27, ст. 910.

⁸ См.: История Советской Конституции (в документах). 1917–1956 гг. М., 1957. С. 928.

⁹ См.: Агеева Л.А., Адуло Т.И., Бабосов Е.М. и др. Указ. соч. С. 34–35.

¹⁰ См.: СПП СССР. 1972. № 11, ст. 60.

¹¹ См.: Ведомости ВС СССР. 1973. № 30, ст. 392.

¹² См.: Ведомости ВС СССР. 1977. № 41, ст. 617.

¹³ См.: Экономика и внешнеэкономические связи СССР: справочник / под ред. И.Н. Устинова. М., 1983. С. 125.

¹⁴ См.: СПП СССР. 1978. № 1, ст. 1.

О.А. Иванова*

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДЕБНЫХ ПРИСТАВОВ НА ТЕРРИТОРИИ КАЗАНСКОЙ ЗЕМЛИ (2-я ПОЛОВИНА XVI ВЕКА)**

В 1551 г. Казанское ханство вошло в состав Российского государства. Овладев Казанью, русское правительство приступило к организации нового аппарата управления и созданию военно-опорных пунктов. Для

* Иванова Ольга Андреевна — доцент кафедры публичного права (ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»), кандидат юридических наук, доцент.

** При поддержке РГНФ. Грант № 10-03-22304а/В.

управления Казанской землей в Москве было создано высшее правительственное учреждение — Казанский дворец, впоследствии получивший название Приказа Казанского дворца. Как центральное территориальное учреждение, Казанский дворец (Приказ) осуществлял через городских (уездных) воевод на подчиненной ему территории полную власть, выполняя экономические, политические, судебные и военные функции. Административные учреждения в уездах Казанской земли создавались по образцу центральных русских районов. Во главе административно-судебного, военного и отчасти хозяйственного аппарата стояли воеводы, при которых существовали съезжие (приказные) избы.

Имело свои особенности и построение судебных учреждений на присоединенных территориях. Система судебных учреждений России в XVI в. включала государственные суды, подразделявшиеся на центральные, к которым относились великий князь (царь), Боярская дума, приказы, и местные: суд наместников, волостелей, земские и губные учреждения.

В Казанской земле не сложились органы дворянского местного самоуправления, не было губных и земских изб, отсутствовали и наместнические органы, действовавшие по системе кормлений. В нижнем звене управления русские власти использовали представителей местного населения. Для пресечения преступлений и осуществления уголовного преследования из местного населения избирались старосты. Волостными сотниками назначали представителей местной феодальной знати — князей и сотников (так продолжалось до середины XVII в.), во главе отдельных деревень или групп селений ставили выборных старост из ясачных крестьян. Для управления нерусским населением была создана татарская судная изба, возглавляемая специальным головой. В числе функций татарской судной избы была функция суда над местным населением.

Приставы появились одновременно с введением воеводского управления. Уже в самых первых уставных грамотах воеводского управления «всей Казанской земле» — Уставной грамоте от 9 февраля 1574 г., выданной Иваном IV Верхней Сюндырской и Ишлейской волостям Чебоксарского уезда, упоминается о месте и правовом статусе приставов, об ограничении произвола в отношении местного населения¹.

Необходимо учесть, что слово «пристав» в различных правовых источниках часто означало не столько название определенной должности, сколько выражало исполнение судебной обязанности и преимущественно отдачу на поруки должника или преступника служилыми лицами. Эти служилые лица, ездившие приставами и дававшие на поруки, назывались по-разному: дворянами, позовниками, подвойскими, ходоками, ездоками, позднее — недельщиками. К кругу обязанностей недельщика С.И. Штамм причисляет арест и пытку обвиняемых, передачу в суд дел о воровстве, организацию судебного поединка². Для раз-

личных исполнительных действий держали праведчиков с доводчиками, затем в грамотах упоминаются еще вирники, метальщики, ябедники и другие должностные лица³.

Приставов судебники именовали недельщиками, т. к. несение их службы определяется как «быть в неделях». Однако буквальное толкование некоторыми авторами ограничения службы пристава календарной неделей (например, Е.В. Горбачева указывает, что приставы-недельщики «исполняли обязанности ездить и на поруки давать — по недельно»; В.В. Захаров отмечает «четкое указание на ограниченность срока исполнения лицом обязанностей пристава (неделей. — *О.И.*)») представляется не вполне оправданным⁴. Уровень развития инфраструктуры того времени, расстояние между населенными пунктами и многообразие возлагаемых на недельщика функций позволяют говорить об условности обозначения срока исполнения обязанностей пристава неделей продолжительностью. Тем не менее, бесспорным является вывод о том, что служба пристава была срочной.

Сфера деятельности приставов различных судов ограничивалась ведомственной принадлежностью и территорией. Так, Царским наказом Казанскому воеводе Ю.П. Ушатому об управлении городом и уездом от 16 апреля 1613 г. устанавливался запрет без его разрешения жителей своего города и уезда за пристава не отдавать, а за то, что «казанца Никонора Шулгина казанские люди в Свияжску отдали за пристава», ему выражалось порицание⁵.

Полномочия пристава-недельщика в XVI в. можно разделить на обязанности в уголовном и гражданском процессе; по содействию органам местной власти в поддержании общественного порядка; по обеспечению своевременного поступления налогов и сборов в казну.

Что касается функций пристава как участника процесса, то, как следует из анализа источников, к ним можно отнести следующие: 1) отдача на поруки — обеспечительная мера как в отношении явки ответчика (обвиняемого) в суд, так и в отношении его платежеспособности, и вызов сторон и свидетелей в суд; 2) арест, задержание («отдача за пристава») и пытка обвиняемых; 3) передача в суд дел о воровстве; 4) организация судебного поединка; 5) исполнение решений суда, в т. ч. по продаже имущества несостоятельного должника, правей, выдача должника «головою» кредитору.

Отдача на поруки состояла в том, что несколько лиц ручались, что ручаемый явится в суд в назначенный срок, и брали на себя ответственность за его неявку: «и на нас, на поручниках истцов иск весь сполна», или: «и на наши поручительские головы вместо его головы», а также брали и часть ответственности в случае обвинения, т. к. наказание в это время было не столько личным или индивидуальным, сколько имуще-

ственным и коллективным⁶. Среди нерусского населения, где были сильны узы родовой общины, рода, отдача на поруки имела повсеместное распространение, использовалась властями для реализации управленческих функций. На уровне волостей, чувашской и татарской крестьянской общины отдача на поруки была основным и едва ли не единственным способом обеспечения исполнения стороной обязанности явиться в суд либо оплатить долг, либо исполнить наложенное наказание.

Неявка ответчика влекла для «поручников» ту же ответственность, что и для лица, за которое они ручались. Приставу выдавался сопроводительный документ — приставная память, подписанная дьяком, которая содержала повеление отдать на поруки ответчика или обвиняемого, сумму иска. За поездку с приставной недельщик получал пошлину — езд, размер которого определялся количеством верст до места пребывания истца, отдаваемого на поруки.

Приставы не могли посылать с приставными грамотами своих родственников («своих людей»). Эта обязанность вменялась ездокам или заговорщикам, совместно и под надзором и руководством исполнявшим поручения приставов. За все убытки, которые ездок причинил своими противозаконными действиями, отвечал недельщик. Появление у пристава аппарата было зачатком создания службы судебных приставов.

Распространенной мерой обеспечения явки ответчика по гражданскому делу или обвиняемого по уголовному делу в суд являлась «отдача за пристава». Институт отдачи за пристава (или «сиденье за приставом») состоял в полном лишении свободы. Обвиняемые содержались либо во дворе или доме недельщика, либо в помещении суда, где «приставу вручены для береженья». На присоединенных территориях Казанской земли, где только началось строительство государственного аппарата, институт отдачи за пристава был весьма распространен и применялся повсеместно. Отдача за пристава была сопряжена с определенными расходами. Кроме пошлин — «хоженного» и «езда», Судебник указывает и на обязанность возмещения расходов по содержанию обвиняемого за приставом — «пожелезного». Хоженное и езд зависели от длины пути, способа прибытия пристава и количества лиц, которых необходимо разыскать, оповестить о суде или доставить. «Пожелезное» — плата за оковы и колодки, в которых содержались отданные за пристава.

Во многих царских наказах воеводам городов Казанской земли в XVI — начале XVII в., например, в упомянутом Царском наказе Казанскому воеводе Ю.П. Ушатому об управлении городом и уездом от 16 апреля 1613 г., а также Наказе царя Михаила Федоровича Ф.И. Михалкову, назначенному воеводой в г. Чебоксары, от 14 июня 1613 г., указывается на значительное количество челобитных от чувашских, татарских, черемисских крестьян, терпящих убытки и «обида напрасные» от

приставов⁷. Воеводам, в свою очередь, вменялось следить за тем, чтобы приставы не злоупотребляли своими полномочиями: «Где ... недельщик ночует, там ему не обедать, а где обедает, там ему не ночевать»; «а беречь накрепко, чтобы приставы и их братья — и татарове, и черемиса ябедники молотчих людей татар и чювашу, и вотяков не обидели и напрасные продажи и убытков им не чинили ни которыми делы»⁸.

Еще одной обязанностью пристава, которая вменялась ему Судебником, была попытка обвиняемых — элемент розыскного процесса, одним из участников которого был пристав.

Важное место в деятельности приставов XVI в. занимало исполнение судебных решений. Взыскание долга производилось приставом не только в силу судебного решения или «правой грамоты» — выписки из решения суда по данному делу, но и на основании внесудебных документов: бессудной грамоты, приставной грамоты, по некоторым источникам кабальной записи⁹. Бессудная грамота выдавалась судьей без рассмотрения спора, причиной чего являлась неявка одной из сторон в суд для судебного разбирательства. Приставная грамота служила основанием для передачи ответчика на поруки, для вызова в суд и производства обыска, являлась документом по приведению в исполнение приговора, исполнительным документом по уголовным делам, сопряженным с имущественным ущербом для потерпевшего. По кабальным записям судебного разбирательства не проводилось. Взыскание по кабальной записи осуществлялось немедленно.

Порядок выдачи исполнительных документов, сроки исполнения не урегулированы Судебником. Воеводам царскими наказами вменялось осуществлять надзор за деятельностью приставов с тем, чтобы они «управу чинили по государеву указу безволокитно вправду»¹⁰. Даже в самых ранних уставных грамотах Казанской земли, таких как Уставная грамота, выданная Иваном IV Верхней Сундырской и Ишлейской волостям Чебоксарского уезда 9 февраля 1574 г., местному населению предоставлялось право жаловаться на «бояр, воевод, дьяков и приставов» непосредственно русскому царю, который обещает оберегать население от их произвола¹¹.

Одним из видов принудительного исполнения являлся правож, представлявший собой физическое воздействие на должника и преследовавший цель не только возместить утраченное истцом (потерпевшим), но и наказать, покарать неисправного должника.

Реализация полномочий пристава по исполнению судебных решений на территории Казанской земли имела свою специфику, т. к. трансформировалась под влиянием объективных факторов. Во-первых, центральное правительство искало опору среди дворян-землевладельцев, состоящих на государственной службе. В уставных грамотах и наказах

воеводам уездов Казанской земли XVI — начала XVII в., в частности Царским наказом царя Михаила Федоровича воеводе Афанасию Суворцеву на управление г. Кокшайском и его уездом 1645 г., предписывалось воздерживаться от обращения взыскания на имущество «лутчих людей из татарове, черемисе, мурз и чувашу», запрет русским людям на покупку их имущества, имений несостоятельных местных феодалов¹². Во-вторых, государственная власть, реализуя политику по христианизации народов Казанской земли, вынужденно шла на непопулярные меры. В частности, чувашаи, черемисы, вотяки, башкиры, мордва, татары не должны заключать сделок, вступать в долговые обязательства, брать в кабалу, земли за долги, жен русских людей. В противном случае все полученное ими взыскивалось в казну государства, а возврат долгов с русских людей не производился¹³. Указанные обстоятельства не могли привести к особенностям в отправлении функций приставами. Условия взысканий с должников-инородцев наиболее полно отражены в содержании царских наказов воеводам. Так, царским наказом от 1607 г. предписывалось выяснять полный состав имущества, полученного татаринном по сделке¹⁴. Для этих целей предусматривались обыск и осмотр крестьянского двора. Имущество, полученное татаринном по сделке, опознавалось и изымалось приставам.

В обязанности пристава по содействию органам местной власти в поддержании общественного порядка входили розыск и поимка беглых крестьян и холопов, выявление и задержание лиц, распространяющих смуту среди населения. Последнее было весьма актуально на территории Казанской земли, где антиправительственные настроения нерусского населения были весьма сильны. Данные функции составляли значительную часть должностных обязанностей пристава, что придавало его статусу карательную специфику и военизированный характер, не свойственные приставам на исконно русских территориях.

Наконец, придерживаясь обозначенной классификации функций приставов XVI в., следует указать на еще одну из них — содействие органам власти в своевременном и полном поступлении налогов и сборов в государственную казну. Участие пристава в данных действиях было связано с подавлением сопротивления местного населения, когда выполнение повинностей приобретало принудительный характер. Позднее, когда аппарат государственного управления в Казанской земле был окончательно сформирован, и его структуры получили поддержку местной феодальной знати, отпала необходимость и участия приставов в сборе налогов. Более того, царскими наказами прямо запрещалось и наказывалось такое участие¹⁵. Судебник предусматривал ответственность пристава как за свои действия, так и за действия лиц, входивших в его аппарат. Приставы несли личную или имущественную от-

ветственность в зависимости от деяния, за которое она наступала. Контроль на местах осуществляли воеводы, головы, дьяки. Кроме того, недовольные деятельностью приставов могли подавать челобитные, минуя эти органы, напрямую царю. Судебник запрещал посулы — взятки, но не определял за них никакого наказания¹⁶.

Система управления, сложившаяся во второй половине XVI в., без особых изменений сохранилась и в XVII в. Среднее и Нижнее Поволжье управлялось приказом Казанского дворца, находящимся в Москве.

¹ См.: Загоскин Н. Уставные грамоты XIV–XVI веков, определяющие порядок местного правительственного управления. Вып. 1, 2. Казань, 1875–1876. С. 158–214.

² См.: Штамм С.И. Комментарий к Судебнику 1497 г. // Российское законодательство X–XX веков / под ред. О.И. Чистякова. Т. 2. М., 1985. С. 66.

³ См.: Горбачева Е.В. Недельщики, мечники, праведчики, доводчики, ябедники и другие // Бюллетень Министерства юстиции РФ. 2001. № 1. С. 48.

⁴ См.: Там же. С. 48.

⁵ См.: Захаров В.В. Институт судебных приставов в дореволюционной России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000. С. 27.

⁶ См.: Дмитриев В.Д. «Царские» наказы казанским воеводам XVII века // История и культура Чувашской АССР: сборник статей. Вып. 3. Чебоксары, 1974. С. 291–292.

⁷ См.: Горбачева Е.В. Указ. соч. С. 48.

⁸ См.: Дмитриев В.Д. «Царские» наказы казанским воеводам XVII века // История и культура Чувашской АССР: сборник статей. Вып. 3. Чебоксары, 1974. С. 304; Он же. Документы по истории народов Среднего Поволжья XVI — начала XVII века // История и культура Чувашской АССР: сборник статей. Вып. 3. С. 285–286.

⁹ См.: Пихно Д. Исторический очерк мер гражданских взысканий по русскому праву. Киев, 1874. С. 29.

¹⁰ Дмитриев В.Д. «Царские» наказы казанским воеводам XVII века // История и культура Чувашской АССР: сборник статей. Вып. 3. С. 308.

¹¹ См.: Дмитриев В.Д. Документы по истории народов Среднего Поволжья XVI — начала XVII века // История и культура Чувашской АССР: сборник статей. Вып. 3. С. 133.

¹² См.: История родного края: хрестоматия. Ч. 1: X — начало XX века / сост.: А.В. Выйкин, Г.И. Григорьева, В.Г. Ткаченко. Чебоксары, 1993. С. 92.

¹³ См.: Там же. С. 93.

¹⁴ См.: Там же. С. 98.

¹⁵ См.: Там же. С. 92.

¹⁶ См.: Сергеевич В.И. Лекции и исследования по истории русского права. СПб., 1883. С. 592.

М.И. Мумлева*

ВЛИЯНИЕ СОВЕТСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 50 — НАЧАЛА 70-Х ГОДОВ XX ВЕКА НА РАЗВИТИЕ ПРАВОВОГО СТАТУСА СУДЕЙ ОБЩИХ СУДОВ СССР

Процесс становления правового статуса судей Советского государства прошел в своем развитии весьма сложный путь, особое значение в ходе которого принадлежит, несомненно, законодательству рассма-

* Мумлева Мария Игоревна — преподаватель кафедры истории государства и права ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия».

триваемого периода. Именно на данном этапе принцип независимости судей и подчинения их только закону нашел свое отражение практически во всех правовых актах, регламентировавших основы судостроительства СССР¹.

Одним из нововведений в принятых 25 декабря 1958 г. Основах законодательства о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик², которые не претерпевали никаких изменений на протяжении всего существования Советского государства, явилось увеличение возраста кандидатов на должности судей до 25 лет.

Общие требования, предъявляемые к кандидатам в судьи и народные заседатели, заключались в следующем: «Судьей и народным заседателем может быть избран каждый гражданин СССР, обладающий избирательным правом и достигший ко дню выборов 25 лет»³.

Таким образом, в основу критериев допустимости участия в выборах в судьи были положены принцип гражданства, наличие избирательного права и возрастной ценз.

Характеризуя квалификационные требования, предъявляемые к кандидатам на должности судей, исследователи того времени отмечали: «Наш закон не ставит формальных препятствий к занятию судейской должности, но это отнюдь не означает, что в Советском Союзе не предъявляется высоких требований к кандидатам на судейскую должность. В действительности требования к кандидату в постоянные судьи очень высоки и неуклонно повышаются по мере продвижения нашего общества к коммунизму»⁴.

Народный судья и народный заседатель, которым поручено решать судьбы других людей и от имени государства выносить решения, должны быть безупречными в нравственном отношении. Только тогда они будут иметь моральное право судить и учить других, только тогда они будут пользоваться заслуженным авторитетом⁵. Право выдвижения кандидатов в народные судьи признавалось за общественными организациями и обществами трудящихся: коммунистическими партийными организациями, организациями молодежи и культурными обществами. Кандидатами в судьи советские граждане выдвигали людей авторитетных, пользующихся доверием трудящихся, высокой нравственностью и безупречного поведения, обладающих необходимыми юридическими знаниями, имеющих не только формальное и моральное право судить других⁶.

Следует заметить, что сам процесс выборов проходил в обстановке исключительной торжественности. В качестве примера можно привести сообщение об итогах выборов народных судей РСФСР 1970 г.: «...Вся избирательная кампания проходила в обстановке большого политического и трудового подъема, вызванного подготовкой к XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза, под знаком

единства и сплоченности трудящихся Российской Федерации вокруг Центрального Комитета КПСС и Советского правительства»⁷.

Выборы народных судей проводились в союзных республиках по избирательным округам, образуемым на территории района, города по числу народных судей, подлежащих избранию в данный районный (городской) народный суд.

Несмотря на всю значимость провозглашенных требований, предъявляемых к кандидатам на должности судей, а также процедуры их избрания, на практике имели место случаи нарушений установленных правил. Так, к примеру, в Справке о фактах досрочного освобождения народных судей и о привлечении судей к дисциплинарной ответственности за 1971 г.⁸, выполненной за подписью Заместителя начальника Отдела кадров Минюста СССР В.А. Грачева, отмечались следующие недостатки при подборе кандидатов в народные судьи: «...Народным судьей Ленинского районного народного суда г. Воронежа в декабре 1970 г. был избран Черников Ю.Г. Впоследствии выяснилось, что в 1957 г. он был осужден народным судом Центрального района г. Воронежа по ст. 38 УК РСФСР к 3 годам лишения свободы условно. Несмотря на судимость, Черников в том же городе дважды избирался народным заседателем и, наконец, его избрали народным судьей. Только после того, как Черников через месяц после избрания его народным судьей (26.01.71) пьяный был доставлен в медвытрезвитель, проверкой была установлена и его прежняя судимость, и имевшие ранее случаи появления его в общественных местах в пьяном виде»⁹.

Еще один показательный пример: «Народный судья Болотниковского районного суда народного суда Новосибирской области Суворин А.М. накануне выборов расторг брак с женой, оставив ее в г. Томске с четырьмя малолетними детками. Это обстоятельство не было установлено при выдвижении кандидатуры Суворина, а в феврале 1971 г., когда он поехал в г. Томск для снятия с партийного учета, Суворин был исключен из членов КПСС»¹⁰.

В Справке отмечается, что все эти факты свидетельствуют о том, что при выдвижении кандидатов в народные судьи необходимые проверки личных качеств кандидатов, их автобиографий не производились.

Одной из важнейших гарантией независимости судей и подчинения их только закону при осуществлении правосудия выступала процедура подотчетности народных судей избирателям. «Советский народный судья тесно связан с народом и сама его работа проходит под постоянным контролем народа»¹¹. При этом, как отмечается в литературе, «подотчетность судей — необходимое следствие их выборности, она служит важным средством связи суда с трудящимися, осуществления ими кон-

троля за деятельностью органов правосудия, действенной формой правового воспитания населения»¹².

Согласно положениям Основ законодательства о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик народные судьи систематически отчитывались перед избирателями в своей работе и работе народного суда. При этом устанавливалась также подотчетность областных, краевых, городских судов, судов автономных областей и национальных округов перед соответствующими Советами депутатов трудящихся. Соответственно Верховные суды союзных и автономных республик отчитывались перед Верховными Советами союзных и автономных республик, а в период между сессиями — перед Президиумами Верховных Советов союзных и автономных республик. Верховный Суд СССР, в свою очередь, отчитывался перед Верховным Советом СССР, а в период между сессиями — перед Президиумом Верховного Совета СССР¹³.

В отчетном докладе народного судьи необходимо было осветить состояние законности и правопорядка на предприятии, организации, учреждении, колхозе, совхозе, населенном пункте, где проводился отчет; структуру и динамику правонарушений; разъяснить сущность советского законодательства и практику его применения при рассмотрении конкретных дел. Такой отчетный доклад народного судьи давал избирателям правильное представление о деятельности народного суда и его роли в борьбе с правонарушениями. Основное внимание в отчетном докладе в части характеристики рассмотренных дел должно быть уделено не цифрам и статистике, важно было показать, как суд применяет законы при рассмотрении конкретных дел и на практике решает задачи советского правосудия¹⁴.

В отчетном докладе народный судья должен был в простой и доступной пониманию форме изложить всю многогранную работу суда, возбудить у слушателя интерес, вызвать его активность при обсуждении доклада. Приведем выдержки из отчетного доклада народного судьи 2-го участка Болотинского района Новосибирской области Ивылева: «... Я сейчас все равно, что полубезработный, — шутливо говорил он. — Судите сами. В прошлом году уголовных дел через мои руки прошло несколько десятков, а с начала этого года — только пять. Хулиганства был только один случай, резко сократились дела о мелком хищении. В прошлом году материалов о мелком хулиганстве было рассмотрено 78, а за пять месяцев текущего года всего пять. Как видите, работы у меня действительно почти нет...»¹⁵.

Несомненное значение имели высказанные по итогам отчетов замечания и предложения, вносимые избирателями по итогам обсуждения отчета о работе суда. В этой связи Т.Н. Добровольская отмечает: «Судья не вправе игнорировать ни одно из замечаний или предложений из-

бирателей, хотя практически реализовано может быть далеко не каждое из них»¹⁶.

Характеризуя значимость данного принципа в работе судей, современники отмечали: «Постоянно чувствуя себя слугою народа, т. Богатырева [народный судья 1-го участка Центрального района г. Кемерово] систематически отчитывается перед избирателями. За 1959 год и первый квартал 1960 года она сделала десять отчетных докладов о работе народного суда. Кроме того, т. Богатырева систематически выступает перед гражданами района с лекциями на правовые темы. Так, в 1959 году ею было прочтено 17 лекций и проведено 30 бесед, а в первом квартале 1960 года — восемь лекций и семь бесед»¹⁷.

Следующей гарантией независимости советских судей является принцип неприкосновенности, который раскрывался в ст. 36 Основ законодательства о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик, устанавливавшей следующий специальный порядок привлечения судей к уголовной ответственности и отстранения в связи с этим от должности:

а) народные судьи, председатели, заместители председателя и члены областных, краевых, городских судов, судов автономных областей и национальных округов и Верховных судов автономных республик — с согласия Президиума Верховного Совета союзной республики;

б) председатели, заместители председателя и члены Верховных судов союзных республик — с согласия Верховного Совета союзной республики, а в период между сессиями — Президиума Верховного Совета союзной республики;

в) Председатель, заместитель Председателя и члены Верховного Суда СССР — с согласия Верховного Совета СССР, а в период между сессиями — Президиума Верховного Совета СССР¹⁸.

Характеризуя указанную особенность правового статуса советского судьи, советские авторы отмечали: «Трудно переоценить значение этой гарантии независимости судей и народных заседателей»¹⁹.

Таким образом, ни местные органы власти, ни специальные органы судебного управления не вправе были санкционировать привлечение к уголовной ответственности, отстранение в связи с этим от должности и арест судей. Решение данных вопросов являлось исключительной компетенцией высших органов государственной власти СССР и союзных республик.

¹ См., например, ст. 9 Основ законодательства о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик от 25 декабря 1958 г.; ст. 6 Положения о военных трибуналах от 25 декабря 1958 г.; ст. 9 Основ гражданского судопроизводства СССР и союзных республик от 8 декабря 1961 г.; ст. 10 Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик от 25 декабря 1958 г.

² См.: Ведомости ВС СССР. 1959. № 1, ст. 12.

³ См. ст. 29 Основ законодательства о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик от 25 декабря 1958 г.

⁴ *Нажимов В.П.* Суд как орган правосудия по уголовным делам в СССР // Вопросы организации суда и осуществления правосудия в СССР: труды кафедры правоведения Калининградского гос. ун-та. Т. 1. Калининград, 1970. С. 49.

⁵ См.: Народный суд // Советская юстиция. 1960. № 14. С. 1–3.

⁶ См.: *Сладков К.С.* Выборы районных (городских) народных судов. М., 1975. С. 24–25.

⁷ Там же. С. 46–47.

⁸ См.: ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 8. Д. 147.

⁹ ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 8. Д. 147. Л. 3.

¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-9492. Оп. 8. Д. 147. Л. 4.

¹¹ *Карев Д.С.* Советская юстиция. М., 1950. С. 51.

¹² *Сухарев А.Я.* Советский суд. М., 1976. С. 19.

¹³ См. ст. 33–34 Основ законодательства о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик от 25 декабря 1958 г.

¹⁴ См.: *Макаров Н.П., Москвин С.С.* Организация работы народного суда. М., 1974. С. 142–145; *Добровольская Т.Н.* Отчеты судей и народных заседателей. М., 1969.

¹⁵ Отчетный доклад народного судьи // Советская юстиция. 1960. № 12. С. 1.

¹⁶ *Добровольская Т.Н.* Указ. соч. С. 45.

¹⁷ *Покровский В.* Народный судья и общественность (записки судьи) // Советская юстиция. 1960. № 11. С. 9.

¹⁸ См. ст. 36 Основ законодательства о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик от 25 декабря 1958 г.

¹⁹ *Божьев В.П., Добровольская Т.Н., Перлов И.Д.* Организационное руководство судами в СССР (судебное управление) / под общ. ред. И.Д. Перлова. М., 1966. С. 41.

Г.Р. Воронов*

КАТЕГОРИЯ ОБЩЕСОЦИАЛЬНОГО ПРАВА В ТРУДАХ Л.С. ЯВИЧА

Опираясь, как и большинство советских ученых, на труды классиков исторического материализма¹ и считая методологической основой юридической науки законы и категории материалистической диалектики, а ее важнейшей проблемой, соответственно, разработку специфики применения последних к изучению государства и права, Л.С. Явич при создании своей теории правопонимания обращается в первую очередь к исследованию генезиса права, который шел от сущности права третьего порядка к сущности второго и, наконец, первого порядка². Он отмечал, что еще на низшей ступени общественного развития у людей возникает потребность охватить общими правилами повторяющиеся циклы производства и обмена и тем самым подчинить каждого индивида общим условиям необходимой совместной производственной деятельности, упрочить данный способ производства, обеспечив его относительную эмансипацию от случая и произвола. Эти правила выработались еще в доклассовом обществе в форме обычаев. Впоследствии, с расколом общества на антагонистические классы, они закрепились уже в качестве общеобязательных норм, стали законом.

* *Воронов Георгий Романович* — аспирант кафедры теории и истории государства и права ФГБОУ ВПО «Самарский государственный экономический университет».

Исторически генезис нормативно-волевого регулирования общественных отношений всегда был связан с предварительным накоплением достаточно большого количества казуального (индивидуально-определенного) регулирования аналогичных случаев. Однако общественное, а затем и государственное регулирование отношений только с помощью конкретных решений по каждому отдельному случаю затрудняет целенаправленную деятельность, в первую очередь — организованность и единую направленность человеческого труда. Казуальные решения по мере своего неоднократного повторения, развития абстрактного, обобщающего мышления создают почву для выработки общих норм, рассчитанных на неоднократное применение при аналогичных ситуациях. В этом смысле исторически (и в интеллектуальном плане) нормативное регулирование представляет более высокую ступень регулирования общественных отношений, чем казуальное. Иное дело, что для применения общей нормы к конкретным обстоятельствам и лицам остается надобность в решениях индивидуального характера и этих решений всегда больше, чем общих норм, на основе которых они принимаются³.

Согласно марксистскому учению, право не коренится в произволе законодателя, в пожеланиях того или иного главы государства. Юридический феномен с самого начала своего возникновения выступает не только как орудие подавления, насильственного отчуждения результатов труда от производителя, но и как форма упрочения производства, правовое закрепление частной собственности и такого общественного порядка, который эмансипирует способ производства от случая и произвола и вместе с тем предоставляет субъектам права известную свободу действий, даже если такими субъектами в силу экономической потребности оказываются не только представители господствующего класса.

Экономические начала в праве, принцип частной собственности становятся важнейшей идеей права всех досоциалистических классовых формаций. Собственность объявляется, наконец, естественным правом человека, источником его свободы и равенства. Органическая связь между юридической формой и собственностью прослеживается на протяжении всей истории их существования.

Все наиболее важные черты права и его принципов, их непосредственная предопределенность волей имущих классов, глобальность, суверенность, нормативность, формальная определенность, общезначимость, обязательность юридических установлений оказываются объективно обусловленными необходимостью, всеобщностью и значимостью для всего населения господствующего способа производства⁴.

Л.С. Явич подчеркивал, что частная собственность не может основываться только на прямом насилии (на варварских средствах защиты) и эпизодическом принуждении, вмешательстве карательных сил власти от случая к случаю. Охрана собственности требовала закона, стабильной судебной практики, санкционированного государством обычая или нормативных договоров, т.е. общего закрепления правопорядка, исключающего случай и произвол. Защита права собственников влекла за собой развитие при помощи власти целой системы норм частного права. Потому и государство, будучи по своей сущности диктатурой одного класса над другим, не могло и не может обойтись одним непосредственным насилием, чинимым вооруженными группами (армией, полицией и т.п.), и в нормальных условиях обеспечивало и обеспечивает правовое принуждение.

Возникнув, государство приобретает долю самостоятельности по отношению к базису, не ограничивается охраной норм, регламентирующих имущественные отношения. Государственная власть стимулирует генезис и развитие публичного права, ее законы регламентируют механизм аппарата насилия и управления, отношения государственных органов с населением, карают преступления⁵.

Л.С. Явич отмечал, что «родившееся в отношениях собственности право оказывается только на первых порах лишь субъективным правом отдельных собственников (владельцев земли, рабов, иного имущества), в дальнейшем оно непременно институализируется, приобретает всеобщую идеологизированную форму в виде законов (иных источников), получает характер права в объективном смысле. Таков результат выражения в праве общеклассовых интересов тех, кто господствовал в экономике, а потому и приобрел государственную власть (политическое господство)»⁶.

Ученый высказывал мысль о том, что исторически и логически правовогенез происходит до завершающей своей стадии независимо от государства, что достаточно явственно прослеживается в диалектике субъективного и объективного права. Формирование на уровне материальных факторов первичных правоотношений (отношений собственности в их волевом виде как конкретных отношений) уже предполагает взаимные права субъектов, содержащие формально равные и эквивалентные (относительно справедливые) масштабы свободы. На этой основе формируются и другие права индивида, в т. ч. политические и личные. Поскольку индивиды образуют социальные группы и классы, постольку в идеологии и политике предстают перед нами социальные притязания на собственность и власть целых классов, а народов и наций — на самостоятельность. Образуется обширная сфера права в социальном смысле, существующая до и помимо государственного признания. Там, где

такое право охватывает общественные отношения, обладающие сами по себе правовой природой, раньше или позже объективно необходимые и возможные масштабы свободы получают официальное признание в индивидуальном, а затем и общем порядке. Сказанное означает, что несмотря на то, что интерес юриспруденции сосредоточен на соотношении между объективным и субъективным правом, находящимся под защитой государства, жизненная диалектика этих явлений такова, что второе по своей природе выходит за рамки специфически юридической формы. Если угодно, то субъективное право как наличное право субъекта общественных отношений оказывается звеном «сцепления» фактически складывающегося права с его законной формой объективации, происходящей в результате государственной деятельности. Получив признание в индивидуальных актах, наличные права субъектов необходимо порождают — по мере складывающегося общеклассового интереса тех, кто господствует — объективное право. И тот факт, что в условиях развитой законодательной деятельности юридические нормы предшествуют правоотношениям и как бы определяют их характер, ни в какой степени не опровергает генетического первенства субъективных прав и первичных правоотношений⁷.

Таким образом, Л.С. Явич солидаризировался с представителями философского подхода к правопониманию, прежде всего, с В.С. Нерсесянцем, которые разграничивали право и закон⁸. Важно учитывать, отмечал он, что, с гносеологической (методологической) точки зрения, различие между правом и законом лежит не столько в признании последнего одной из форм права, сколько в том, что первооснова права заключена не в воле законодателя, а в господствующей системе производственных отношений, что именно они, эти материальные отношения, таковы, что с объективной необходимостью порождают право (иначе, сами обладают правовой природой), что именно сдвиги в материальных отношениях, в конечном счете, объективно необходимо обуславливают сдвиги в правовой надстройке⁹. Внешнее проявление — государственная власть — издает законы, как бы «порождает» право. Однако явление и его сущность не тождественны (в противном случае, не нужна была бы наука!), законодательство — форма права и категория политическая. Право не сводимо к законам. Его содержательное качество — адекватность общественным потребностям, определенная мера свободы, равенства и справедливости, корни которых должны уходить в характер производственных отношений. В качестве порядка отношений собственности, распределения и обмена оно (право) есть юридическое выражение господствующей системы производственных отношений, нуждающееся в государстве, в публично-правовой форме своего признания и защиты организованным принуждением. Внешне,

на поверхности политической жизни, государство устанавливает правопорядок. Внутренне, с позиций функционирующего способа производства, правопорядок, диктуемый экономикой, требует государства, его охраняющего¹⁰.

Л.С. Явич говорил о том, что традиционная нормативная схема правопонимания по существу элиминирует связь закона с правом и ограничивается констатацией того, что это лишь одна из форм права. Он поддерживал Ю.А. Тихомирова, когда тот ссылаясь на гегелевское понимание данной проблемы и положения К. Маркса о том, что законодатель должен считаться с правовой природой вещей и быть как бы естествоиспытателем, не выдумывая законов, а открывая их в реальной жизни¹¹. Л.С. Явич подчеркивал, что правопонимание, полностью сводящее право к закону государства, «таит в себе истоки волюнтаристского и нигилистического отношения к юридической форме общественных отношений и социальных связей фактического порядка, что пагубно сказалось на обширной сфере правосознания и правовой идеологии, а потому и на самом состоянии законности и правопорядка. Деформация правосознания, в свою очередь, отражала то состояние социальной незащищенности прав и свобод граждан, произвол, массовые противоправные репрессии, которые царили в 30—40-е гг. и тяжким ярмом легли на мысли, чувства и волю людей, на духовный, нравственный облик народа, сковывали поведение граждан и расковыряли противоправное поведение должностных лиц госаппарата. Именно в те годы была утрачена вера в право и справедливость, в связанность политической деятельности законом и принципами нравственности»¹². «И ныне, — замечал ученый, — невнимание политиков к ступени общественного развития страны в материальном производстве, мысль о том, что государство, власть силы в состоянии переломить объективный ход истории, что политика имеет «приоритет» над экономикой, являются ахиллесовой пятой многих — «вождей» народа и государственных деятелей»¹³.

Вместе с тем, касаясь вопроса о соотношении права и закона, Л.С. Явич замечал, что его решение «не служит отправным пунктом научного подхода к правовой действительности, а напротив, является результатом, следствием социально-философского восприятия права, его общего понятия и отражающих его определений. Можно ли строить научное понятие права из заранее заданных утверждений о его соотношении с законом? Видимо, нельзя, ибо понимание права зависит от степени проникновения в его сущность. Проблема сущности права, — подчеркивал Л.С. Явич, — центральная в философской проблематике общей теории права»¹⁴. По его мнению, позиция В.С. Нерсесянца страдает известной односторонностью, ибо право нельзя ни отождествлять с законом, ни противопоставлять ему¹⁵.

В целом философский подход к праву, как полагал Л.С. Явич, «помогает глубже проникнуть в сущность права и объективные закономерности его бытия, осознать главное в развитии и функционировании права, постигнуть его демократический и нравственный потенциал, охватить перспективы. Материальная детерминация права, классовая сущность законодательства, политический смысл законности не исключают связи права с историческими рамками свободы, равенства и справедливости, с общественным прогрессом»¹⁶. Только исходя из многопланового социально-философского подхода к праву можно достигнуть полного понимания¹⁷.

Одним из основных постулатов философского подхода к правопониманию является признание факта существования естественного, общесоциального права¹⁸, которое, по мнению Л.С. Явича, представляет собой сферу свободы, исключает превращение личной свободы во вседозволенность, анархию и произвол индивида, его безответственность перед обществом и другими людьми. В его представлении право — не безграничная свобода, это масштаб свободы, благодаря которому обеспечивается свобода каждому индивиду, масштаб, формально равный и относительно справедливый, ориентированный на минимум нравственности, на простейшие правила человеческого общежития, поддерживающие существование общества и ограждающие его от асоциальных проявлений, представляющих угрозу его бытию при любой общественно-экономической формации¹⁹. Социальная роль права как сферы свободы и минимума нравственности, как аккумулятора достижений разума, культуры и просвещения в вековечном стремлении народов к миру, свободе, справедливости, равенству в XXI в. только возрастает, а важнейшим институтом современных правовых систем оказывается не только право собственности, но и права человека²⁰.

Таким образом, возвращаясь к сказанному, генезис права как юридической формы общественных отношений осуществляется от владения и собственности (фактических индивидуальных «первичных» правоотношений) к предопределенному ими масштабу свободы, а затем к его официальному признанию и выражению в воле тех, кто законодательствует²¹.

Понятие права, соответствующее диалектическому и историческому материализму, Л.С. Явич по традиции противопоставлял буржуазному его пониманию. «Ясно, — писал он, — что и отрыв права от общественных отношений, которые его порождают, и сведение права к общественным отношениям, в которых оно находит свою реализацию, в одинаковой мере чужды марксистско-ленинскому пониманию права. Научное понятие права, его классовую сущность, специфические черты и закономерности его развития и функционирования марксистско-

ленинская общая теория права раскрывает на основе положений исторического материализма, анализа общественных отношений, которые определяют право и все иные правовые явления и в которых право находит свое осуществление. Право — такое явление, что вне процесса его образования и реализации нельзя глубоко проникнуть в его суть»²².

Суть диалектико-материалистического подхода Л.С. Явич видел в следующем.

Во-первых, он означает категорическое неприятие буржуазных иллюзий о том, что юридическая форма якобы преобладает над экономическим содержанием, что законодательство покоится только на свободном волеизъявлении тех, кто принимает законы и настаивает на их соблюдении²³. Ученый утверждал, что правовые системы государств бывают именно такими, каковы в соответствующих странах экономические системы, а воля законодателей оказывается, в конце концов, обусловленной материальными условиями жизни тех господствующих классов, чьи потребности и интересы защищает закон и суд государства. Истоки права следует искать не в головах людей, а в экономических обстоятельствах, с которыми связана человеческая деятельность. Нормальное осуществление способа материального производства объективно нуждается в определенной форме его общественного упрочения, которая оберегает отношения производства, распределения и обмена от случая и произвольных действий его участников. И такой особой формой оказываются законы государства, иные правовые явления. Таким образом, *право выступает в качестве особой, специфической формы упрочения господствующего способа производства и должно восприниматься как юридическое отражение соответствующих производственных отношений*.

Во-вторых, материалистическое понимание права предполагает также признание того, что его важнейшие качественные свойства (общезначимость, нормативность, обязательность) коренятся в правовой природе соответствующих материальных отношений, которые в классовом и государственно организованном обществе с объективной необходимостью порождают определенную юридическую форму, вне зависимости от того, сознает или не сознает это законодатель. *Государственная власть всегда вынуждена, раньше или позже, более или менее удачным путем санкционировать, официально фиксировать в качестве юридических установлений те отношения, в существовании которых имеется объективная экономическая необходимость*.

В-третьих, историко-материалистическое понимание права исходит из того, что право — это реальный элемент социальной действительности, что его нельзя понимать только лишь как некие психиче-

ские переживания, пожелания и представления людей, что оно не может представлять собой абстрактные идеи, «чистое» должествование, оторванное от фактических отношений и не связанное с превращением самой юридической возможности в фактическую деятельность и фактические общественные отношения. Это не просто вид идеологического осознания действительности, но и материально обусловленное, активно-волевое устремление господствующих классов воздействовать на существующие порядки. Классово-волевой характер законодательства и судебной деятельности позволяет использовать право для обратного воздействия юридической регламентации на те экономические отношения, которые эту регламентацию породили. Следовательно, необходимо всегда иметь в виду, что *право, будучи надстройкой, оказывает существенное влияние на породивший его экономический базис, способно либо содействовать его упрочению и развитию, совершенствованию экономической системы, либо тормозить экономическое развитие, консервировать устаревшие формы и структуры хозяйства*. Право воздействует не только на экономические отношения. При помощи законодательства и судебной практики, других юридических средств господствующие классы защищают удобную и выгодную им политическую систему, определяющуюся в конечном счете той же экономикой. Право охраняет важнейшие экономические и политические отношения, в существовании которых жизненно заинтересованы господствующие классы, осуществляющие государственную власть. Именно господствующие при данных производственных отношениях индивиды, группы, классы, иные социальные общности официально выражают в правопорядке свойственную этим отношениям необходимость в праве, которое закрепляет как господствующий тип собственности, так и связанный с ней тип политической организации общества.

И это, по мнению Л.С. Явича, позволяет рассматривать всю историю возникновения и развития права как объективно необходимый и закономерный процесс смены его исторических типов — права в рабовладельческом, феодальном, капиталистическом и социалистическом обществах классовых экономических формаций. Тип права отвечает на вопрос о том, какой экономический базис лежит в его основе, интересы и потребности какого класса оно защищает, воля какого класса выражена в действующем законодательстве и актах правосудия²⁴.

Касаясь вопроса о воле, Л.С. Явич выделял следующие ее особенности. Во-первых, это должна быть общеклассовая воля, а не волеизъявление отдельных личностей или групп, стоящих у власти. Только она способна в полной степени выразить общеклассовые интересы

и потребности, а тем самым и объективные потребности того способа производства, при котором данные классы занимают господствующее положение. Во-вторых, это должна быть такая воля, которая в качестве общеобязательных норм закрепляет не только обязанности, но и права участников общественных отношений, т.е. устанавливает соответствующие масштабы свободы. В третьих, это должна быть воля, выраженная в государственных актах, которые являются формами признания, отражения, закрепления, достаточно четкого формулирования требований объективно обусловленного и реально действующего права. Отсутствие хотя бы одного из этих признаков исключает превращение воли, даже господствующих классов, в какую-либо общезначимую форму права²⁵. Л.С. Явич исходил из того, что объективированная воля господствующего класса является содержанием права, и считал ошибочной позицию авторов (например, Д.А. Керимова²⁶, А.Ф. Шебанова²⁷ и др.), сводивших содержание права к одним лишь правилам поведения²⁸.

Вместе с тем ученый указывал на недопустимость упрощенного подхода к толкованию вопроса о классово-волевой направленности законодательства и иных форм права. В одной из своих статей он обращал внимание на то, что государство — это особый аппарат публичного властвования, возвышающийся над обществом, и вместе с тем особая форма организации общества, расколотого на классы, но заинтересованного в выполнении каких-то «общих дел», вытекающих из самой природы любого человеческого общества²⁹. При этом его позиция отнюдь не шла вразрез с марксистским учением. Он приводит цитату К. Маркса о том, что деятельность государства необходимо включает «два момента: и выполнение общих дел, вытекающих из природы всякого общества, и специфические функции, вытекающие из противоположности между правительством и народными массами»³⁰.

Л.С. Явич полагал, что праву, как и государству, прежде всего, свойственно закрепление общественных отношений, которое преследует не только защиту собственно классовых интересов тех, кто осуществляет государственную власть, но и обеспечение существования общества, без чего невозможно экономическое и политическое господство определенного класса. Сохранение общности, решение «общих дел» (борьба со стихийными бедствиями и эпидемиями, с уголовной преступностью, охрана природы, среды обитания людей, забота об энергетических и продовольственных ресурсах, просвещении и обучении, о темпах роста народонаселения и т.п.) оказываются предметом законодательства в той мере, в какой сам господствующий класс не может существовать без этих предварительных условий любой социальной общности и функционирования любого способа производства, а также

воспроизводства человеческой жизни вообще. Кроме того, необходимо иметь в виду, что властвующие классы подчас вынуждены идти на уступки, компромиссы и союзы с другими классами. Это находит, конечно, отражение в законодательстве и судебной практике, в следовании тем или иным правовым обычаям и традициям. Нельзя забывать и периоды т. н. «равновесия» классовых сил или неразвитости классовых отношений, когда государственная власть получает значительную самостоятельность по отношению к интересам целых классов. Наконец, господствующие классы, возводя свои требования в государственный закон, формулируя юридические нормы, вынуждены считаться с уже сложившейся в стране системой права, не терпящей противоречий между нормами³¹. Получается, что право представляет собой не только «возведенную в закон волю господствующего класса», но и средство решения важных для всего общества задач, орудие достижения социального компромисса, обеспечения своеобразного баланса различных социальных сил. В выдвигании и обосновании этой идеи в полной мере проявляется отстаиваемый Л.С. Явичем многоаспектный подход к правопониманию, более широкий, по сравнению с традиционным толкованием права.

¹ Анализ творческого наследия классиков исторического материализма посвящен целый ряд работ Л.С. Явича. См., например: Манов Г.Н., Явич Л.С. Борьба К. Маркса и Ф. Энгельса против политических учений мелкой буржуазии // Ученые записки Таджикского университета. Т. XV: Труды юридического факультета. Сталинабад, 1957. Вып. 6. С. 3–37; Явич Л.С. К 180-летию Карла Маркса: О творческом наследии // Правоведение. 1998. № 4. С. 95–103.

² См.: Явич Л.С. Сущность, содержание и форма в праве // Методологические проблемы советской юридической науки / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М., 1980. С. 47.

³ См.: Общая теория государства и права: в 2 т. Т. 2: Общая теория права / отв. ред. В.С. Петров, Л.С. Явич. Л., 1974. С. 6.

⁴ См.: Явич Л.С. Об одном из аспектов взаимосвязи права и государства // Правоведение. 1969. № 5. С. 36; Он же. Право развитого социалистического общества (сущность и принципы). М., 1978. С. 13, 15, 16.

⁵ См.: Явич Л.С. Сущность права (социально-философское понимание генезиса, развития и функционирования юридической формы общественных отношений). Л., 1985. С. 25–26.

⁶ Там же. С. 10–11.

⁷ См.: Там же. С. 97–98.

⁸ См., например: Нерсесянц В.С. Право: многообразие определений и единство понятия // Советское государство и право. 1983. № 10. С. 27.

⁹ См.: Явич Л.С. К разработке концепции права развитого социализма // Правоведение. 1981. № 6. С. 19.

¹⁰ См.: Явич Л.С. О соотношении права и государства, развитии и реализации идеи правового социалистического государства // Правоведение. 1988. № 6. С. 20–21, 27.

¹¹ См.: Дрейшев Б.В., Явич Л.С. Рецензия на книгу: Тихомиров Ю.А. Теория закона. М.: Юридическая литература, 1982. 256 с. // Правоведение. 1983. № 3. С. 105.

¹² Цит. по: Зыкина Т.А. Общественные науки на путях перестройки: обзор материалов конференции // Правоведение. 1998. № 5. С. 113–114.

¹³ Явич Л.С. К 180-летию Карла Маркса: О творческом наследии // Правоведение. 1998. № 4. С. 95.

¹⁴ Явич Л.С. О преподавании общетеоретической юридической дисциплины и введении курса политологии // Правоведение. 1989. № 5. С. 14.

¹⁵ См.: Явич Л.С. Проблемы общей теории права // Правоведение. 1984. № 6. С. 21.

¹⁶ Явич Л.С. Характер философских проблем правовой науки // Советское государство и право. 1984. № 7. С. 12.

¹⁷ См.: Явич Л.С. Рецензия на книгу: Сравнительное правоведение: сборник работ ученых социалистических стран / под ред. В.А. Туманова. М.: Прогресс, 1978. 246 с. // Советское государство и право. 1979. № 5. С. 152.

¹⁸ См., например: Явич Л.С., Сальников В.П., Федоров В.П. Рецензия на книгу: Лукашев Е.А. Право. Мораль. Личность. М.: Наука, 1986. 264 с. // Правоведение. 1987. № 4. С. 101.

¹⁹ См.: Явич Л.С. Господство права: К концепции правового государства в СССР // Правоведение. 1990. № 5. С. 13–14.

²⁰ См.: Явич Л.С. О философии права на XXI век // Правоведение. 2000. № 4. С. 5.

²¹ См.: Явич Л.С. Проблемы общей теории права // Правоведение. 1984. № 6. С. 21.

²² Явич Л.С. Социология и право // Правоведение. 1970. № 4. С. 16–17.

²³ См.: Явич Л.С. Некоторые теоретические проблемы осуществления норм советского права // Ученые записки Таджикского университета. Т. XI. Труды юридического факультета. Вып. 4. Сталинабад, 1956. С. 33–39; Он же. Сущность права (Социально-философское понимание генезиса, развития и функционирования юридической формы общественных отношений). С. 15–16; Он же. Основы знаний о Советском государстве и праве. Л., 1979. С. 12–13; Он же. Сущность, содержание и форма в праве. С. 49.

²⁴ См.: Теория государства и права / отв. ред. А.И. Королев, Л.С. Явич. Л., 1987. С. 79–82.

²⁵ См.: Касаткин Ю.П., Явич Л.С. К вопросу об общих и специфических закономерностях развития права // Ученые записки Таджикского университета. Т. VIII. Труды юридического факультета. Вып. 3. Сталинабад, 1955. С. 43–44; Явич Л.С. Сущность, содержание и форма в праве. С. 51–52; Теория государства и права / отв. ред. А.И. Королев, Л.С. Явич. С. 86–87.

²⁶ См.: Керимов Д.А. Законодательная деятельность Советского государства. М., 1955. С. 87.

²⁷ См.: Шебанов А.Ф. Форма советского права. М., 1968. С. 17.

²⁸ См.: Явич Л.С. Проблема содержания и формы в праве // Ученые записки Таджикского университета. Т. VIII. Труды юридического факультета. Вып. 3. Сталинабад, 1955. С. 54, 56; Он же. Диалектика формы и содержания в праве // Философские проблемы государства и права (Ленинские идеи и вопросы методологии в юридической науке) / под ред. Д.А. Керимова и Л.С. Явича. Л., 1970. С. 32.

²⁹ См.: Явич Л.С. Об одном из аспектов взаимосвязи права и государства // Правоведение. 1969. № 5. С. 37.

³⁰ Там же.

³¹ См.: Теория государства и права / отв. ред. А.И. Королев, Л.С. Явич. С. 89–90.

Т.Л. Рудченко*

ПРАВО КАК РЕГУЛЯТОР ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Такое сложное социальное явление, как право, может рассматриваться в самых различных плоскостях и аспектах. Однако особую актуальность сегодня приобретает анализ права с позиций социального управления. Ни у кого не вызывает сомнений, что правовое регулирование остается главным способом управления общественным поведением и определяется как воздействие на социальное поведение индивидов, общественные отношения, социальные процессы. Регулирование осуществляется на основе правил, норм, формирующихся в саморегулирующейся системе. Институты права, как и право в целом, представляют собой инструмент, обеспечивающий нормальное функционирование общества.

* Рудченко Татьяна Львовна — аспирант кафедры экономической социологии ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный социально-экономический университет».

Вместе с тем необходимо иметь в виду, что социальное управление (в т. ч. с помощью правового регулирования) не адекватно формуле «команда — исполнение». Между общественными отношениями и правом существует сложная взаимосвязь. С одной стороны, при анализе общественной системы в целом обнаруживается определяющая роль общественных отношений в формировании права; с другой — сами общественные отношения выступают объектом целенаправленного правового воздействия¹. Задача организовать мирное и высокоорганизованное сосуществование людей на земле сегодня возлагается на законодательство, управление и правосознание. В основе правосознания, по мнению В.А. Есакова, лежит непосредственное убеждение человека в возможности и необходимости отличить «допустимое» и «верное» поведение от «недопустимого» и «неверного»². И именно право устанавливает позитивные правила поведения, организует общественные отношения, координирует социальные взаимосвязи. В жизни право указывает каждому члену общества то поведение, которому он должен следовать, и то поведение, которого он должен избегать, т. е. управляет его поведением. В результате право способствует установлению официального обязательного для всех адресатов общественного порядка. Осуществляется это путем точного определения прав и обязанностей, кто и на что имеет право (может делать) и что он обязан (должен) делать.

Право служит важнейшим инструментом управления социальными явлениями и процессами и побуждает людей к активному поведению. В этом смысле на первое место выдвигается то направление правового регулирования, которое связано с созданием новых общественных отношений. Поэтому право выступает не только в роли регулятора, но и в качестве инструмента непосредственного управляющего воздействия на поведение людей, участников общественных отношений³.

Право не может и не должно регулировать все существующие в обществе отношения. Социологию права интересуют те сферы жизнедеятельности общества, которые подвергаются регулированию, а также вопрос, почему один вид общественных отношений регулирует право, другой — мораль, а третий — религию. Социальное регулирование распространяется на такие сферы, как брачно-семейная, трудовая, политическая и др. Так, внутрисемейные отношения находятся за пределами правового регулирования, а регистрация брака, развод, взыскание алиментов подлежат правовому регулированию. Внутренняя организация общественных объединений, например, профсоюзов, принятие в члены, разработка целей и программ, содержание уставов, размер членских взносов, их расходование и т. п. правом не должны регулироваться. Нельзя регламентировать все и вся⁴.

Необоснованное расширение сферы правового регулирования создает условия для тоталитарных режимов, зарегулированному поведению людей, ведет к их безынициативности, страху и пассивности. На каждом конкретно-историческом этапе развития общества важно разумно определить сферу правового регулирования. Трудности вызывает установление границ или пределов и четких признаков тех общественных отношений, которые целесообразно регулировать. При определении сферы правового регулирования отношений, по мнению В.И. Мухина, необходимо учитывать следующие факторы:

во-первых, отношения, в которых находят отражение как индивидуальные интересы членов общества, так и интересы социальные;

во-вторых, в этих отношениях реализуются взаимные интересы их участников на основе компромисса, т. е. взаимных уступок, ради удовлетворения интересов другого;

в-третьих, эти отношения строятся на основе согласия следовать определенным правилам, признания обязательности этих правил;

в-четвертых, данные отношения требуют соблюдения правил, обязательность которых подкреплена достаточно реальной (действенной) силой государства⁵. Сфера правового регулирования не остается неизменной: она может как расширяться, так и сужаться. В течение столетий люди не обращали внимание на охрану природы. И только в последние десятилетия экологические отношения попали под защиту и охрану права, стало активно развиваться экологическое законодательство.

А.С. Астафьев, определяя методы, способы правового регулирования, выделяет детальные (централизованные) и децентрализованные. Детальное регулирование — это практически однозначное предписание конкретного поведения участников общественных отношений, присущее императивному или централизованному методу, который также носит название метода субординации⁶. При его использовании правовое регулирование «сверху донизу» осуществляется на властных началах. Этот метод наиболее распространен в административном, банковском праве и других публично-правовых отраслях. В регулируемых с помощью этого метода отношениях приоритетным, как правило, является социальный интерес.

Метод децентрализованного регулирования построен на согласовании целей и интересов сторон в общественных отношениях, ход и процесс которых определяются участниками регулируемых отношений путем договора, односторонних правомерных юридических действий⁷. Этот метод характерен для отраслей частного права, прежде всего, гражданского, субъекты которого удовлетворяют в первую очередь свои частные интересы. В таких отраслях права, как семейное, трудо-

вое, экологическое, земельное и другие, существуют различные сочетания или вариации этих главных методов.

Способы, или пути регулирования общественных отношений, раскрывают специфику методов регулирования и выражаются в особенностях юридических норм. В теории права известны всего три основных способа правового регулирования, т. е. законодатель может дать участникам общественных отношений только одно из трех следующих предписаний: 1) поступайте, как считаете нужным (дозволение); 2) только так не поступайте (запрет); 3) поступайте только так (обязывание). Первый способ выражается в делегировании комплекса дозволений лицу на совершение определенных действий или воздержание от их совершения (например, собственнику дозволяется владеть, пользоваться и распоряжаться автомобилем). Данный метод социального регулирования, обращенный к психологической сфере (чувствам, привычкам, эмоциям) человека, убеждает в правильности и выгоды определенного поведения. Акцент делается на авторитет, а не на насилие. Второй способ возлагает на лицо обязанность воздерживаться от совершения определенных действий (например, субъекту права запрещается совершать преступления, предусмотренные Особенной частью УК РФ; работодателю запрещается привлекать к сверхурочным работам несовершеннолетнего). Данный метод регулирования, основанный на материальном стимулировании (поощрении, вознаграждении или лишении определенных благ, привилегий), когда та или иная выгода определяет желаемое поведение. Третий способ регулирования означает предписание совершать определенные действия (например, следователь обязан раскрывать и расследовать преступления; предприниматель — платить налоги). Обязывание, принуждение — это способ воздействия, когда социально-необходимое или желаемое поведение достигается с применением насилия, т. е. лицам, отклоняющимся от установленных правил поведения. Такой метод основывается на возможности государственного или общественного принуждения в случае необходимости и реализации этой угрозы.

Нетрудно заметить, что второй и третий способы имеют определенное сходство: и тот и другой предполагают возложение обязанностей, только в одном случае обязанности носят активный, позитивный характер, а в другом — пассивный.

В социальном регулировании, как правило, задействованы все эти методы в различных комбинациях или может использоваться каждый метод в отдельности. Они позволяют регулировать поведение индивидов и социальных групп в обществе.

В.А. Есаков подчеркивает, что человек, в отличие от элементов неживых систем, действует во многом под влиянием потребностей, цен-

ностей, мотивов, целей и задач, возникающих под воздействием различных факторов как личностного, так и объективного (природного, социального) характера⁸. Неосознанная нормативность проявляется в форме стереотипов и привычек. Такое поведение связано как с внешними действиями (условиями), так и с психическими образованиями. Привычное же поведение называется обычно менталитетом, состоящим из присущих данному субъекту схемы мышления, ценностей, оценок. Так, в России процесс формирования правовой культуры развивался в рамках оппозиции прав и морали, причем побеждала, в отличие от западноевропейских традиций, мораль. В представлении русских мыслителей этот факт отразился в полной мере. У Б.Н. Чичерина право олицетворяет и ограничивает законом внешнюю свободу человека, а вот внутренняя его свобода регулируется нравственностью и религиозной верой. Н.М. Коркунов отделял право от нравственности как инструментальные отношения, регулирующие столкновения общественных интересов, права и обязанности субъектов, вступающих в правоотношения. Отечественная юриспруденция подходила к праву с точки зрения общечеловеческих ценностей, выработанных цивилизацией, на основе которых возможно создание идеала общественного устройства. Особое значение придавалось положению о том, что человеческой природе изначально присущи определенные этические принципы, исконные правовые начала, выполняющие в обществе регулируемую функцию. Поэтому право представало как нравственность⁹. Современные юристы приходят к иным теоретическим выводам, в частности, обосновывая методологический принцип, состоящий в том, что «закон должен быть правовым, но не моральным, религиозным и т. д. Морализация закона столь же ошибочна и вредна, как узаконение морали»¹⁰.

Законодательство как культура в узком смысле, с точки зрения В.А. Есакова, представляет собой совокупность специфических, специальным образом выработанных, установленных (принятых) и регулирующих общественные отношения социальных норм, имеющих название «законодательство»¹¹. Законодательные нормы являются разновидностью социальных норм¹². Именно социальные нормы выступают в качестве регулятивов социальных взаимодействий. Безусловно, к разновидностям социальных норм можно отнести традиции, обычаи и моральные нормы. В.А. Есаков выделяет следующие основные отличия законодательных норм от указанных социальных правил:

законодательные нормы предписываются социокультурной среде «извне», посредством правоустанавливающих механизмов, органов, а также тем, что необходимость выполнения предписанных законодательством правил поведения или отклонения от них достаточно жестко регламентируется с помощью специальных средств и процедур;

законодательные нормы соотносятся с обычаями так же как и с традициями. Объясняется это тем, что термин «обычай» очень близок к сути традиции и порой отождествляется с ней. Однако последняя охватывает больший круг явлений, сфер социальной жизни, нежели обычаи. И если обычаи основываются при переходе от поколения к поколению, то традиции содержат в себе больший оценочный компонент;

моральные (этические, нравственные) нормы, как и традиции, обычаи, формируются в процессе социальной деятельности людей. Мораль генетически восходит к феномену обычая, но отличается от него и от традиций в основном тем, что регулирует преимущественно сферу межличностных отношений, основанных на принятых в данном обществе нравственных ценностях. В основе обязывающего значения нравственных норм лежит сила личных убеждений людей и общественного мнения.

Общество, как и любая система, должно поддерживать баланс интересов всех ее порой разнонаправленных сил (социальных групп, общностей, партий, движений и т. д.), находить направления своего дальнейшего развития в свете объективных внутренних и внешних требований, а также вырабатывать средства для поддержания самого себя в определенном качестве. Человеческое общество как сложный социальный организм состоит из огромного количества людей, социальных групп и общностей, каждый из которых имеет различные потребности, являющиеся основанием возникновения интересов, мотивов и изначальной движущей силой, источником и причиной деятельности людей¹³. Поэтому и необходимы общие правила игры, устанавливающие для общества рациональные, не выходящие за определенные рамки действия. Роль их определяется законодательной (нормативной) базой. Однако необоснованное расширение сфер законодательного регулирования ведет к созданию условий тоталитаризма, к застою. Неоправданное же сужение регулирующего влияния права может повлечь преобладание интересов отдельных субъектов в ущерб другим лицам, гражданам.

Подчеркнем, что законодательные установления различны по субъектам и объектам, по санкциям и точности предписываемых действий, но суть нормативной регуляции у них одна и та же. Необходимость законодательства вытекает из того, что сам человек и организации, состоящие из людей, в силу изначальной присущей им свободы действий, не связаны какими-либо ограничениями и без достаточно жесткого регулирования извне могут погубить друг друга, деградировать. Все это способствует формированию основных задач законодательного управления на уровне общества, выработке оптимальной системы правовых норм, средств и способов воздействия на поведение людей с целью соз-

дания наиболее благоприятных условий жизнедеятельности общества, его дальнейшего развития.

В заключение необходимо подчеркнуть, что без культурной памяти и высокой правовой культуры невозможно сохранение национальных традиций, религиозных и нравственных норм, формирование ценностных ориентаций современного общества.

¹ См.: Костин В.А. Теория управления: учебное пособие. М., 2004. С. 47.

² См.: Есаков В.А. Организационно-правовые вопросы в деятельности учреждений культуры // Российский следователь. 2007. № 11. С. 17.

³ См.: Общая теория права и государства: учебник / под ред. В.В. Лазарева. М., 2001. С. 12.

⁴ См.: Большая энциклопедия: словарь общедоступных сведений по всем отраслям знания / под ред. С.Н. Южакова. М., 2007. С. 408.

⁵ См.: Мухин В.И. Основы теории управления: учебник для вузов. М., 2003. С. 256.

⁶ См.: Управление организацией: учебник / под ред. А.Г. Поршнева, З.П. Румянцевой, Н.А. Саломатина. М., 2003.

⁷ См.: Костин В.А. Указ. соч. С. 32.

⁸ См.: Есаков В.А. Культурное управление в сфере социального контроля // Вопросы культурологии. 2010. № 2. С. 68.

⁹ См.: Графский В.Г. Право и мораль в истории: проблемы ценностного подхода // Государство и право. 1998. № 8. С. 114.

¹⁰ Там же. С. 116.

¹¹ См.: Есаков В.А. Культурное управление в сфере социального контроля // Вопросы культурологии. 2010. № 2. С. 69.

¹² См.: Энциклопедический социологический словарь / под общ. ред. Г.В. Осипова. М., 1995. С. 454.

¹³ См.: Там же. С. 527.

КОНСТИТУЦИОННОЕ, АДМИНИСТРАТИВНОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

М.А. Дубровина*

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ НЕДОСТАТКАХ ОБРАЗОВАНИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ОКРУГОВ И ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ, СОСТАВЛЕНИЯ СПИСКОВ ИЗБИРАТЕЛЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Образование избирательных округов и избирательных участков является обязательной стадией избирательного процесса. Назначение ее заключается в том, что без грамотной организации деления государства с большой протяженностью и разной концентрацией населения в регионах на избирательные округа невозможно обеспечить реализацию одного из ключевых принципов избирательного права — равенства избирательных прав граждан. Каким бы сильным не было стремление законодателя предотвратить возможные злоупотребления избирательными правами граждан, тем не менее, такие нарушения имеют место, в т. ч. на стадии формирования списков избирателей, образования избирательных округов и избирательных участков.

Образование избирательных округов и избирательных участков на территории, на которой проводятся выборы, вызывает сложности, а допущенные в процессе их формирования нарушения могут привести к признанию выборов недействительными. Так, определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ по кассационной жалобе Избирательной комиссии Магаданской области и по кассационному протесту прокурора на решение Магаданского областного суда от 17 сентября 2001 г. о признании недействительными

* Дубровина Марина Анатольевна — доцент кафедры конституционного и международного права ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», кандидат юридических наук.

результатов выборов депутата Магаданской областной Думы по избирательному округу № 6 и об отмене решения окружной избирательной комиссии от 21 мая 2001 г. № 6 о результатах выборов по этому округу выборы депутатов Магаданской областной Думы третьего созыва 20 мая 2001 г. признаны недействительными в связи с нарушениями норм закона Магаданской области «О выборах депутатов Магаданской областной Думы» (в части нарушения правил составления списков избирателей, правил формирования избирательных округов, участков)¹.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ указала на следующие нарушения, допущенные в ходе проведения избирательной кампании: по некоторым избирательным округам фактическая численность избирателей была меньше предельно допустимой нормы на 449 избирателей; не проводилась корректировка численности избирателей в округах при передаче жилых домов из одного округа в другой; были установлены различия в границах по округам и составляющим их избирательным участкам (одни и те же дома отнесены одним постановлением областной Думы к разным округам); допускалось пересечение границ избирательных округов и избирательных участков согласно схеме избирательных округов и участков; списки избирателей окружной избирательной комиссией не составлялись, отсутствовал второй экземпляр списков голосующих; в дополнительные списки включались граждане, не имеющие права голосовать вообще (умершие, выписавшиеся, находящиеся в армии и т.д.), либо не имеющие права голосовать на конкретном избирательном участке (включенные в списки избирателей в другом округе, участке, не имеющие постоянного места жительства в данном округе), некоторые граждане включались в списки избирателей дважды и др. Налицо грубейшие нарушения избирательного законодательства, в связи с чем увеличивается значение контрольной деятельности со стороны избирательных комиссий за образованием избирательных округов, избирательных участков, за правильностью составления списков избирателей, своевременностью предоставления необходимой информации.

Истории проведения выборов в России в субъектах известны факты образования «профессиональных», «женских» и «национальных» избирательных округов, в основу которых были положены профессиональный, национальный либо гендерный критерий. От «женских» избирательных округов могли баллотироваться только женщины. По сообщению Центризбиркома России, в период проведения выборов в органы государственной власти Республики Дагестан в марте 1999 г. (практика создания таких округов существовала и ранее) был зареги-

стрирован курьезный факт отказа Гильярской окружной избирательной комиссией N 47 гражданину Б. в регистрации кандидатом в депутаты Народного собрания по мотиву, что он не может баллотироваться по «женскому округу». Вынося решение в защиту прав Б., Магарамкенский районный суд сослался на принцип равенства всех перед законом независимо от пола, расы, национальности².

Избирателями в национальных округах являлись жители субъекта, принадлежащие к определенной национальности. По мнению Председателя Народного Собрания Республики Дагестан М.В. Сулейманова, «в свое время... наличие национальных квот в парламенте было оправдано. Сейчас, когда все прогрессивные страны, республики движутся к демократическим методам формирования власти, мы не можем находиться в «плелу» национальных особенностей. Хотя эти вопросы, так или иначе, пока будут влиять на развитие республики. Несмотря на это, я думаю, дагестанский законодатель пошел на смелый и оправданный шаг — к выборам депутатов Народного Собрания по пропорциональному (партийному) принципу»³.

В любом случае практика образования избирательных округов по какому-либо признаку противоречит ст. 19 Конституции РФ, гарантирующей равенство прав человека и гражданина, в т. ч. равенство избирательных прав.

Нередки сообщения в средствах массовой информации о допущенных нарушениях при составлении списков избирателей для выездного голосования (голосования на дому для инвалидов, тяжело больных и престарелых и др.). В челябинской газете «Новый регион» опубликована статья, в которой обращается внимание на недостатки в деятельности избирательных комиссий. Как сообщили корреспонденту «Нового Региона», списки для выездного голосования должны составляться только по заявкам избирателей. Однако избирательные комиссии составили подобные документы по собственному усмотрению. В результате были зафиксированы случаи, когда люди, включенные в «выездные списки», самостоятельно пришли на участки и проголосовали. Справедливо возникает вопрос: как были использованы бюллетени, изготовленные для выездного голосования?⁴

Низкое качество учета избирателей и, как следствие, списков избирателей может повлиять на результаты выборов, т. к. является серьезным препятствием в процессе подсчета голосов. В подтверждение хотелось бы привести цитату из доклада Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2008 г.: «...Почта Уполномоченного содержит примеры того, как специально обученные лица голосуют по несколько раз на различных избирательных участ-

ках по дополнительным спискам, куда их включают по предъявлению паспорта, но не открепительного удостоверения. Весьма показателен в этой связи смелый эксперимент, проведенный «Новой газетой», корреспонденты которой в рамках журналистского расследования по несколько раз проголосовали на выборах в Государственную Думу 5-го созыва»⁵.

В связи с этим предлагается дополнить п. 17 ст. 17 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», устанавливающий правило о том, что «законом может быть предусмотрено, что избиратели, не имеющие регистрации по месту жительства в пределах Российской Федерации, решением участковой комиссии могут быть включены в список избирателей на избирательном участке, образованном или определенном решением вышестоящей комиссии для проведения голосования этих избирателей, по личному письменному заявлению, поданному в участковую комиссию не позднее чем в день голосования» словами «либо на основании открепительного удостоверения, выданного вышестоящей избирательной комиссией, отвечающей за подготовку и проведение выборов не позднее, чем за три дня до дня голосования, с указанием номера избирательного участка»⁶. При этом п. 16 ст. 17 указанного Закона дополнить словами «избирательная комиссия, выдавшая открепительное удостоверение избирателю, не имеющему регистрации по месту жительства в пределах Российской Федерации, передает сведения о выданном открепительном удостоверении участковой избирательной комиссии на избирательном участке, образованном или определенном решением вышестоящей комиссии для проведения голосования избирателей, не имеющих регистрации по месту жительства в пределах Российской Федерации, а также в указанную в открепительном удостоверении участковую избирательную комиссию».

Эти положения позволят избежать ограничения прав граждан, не имеющих регистрации по месту жительства в пределах Российской Федерации, голосовать на избирательном участке, определенном избирательной комиссией, дадут возможность голосовать на участке, определенном с вышестоящей избирательной комиссией, например по месту преимущественного проживания.

К процессуальным гарантиям избирательных прав также относятся обязанность брошюровать списки избирателей, составлять эти списки в двух экземплярах, чтобы избежать их подмены, право избирателя заблаговременно ознакомиться со списком и др. Возможно, дополни-

тельной гарантией, исключающей злоупотребление правами и фальсификацию результатов выборов, могла бы стать законодательно закрепленная норма, устанавливающая обязанность членов избирательной комиссии сразу после завершения голосования проводить вычеркивание из списка избирателей лиц, не явившихся на выборы, в т. ч. на избирательных участках, образованных в местах временного пребывания граждан Российской Федерации, образованных не позднее чем за три дня до дня голосования. Данная мера позволит избежать незаконного голосования за не явившихся на выборы избирателей.

В настоящее время изыскивается возможность организации на сайте ЦИК России сервиса, позволяющего избирателям уточнять сведения о включении их в списки избирателей. Посредством введения персональных данных избирателя в строку запроса, сообщение о включении его в списки избирателей на конкретном избирательном участке планируется отправлять на указанный электронный адрес после обработки такого запроса. Подобные сервисы используются уже, к примеру, Федеральной миграционной службой РФ для проверки подлинности документов, выданных ее территориальными органами. Сложность заключается в создании полной, своевременно обновляющейся базы данных избирателей в Российской Федерации.

Итак, избирательное законодательство России нуждается в дальнейшем совершенствовании, а избирательный процесс по-прежнему требует пристального внимания законодателей. В совершенствовании как законодательства, так и правоприменительной практики, особую роль должны выполнять избирательные комиссии разных уровней, обладающие полной и достоверной информацией о применении правовых норм. Их деятельность служит правовой гарантией реализации избирательных прав граждан.

¹ См.: Определение Верховного Суда РФ от 23 ноября 2001 г. № 93-Г01-29 «О частичной отмене решения Магаданского областного суда от 17 сентября 2001 года, которым признаны недействительными результаты выборов депутата Магаданской областной Думы по избирательному округу № 62» // Вестник ЦИК РФ. 2001. № 11.

² См.: Пахоменко Т. Избирательное законодательство и соблюдение законности // Законность. 2000. № 7.

³ Цит. по: Интервью Председателя Народного Собрания Республики Дагестан газете «Дагестанская правда» «Авторитет парламента зарабатывается творческим и вдумчивым подходом к делу» // Дагестанская правда. 2008. 29 марта.

⁴ См.: В Челябинской области выявлены нарушения при составлении списков для выездного голосования // Новый регион-Челябинск. 2005. 25 дек.

⁵ Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2008 год // Российская газета. 2009. 12 апр.

⁶ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 24, ст. 2253.

Д.С. Михеев*

ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ ЗА ОСУЩЕСТВЛЕНИЕМ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

В соответствии со ст. 130 Конституции РФ местное самоуправление осуществляется гражданами путем референдума, выборов, других форм прямого волеизъявления, через выборные и иные органы местного самоуправления, в связи с чем особое значение приобретают общественный (гражданский) контроль за осуществлением местного самоуправления, формы его проявления, содержание контрольных функций.

Данный контроль вправе осуществлять политические партии, различные общественные объединения, профсоюзы, органы территориального общественного самоуправления и органы общественной деятельности, трудовые коллективы, средства массовой информации, а также отдельные граждане. Все эти субъекты выступают от имени общности и граждан, а не от имени государства и органов местного самоуправления. Поэтому их контрольная деятельность, как правило, не обладает правовым властным характером, а носит общественный характер. Общественный контроль использует меры общественного воздействия, а также обжалование противоправных решений и действий (бездействие) виновных органов и должностных лиц местного самоуправления в суды, правоохранительные органы, а также в муниципальные органы в порядке подчиненности. Общественный контроль как государственный и муниципальный контроль опирается, прежде всего, на правовые основы.

Органы и должностные лица муниципального образования обязаны осуществлять свою деятельность открыто, гласно, обеспечивать возможность получения гражданами, общественными объединениями, средствами массовой информации полной и достоверной информации о деятельности муниципальных структур. Все это создает необходимые условия для осуществления широкого и всестороннего общественного контроля.

Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»¹ обязывает органы местного самоуправления официально публиковать (обнародовать) муниципальные правовые акты (ч. 1 ст. 44, ст. 47), проект устава муниципального образования (ч. 4 ст. 44), проект местного бюджета, решение о его утверждении, годовой отчет о его исполнении, а также ежеквартальные

* Михеев Денис Степанович — доцент кафедры публичного права России и зарубежных стран Марийского государственного университета, кандидат юридических наук.

сведения о ходе исполнения местного бюджета и о численности муниципальных служащих, работников муниципальных учреждений с указанием фактических затрат на их денежное содержание (ч. 6 ст. 52), результаты проверок, осуществляемых контрольным органом муниципального образования (ч. 3 ст. 38), результаты публичных слушаний (ч. 4 ст. 28), итоги собраний и конференций граждан (ч. 6 ст. 29, ч. 3 ст. 30). В этих целях органы местного самоуправления могут учреждать печатное средство массовой информации (ч. 1 ст. 17).

В соответствии с Градостроительным кодексом РФ подлежат обязательному опубликованию проекты схем территориального планирования муниципальных районов, проекты генеральных планов поселений, городских округов. Указанные проекты подлежат обязательному рассмотрению на публичных слушаниях, участники которых вправе представить свои предложения и замечания для включения их в протокол.

Обширными контрольными полномочиями на территории муниципальных образований при проведении всех уровней выборов и референдумов наделены Федеральным законом от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и право на участие в референдуме граждан Российской Федерации»² политические партии и общественные объединения. Они вправе назначить наблюдателей, которые могут присутствовать в день голосования с момента начала и до окончания работы участковых комиссий и вести наблюдения за проведением голосования, подсчетом голосов, установлением итогов голосования и результатов выборов, референдума, отзыва выборных лиц местного самоуправления, голосования по вопросам изменения границ и преобразования муниципального образования. Избиратели, общественные объединения вправе обратиться в суд с жалобами на любые решения, действия (бездействие), нарушающие избирательные права граждан и право граждан на участие в референдуме.

Законодательство и практика предоставляют гражданам и общественным объединениям достаточно широкий круг форм для осуществления местного самоуправления и контроля за ним: правотворческая инициатива граждан, публичные слушания, опросы граждан, собрания (конференции) граждан, письменные и устные обращения граждан в органы местного самоуправления, наказания избирателей, народное обсуждение проектов муниципальных правовых актов, отчеты депутатов перед избирателями.

Многие общественные объединения, исходя из своих уставных целей и действующего законодательства, наделены правом осуществления специального контроля в отдельных сферах деятельности. Согласно Федеральному закону от 12 января 1996 г. «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности»³ профсоюзные организа-

ции имеют право осуществлять контроль за соблюдением работодателями, должностными лицами законодательства о труде, вправе создавать в этих целях собственные инспекции труда.

Контрольными полномочиями в соответствии с Законом РФ от 7 февраля 1992 г. «О защите прав потребителей» (в ред. от 9 января 1996 г.)⁴ наделены общественные объединения потребителей, которые могут проводить независимую экспертизу качества и безопасности товаров (работ, услуг) и проверять соблюдение прав потребителей и правил всех видов обслуживания.

Общественные организации, основными уставными целями которых является охрана окружающей природной среды, вправе организовывать и проводить общественную экологическую экспертизу в соответствии с Федеральным законом от 23 ноября 1995 г. «Об экологической экспертизе»⁵.

Эффективность деятельности местных органов во многом зависит от того, насколько эта деятельность прозрачна для населения, в какой мере подконтрольна общественности. Поэтому общественный контроль за работой органов и должностных лиц местного самоуправления является не только допустимым, но и необходимым.

¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 40, ст. 3822.

² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 24, ст. 2253.

³ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 3, ст. 148; 2002. № 12, ст. 1093; № 30, ст. 3029; 2003. № 27, ст. 2700; № 50, ст. 4855; Российская газета. 2004. 1 июля.

⁴ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 3, ст. 140.

⁵ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 48, ст. 4556; 1998. № 16, ст. 1800; 2004. № 52 Ст.5276; 2005. № 1, ст. 25.

А.А. Подмарев*

ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ОСНОВ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Современная Конституция регулирует наиболее важные, главные, принципиальные общественные отношения, в т. ч. путем закрепления их основ. Например, она устанавливает основы общественного и государственного строя, основы правового положения человека и гражданина, основы осуществления публичной власти народом¹. Основы — это «важнейшие, исходные начала, положения, охватывающие и решающие главные вопросы содержания чего-либо, определяющие его сущность»². В конституционном праве «термин «основы» подчеркива-

ет особенности и специфику конституционного регулирования общественных отношений... в... «основах» заключена суть конституционного регулирования отношений...»³.

В настоящее время одним из наиболее важных вопросов конституционного регулирования является закрепление основ ограничения прав и свобод человека и гражданина. Общее представление об основах ограничения прав и свобод человека и гражданина дают нам несколько статей Конституции РФ 1993 г. Во-первых, согласно ч. 3 ст. 55 Конституции России права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Во-вторых, ч. 2 ст. 19 гласит: «Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности». В-третьих, важное значение имеет ч. 1 ст. 17: «В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией». В-четвертых, ч. 4 ст. 15 устанавливает, что если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

Таким образом, к конституционным основам ограничения прав и свобод человека и гражданина мы можем отнести следующие положения Основного Закона: 1) ограничения могут устанавливаться только в конституционно закреплённых целях (Конституционный Суд России называет эти цели конституционно значимыми ценностями⁴); 2) соразмерность ограничений конституционным целям; 3) требование определенной правовой формы закрепления ограничений (ограничения должны устанавливаться исключительно федеральным законом); 4) запрет на ограничение прав и свобод по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности; 5) соответствие ограничений прав и свобод международным стандартам.

Конституционные основы ограничения прав и свобод человека и гражданина — это закреплённые Основным Законом России принципы, выражающие в концентрированном виде концепцию пределов свободы личности в государстве, содержащие общие условия ограничений, предопределяющие содержание конкретных отраслевых ограничений и служащие критерием их конституционности, обеспечивающие соблюдение необходимого баланса между свободой отдельной личности и интересами общества и государства.

Роль конституционных основ в установлении ограничений прав и свобод состоит в установлении конституционно-правового режима реализации человеком его прав и свобод, при котором ограничения свободы личности необходимы лишь для достижения конституционно установленных целей. Конституционные основы ограничения прав и свобод содержат то общее, что выражается в особенном; конкретизация этого особенного происходит в законодательстве, развивающем конституционные нормы.

Значение конституционных основ ограничения прав и свобод заключается в следующем:

1) они служат концентрированным юридическим выражением общей конституционной концепции определения границ свободы личности в обществе и государстве;

2) представляют собой часть механизма согласования личных (индивидуальных) и общественных (публичных) интересов и закрепляют необходимый баланс между интересами отдельной личности и интересами других индивидов, общества и государства;

3) являются нормативными, т. е. устанавливают определенные общеобязательные правила поведения.

Конституционные принципы являются «директивой государственным органам, должностным лицам, гражданам выполнять все предписания конституционных норм. Конституционные принципы... сохраняют свойства норм как непосредственных регуляторов общественных отношений»⁵;

4) выступают императивными нормами и поэтому в обязательном порядке должны учитываться субъектами правотворчества, прежде всего, федеральным парламентом, при разработке нормативно-правовых актов, регулирующих права и свободы человека и гражданина.

Конституционный Суд России указывает, что «сама возможность ограничений, их характер должны определяться законодателем не произвольно, а в соответствии с Конституцией РФ»⁶. Без знания и понимания этих принципов исключается эффективная деятельность по созданию федеральных законов и подзаконных актов, ведь действие конституционных норм, посвященных правам и свободам человека, достигает цели только во взаимосвязи, в комплексе с текущим законодательством.

Основная задача российского парламента в сфере регулирования статуса личности — обеспечить путем принятия федеральных законов максимально возможную в демократическом правовом государстве степень свободы человека. Достижение этой цели предполагает безусловный учет законодателем в своей законотворческой деятельности тех требований Основного Закона, которые относятся к ограничениям прав и свобод. Реализация конституционных предписаний о правах и свободах «...осуществляется через «проекцию» на другие отрас-

ли права требований обновления содержания отраслевых норм в результате трансформации важнейших конституционных норм, сформулированных в виде целей, принципов, задач и т. д.»⁷. Поэтому одним из важных условий совершенствования законодательства в области прав и свобод человека и гражданина является строгое обеспечение содержания принимаемых законов принципам ограничений, заложенным в Конституции России. Т.Я. Хабриева отмечает, что ч. 3 ст. 55 «устанавливает для федерального законодателя критерии принимаемых законов и пределы, за которые он, ограничивая некоторые права и свободы человека и гражданина, не может переходить...»⁸;

5) являются способом установления пределов государственной власти.

Признание таких пределов является сущностной чертой Конституции. Закрепление условий ограничения прав и свобод именно в Основном Законе служит ограничением полномочий законодательной и исполнительной властей на федеральном и региональном уровнях, т. е. должно обеспечить защиту прав и свобод человека от произвола государства. По точному выражению В.И. Лафитского, всегда необходимо помнить о том, что «Конституция не наделяет властью, а ограничивает ее»⁹;

6) являются юридической базой для отраслевых ограничений, т. е. определяют частные основания и конкретные способы отраслевых ограничений; все виды и способы отраслевых ограничений должны рассматриваться как частные случаи проявления конституционных основ ограничений и должны быть направлены на согласование каждого конкретного использования права или свободы с правами и свободами других лиц или государства;

7) должны использоваться органами, осуществляющими контроль за конституционностью нормативно-правовых актов, с целью устранения их из системы права, т. е. конституционные основы ограничения прав и свобод человека и гражданина выступают критериями конституционности нормативно-правовых актов, регулирующих права и свободы.

В постановлении от 18 февраля 2000 г. № 3-П по делу о проверке конституционности пункта 2 ст.5 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Б.А. Кехмана Конституционный Суд России указал, что положения законов подлежат «оценке Конституционным Судом РФ с точки зрения конституционных целей и принципов, которые должны учитываться законодателем при введении ограничений конституционных прав и свобод...»¹⁰;

8) реализуются в процессе осуществления конкретных конституционных прав человека и гражданина¹¹.

В конечном счете конституционные основы ограничения прав и свобод человека и гражданина и вытекающие из них конкретные законодательные ограничения должны восприниматься не только в негативном аспекте как покушение на свободу личности, но и в позитивном — как

способ достижения необходимого баланса между интересами личности, общества и государства.

Подводя итог изложенному, можно констатировать, что Конституция России закрепила основы ограничения прав и свобод человека и гражданина, адекватное отражение которых в текущем законодательстве обеспечит единство в понимании свободы личности как свободы в рамках правовых предписаний, а также единство, системность и непротиворечивость всей системы правовых актов, затрагивающих права и свободы человека и гражданина (федеральных, региональных, муниципальных).

¹ См.: Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Теория современной конституции. М., 2005. С. 5, 37.

² Румянцев О.Г. Основы конституционного строя России (понятие, содержание, вопросы становления). М., 1994. С. 28.

³ Кабышев В.Т. Народовластие развитого социализма. Конституционные вопросы. Саратов, 1979. С. 45.

⁴ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 21 апреля 2010 г. № 10-П по делу о проверке конституционности части первой статьи 320, части второй статьи 327 и статьи 328 Гражданского процессуального кодекса РФ в связи с жалобами гражданки Е.В. Алейниковой и общества с ограниченной ответственностью «Три К» и запросами Норильского городского суда Красноярского края и Центрального районного суда города Читы // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 19, ст. 2357.

⁵ Конституционное право России: лекции / отв. ред. В.Т. Кабышев, Е.В. Колесников. Саратов, 1995. С. 35–36.

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 14 мая 1999 г. № 8-П по делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 131 и части 1 статьи 380 Таможенного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой закрытого акционерного общества «Сибирское агентство «Экспресс» и гражданина С.И. Тененева, а также жалобой фирмы «Y.&G. Reliable Services, Inc» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 21, ст. 2669.

⁷ Зражевская Т.Д. Реализация конституционного законодательства. Проблемы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2000. С. 3.

⁸ Хабриева Т.Я. Толкование Конституции Российской Федерации: теория и практика. М., 1998. С. 95.

⁹ Лафитский В.И. Основы конституционного строя США. М., 1998. С. 94.

¹⁰ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. № 9, ст. 1066.

¹¹ См.: Определение Конституционного Суда РФ от 1 октября 1997 г. об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шефера В.Э. как не соответствующей требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 4, ст. 530.

Е.С. Шуршалова*

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ВЫНУЖДЕННЫХ МИГРАНТОВ НА ЖИЛИЩЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Согласно ст. 8 Федерального закона РФ от 19 февраля 1993 г. № 4528-1 «О беженцах» (в ред. от 1 июля 2011 г.)¹ лицо, признанное беженцем, и прибывшие с ним члены семьи имеют право на пользо-

* Шуршалова Елена Сергеевна — старший преподаватель кафедры конституционного и международного права Поволжского кооперативного института АНО ВПО «Российский университет кооперации».

вание жилым помещением, предоставляемым в порядке, определяемом уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, из фонда жилья для временного поселения. В соответствии со ст. 40 Конституции РФ каждый имеет право на жилище. Никто не может быть произвольно лишен жилища. Малоимущим, иным указанным в Законе гражданам, нуждающимся в жилье, оно предоставляется бесплатно или за доступную плату из государственных, муниципальных и других жилищных фондов в соответствии с установленными Законом нормами. Законодатель не определяет категории иных граждан, которым на данных условиях предоставляется жилище.

Для решения проблем беженцев предусматривается создание специального жилищного фонда для временного поселения. Пользование данным фондом возможно лишь в том случае, если беженец поедет жить в ту местность, куда его направит федеральная миграционная служба РФ. Фонд представляет собой совокупность помещений, включая жилые дома, квартиры, общежития, другие жилые помещения, предназначенные для временного проживания на территории Российской Федерации лиц, признанных беженцами, и членов их семей в течение срока признания их таковыми².

Жилое помещение из фонда для временного поселения предоставляется в порядке очередности³. В соответствии со ст. 108 Жилищного кодекса РФ от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ (в ред. от 18 июля 2011 г.) порядок предоставления жилых помещений беженцам, устанавливается исключительно федеральными законами (а не законами субъектов)⁴.

Проживание в жилом помещении из данного фонда возможно лишь в течение срока действия статуса беженца, который составляет 3 года. Распоряжение пользователями указанными жилыми помещениями запрещено. Жилое помещение из фонда жилья для временного поселения не подлежит приватизации, обмену, бронированию, сдаче в поднаем. Лицу, проживающему в указанном жилом помещении, не разрешаются раздел занимаемой площади и вселение временных жильцов без разрешения на то территориального органа федерального органа исполнительной власти по миграционной службе.

В соответствии с п. 20 Положения о фонде жилья для временного поселения лиц, признанных беженцами, и его использовании (утверждено постановлением Правительства РФ от 9 апреля 2001 г. № 275) при принятии лиц, признанных беженцами, на учет нуждающихся в жилых помещениях не лишает их права самостоятельно приобрести, получить или нанять жилье⁵. Лицо, признанное беженцем, и члены его семьи утрачивают право на пользование помещением из фонда жилья для временного поселения в случае приобретения, получения, найма другого жилья.

Таким образом, как специальное (дополнительное) право беженцу при расселении определяется место жительства и предоставляется жилое помещение из специального жилищного фонда, которым он может пользоваться только в период действия статуса беженца в Российской Федерации. При этом на семью выделяется лишь одно жилое помещение.

Порядок жилищного обустройства на территории Российской Федерации граждан, признанных вынужденными переселенцами, определяется постановлением Правительства РФ от 8 ноября 2000 г. № 845 «Об утверждении Положения о жилищном обустройстве вынужденных переселенцев в Российской Федерации»⁶. Статья 11 Закона РФ «О вынужденных переселенцах»⁷ предусматривает создание фонда жилья для временного поселения вынужденных переселенцев. Этот фонд предназначен лишь для временного проживания на период действия статуса вынужденного переселенца, который составляет 5 лет.

Фонд жилья для временного поселения вынужденных переселенцев представляет собой совокупность жилых помещений (жилые дома, квартиры, общежития и другие жилые помещения), предназначенных для временного проживания на территории Российской Федерации лиц, признанных в установленном порядке вынужденными переселенцами, в течение срока действия статуса вынужденного переселенца.

По состоянию на начало 2011 г. из состоящих на учете 49,5 тыс. вынужденных переселенцев продолжают нуждаться в социальных выплатах на приобретение жилья 19,8 тыс. семей. С участием ФМС России разработан правительственный акт, предусматривающий продление мероприятий по обеспечению жильем вынужденных переселенцев до 2015 г., который находится на рассмотрении в Правительстве РФ⁸.

Реализация государственных программ требует систематического финансирования и контроля за расходованием бюджетных средств в этой сфере.

Другая проблема заключается в качестве предоставляемого жилья. Согласно нормативной документации жилищный фонд временных переселенцев состоит преимущественно из жилых помещений в домах гостиничного типа и предусматривает временное покомнатное заселение. Однако на практике данный жилищный фонд включает в себя бараки, старые, списанные с баланса муниципалитета школы, детские сады.

На наш взгляд, необходимо во всех субъектах РФ создать фонды жилья для временного поселения, для чего разрабатывать на региональном уровне специальные программы, направленные на обеспечение жилыми помещениями на территориях всех субъектов РФ вынужденных переселенцев. Очевидно, что деятельность федеральных органов государственной власти по обустройству вынужденных переселенцев должна поддерживаться соответствующими мероприятиями на ре-

гиональном уровне. Поскольку вынужденные переселенцы являются гражданами Российской Федерации, государство должно принимать меры по признанию, соблюдению и защите их прав в соответствии с положениями ст. 2 Конституции РФ.

Вынужденные переселенцы могут реализовать свое право на жилище на непостоянной основе и в центре временного размещения вынужденных переселенцев. В соответствии с постановлением Правительства РФ от 22 января 1997 г. № 53 «Об утверждении Типового положения о центре временного размещения вынужденных переселенцев» (в ред. от 16 апреля 2008 г. № 283)⁹ центр является государственным учреждением Федеральной миграционной службы и предназначен для временного проживания лиц, получивших свидетельство о регистрации ходатайства о признании лица вынужденным переселенцем, прибывших с ними членов семьи, не достигших 18-летнего возраста. Прием в центр размещенных лиц осуществляется по направлению территориального органа Федеральной миграционной службы. Приказом ФМС от 20 мая 2008 г. № 125 «Об утверждении формы направления в центр временного размещения вынужденных переселенцев»¹⁰ установлена форма направления в центр временного размещения. В направлении указываются условия и срок временного проживания в центре.

В период проживания в центре временного размещения права вынужденных переселенцев нуждаются в дополнительной защите. Согласно Методическим рекомендациям от 25 сентября 2001 г. № 2510/9978-01-34 «Санитарно-противоэпидемическое обеспечение пострадавших и вынужденных переселенцев в чрезвычайной ситуации», утвержденных Минздравом России 24 сентября 2001 г., создание условий для проживания вынужденных переселенцев обеспечивается с учетом удовлетворения его первоочередных потребностей, а именно: жильем, водой и продуктами питания, предметами первой необходимости; медицинским, санитарно-эпидемиологическим, информационным, транспортным и коммунально-бытовым обеспечением. Очевидно, что не всегда эти нормы соблюдаются, поэтому права вынужденных переселенцев нуждаются в защите в части, касающейся санитарно-гигиенического качества жилых помещений. Вынужденным переселенцам должны быть созданы условия, отвечающие требованиям стандартов качества проживания как в центрах временного размещения, так и в жилище, входящем в фонд жилья для временного поселения.

Размещенные лица оплачивают проживание в центре. Размер платы не должен превышать установленной в данной местности стоимости проживания в общежитии или гостинице низшего разряда. Учитывая инфляционные процессы, продолжающиеся в стране, а также тот факт, что заработная плата некоторых категорий населения ниже прожиточ-

ного минимума, по нашему мнению, следует в постановлении Правительства РФ от 22 января 1997 г. № 53 закрепить размеры платы за проживание, которая не должна превышать размер половины прожиточного минимума в том регионе, в котором находится центр.

В случае нарушения размещенными лицами правил проживания в центре к ним применяются меры предупреждения вплоть до досрочного прекращения срока временного проживания. В то же время не установлена ответственность учреждения за качество предоставляемых в центре размещения услуг, а также контроль за этим со стороны территориальных органов федеральной миграционной службы.

Следующая проблема, по нашему мнению, касается заключения договора найма в ходе реализации конституционного права на жилище вынужденных переселенцев. Договор заключается с вынужденным переселенцем на срок, не превышающий срок действия статуса вынужденного переселенца, — 5 лет. В случае истечения срока действия указанного договора рассматривается вопрос о заключении нового договора найма, но срок, на который может быть заключен новый договор, законодателем не определен.

В соответствии со ст. 7 Закона РФ «О вынужденных переселенцах», федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов РФ и органы местного самоуправления в пределах своих полномочий обязаны включать вынужденного переселенца в соответствии с жилищным законодательством РФ в список граждан на получение жилья независимо от срока проживания в данной местности, оказывать вынужденному переселенцу при вступлении в жилищный кооператив, помощь в индивидуальном жилищном строительстве, включая предоставление (приобретение) земельного участка и приобретение строительных материалов в установленном порядке, предоставлять вынужденным переселенцам, нуждающимся в получении жилых помещений, социальные выплаты на их приобретение. Указанные социальные выплаты за счет средств федерального бюджета предоставляются в порядке, установленном Правительством РФ.

В 2009 г. Министерство регионального развития РФ провело инвентаризацию числа семей, нуждающихся в улучшении жилищных условий. По ее результатам, нуждаются в улучшении жилищных условий 24294 семьи граждан, признанных в установленном порядке вынужденными переселенцами.

Постановлением от 17 декабря 2010 г. № 1050 (в ред. от 14 июля 2011 г.) утверждена Федеральная целевая программа «Жилище» на 2011–2015 гг.¹¹ Мероприятия Программы, связанные с финансированием за счет средств федерального бюджета, будут реализовываться в рамках подпрограммы «Выполнение государственных обязательств по

обеспечению жильем категорий граждан, установленных федеральным законодательством», а также в рамках мероприятий по обеспечению жильем отдельных категорий граждан. В соответствии с указанной подпрограммой, в частности, должны улучшить жилищные условия граждане, признанные в установленном порядке вынужденными переселенцами. Объем финансирования подпрограммы в отношении вынужденных переселенцев в 2011–2015 гг. составляет 6393, 1 млн руб. В результате реализации подпрограммы должны улучшить жилищные условия 3799 семей вынужденных переселенцев.

Таким образом, к 2015 г. лишь 1/6 семей вынужденных переселенцев, признанных нуждающимися в улучшении жилищных условий, сможет реализовать свое право на жилище. Поэтому одним из направлений правовой политики Российского государства в отношении вынужденных переселенцев должно стать установление гарантий предоставления в пользование вынужденным переселенцам, нуждающимся в жилище, жилых помещений бесплатно или за доступную плату, а также увеличение финансирования мероприятий по строительству жилья для вынужденных переселенцев.

Пункт 2 ч. 3 ст. 7 Федерального закона «О вынужденных переселенцах» предусматривалось предоставление семье вынужденного переселенца долговременной беспроцентной возвратной ссуды на строительство (приобретение) жилья. Действовало постановление Правительства РФ от 28 января 1997 г. № 106 «О предоставлении вынужденным переселенцам долговременной беспроцентной возвратной ссуды на строительство (приобретение) жилья»¹². И положение Закона, и постановление, регулировавшие вопрос о предоставлении ссуды вынужденным переселенцам, утратили силу.

Учитывая объективные сложности в решении проблем жилищного обустройства вынужденных переселенцев (даже в случае реализации ФЦП «Жилище» на 2011–2015 гг. к 2015 г. лишь 1/6 семей вынужденных переселенцев, признанных нуждающимися в улучшении жилищных условий, сможет реализовать свое право на жилище), мы полагаем необходимым вернуться к практике предоставления вынужденным переселенцам долговременной беспроцентной возвратной ссуды на строительство (приобретение) жилья. В связи с этим на федеральном уровне следует разработать и принять правовой акт, определяющий порядок и условия предоставления ссуд на строительство или приобретение жилья вынужденным переселенцам с учетом специфики конкретного региона.

В настоящее время в Российской Федерации объективно невозможно обеспечить всех вынужденных переселенцев жильем. Поэтому, помимо правовых условий, необходимо создавать организационные и эко-

номические основы реализации указанного права. Предлагаемые в настоящей статье меры позволят, на наш взгляд, решить некоторые проблемы вынужденных мигрантов на территории Российской Федерации.

¹ См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 12, ст. 427; Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 26, ст. 2956; 1998. № 30, ст. 3613; 2000. № 33, ст. 3348; 2000. № 46, ст. 4537; 2003. № 27, ч. 1, ст. 2700; 2004. № 27, ст. 2711; 2004. № 35, ст. 3607; 2006. № 31, ст. 3420; 2007. № 1, ч. 1, ст. 29; 2008. № 30, ч. 2, ст. 3616; 2011. № 1, ст. 29; № 27, ст. 3880.

² См.: Постановление Правительства РФ от 9 апреля 2001 г. № 275 «О фонде жилья для временного поселения лиц, признанных беженцами, и его использовании» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 16, ст. 1604.

³ См.: Приказ Минфедерации РФ от 5 октября 2001 г. № 83 «О порядке учета лиц, признанных беженцами, нуждающихся в жилых помещениях из фонда жилья для временного поселения, и предоставления им указанного жилья» // Бюллетень нормативных актов. 2001. № 41.

⁴ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2005. № 1, ч. 1, ст. 14; 2006. № 1, ст. 10; 2006. № 52, ч. 1, ст. 5498; 2007. № 1, ч. 1, ст. 13; 2007 № 1, ч. 1, ст. 14; 2007. № 1, ч. 1, ст. 21; 2007. № 43, ст. 5084; 2008. № 17, ст. 1756; 2008. № 20, ст. 2251; 2008. № 30, ч. 2, ст. 3616; 2009. № 23, ст. 2776; 2009. № 39, ст. 4542; 2009. № 48, ст. 5711; 2009. № 51, ст. 6153; 2010. № 31, ст. 4206; 2010. № 49, ст. 6424; 2011. № 23, ст. 3263; № 30, ч. 1, ст. 4590.

⁵ Постановление Правительства РФ от 9 апреля 2001 г. № 275 «О фонде жилья для временного поселения лиц, признанных беженцами, и его использовании» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 16, ст. 1604.

⁶ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2000. № 46, ст. 4562.

⁷ См.: Ведомости СНД и ВС РФ 1993. № 12, ст. 427; Собр. законодательства Рос. Федерации 1995. № 52, ст. 5110; 2000. № 33, ст. 3348; 2002. № 52, ч. 1, ст. 5132; 2003. № 52, ч. 1, ст. 5038; 2004. № 35, ст. 3607; 2006. № 31, ч. 1, ст. 3420; 2008. № 30, ч. 2, ст. 3616; 2011. № 27, ст. 3880.

⁸ URL: http://www.fms.gov.ru/press/news/news_detail.php?ID=41410&phrase_id=9775894 (дата обращения: 20.09.2011).

⁹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 4, ст. 550; 2008. № 16, ст. 1708.

¹⁰ См.: Российская газета. 2008. 5 июня.

¹¹ См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 5, ст. 739.

¹² См.: Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 5, ст. 693.

Б.С. Монгуш*

К ПОНЯТИЮ ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ

Категория «средство» достаточно распространена и применяется в самых разнообразных сферах жизнедеятельности, в т. ч. и в юриспруденции. В свою очередь юридические категории «правовые средства», «средства защиты» до настоящего времени слабо изучены и не имеют нормативного определения. Тем самым затрудняется процесс их понимания.

Несмотря на довольно широкую освещенность в литературе, на наш взгляд, нет до сих пор такого определения понятия «правовые средства», которое бы в полной мере соответствовало требованиям реальной действительности. Интерес к данной тематике не исчезает — появляются все новые и новые исследования, ведутся научные дискуссии. Это можно объяснить чрезвычайной объемностью и содержательной насыщенностью соответствующей категории. Рассмотрим основные дефиниции, которые давались учеными.

Некоторые исследователи определяют правовые средства как «правовые явления, выражающиеся в инструментах (установлениях) и деяниях (технологии), с помощью которых удовлетворяются интересы субъектов права, обеспечивается достижение социально полезных целей»¹. Данное определение имеет следующие существенные признаки: 1) направленность на достижение цели; 2) удовлетворение интересов субъектов права; 3) выраженность правовых средств в нормах, договорах, а также процессах. Авторы предлагают относить к правовым средствам нормы, принципы права, правоприменительные акты, субъективные права и обязанности, юридические факты, запреты, льготы, меры поощрения, акты реализации прав и обязанностей и т.п., в общем

* *Монгуш Белек Сергеевна* — преподаватель кафедры гражданского и международного частного права ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия».

все то, что связано с достижением правовой цели, и влечет определенные правовые последствия для субъектов права. Согласно их мнению, правовые средства представляют собой разрозненные, отдельные, независимые феномены, причем в каждой отрасли права «арсенал, набор средств»² будет отличаться.

Аналогичной точки зрения придерживаются В.К. Бабаев, В.Б. Исаков, А.В. Малько, М.М. Султыгов, К.А. Струсь, В.В. Субочев, В.А. Шабалин, А.М. Шериев, К.В. Шундигов³. Ценность дефиниций изучаемой материи, предложенных вышеперечисленными авторами, заключается в рассмотрении правовых средств с точки зрения их институциональности, статичности, «модельности», фиксированности, т. е. своеобразной категории «правовые средства — конструкция», с одной стороны; с другой стороны — их связанности с динамикой, процессом, деятельностью, совершением действий (бездействий). Если принять данную позицию, то категорию «правовые средства» можно считать почти тождественной категории «право», поскольку и та и другая включают в себя аналогичные правовые явления. Можно в какой-то степени согласиться с ними. Действительно, рассматриваемая категория очень обширна и многопланова по своему содержанию и включает в себя самые разнообразные правовые феномены, но данное определение очень абстрактно, перечень конкретных правовых средств достаточно объемлен и неопределим. В конечном итоге формируется своеобразная «собирательная» категория. Для гражданского права такое толкование правовых средств неприемлемо.

Представленная характеристика правовых средств вышеперечисленными авторами сближает изучаемую категорию до степени смешения правовых средств с другими явлениями правовой действительности, такими как норма права, субъективное гражданское право и обязанность и другими конструкциями. Рассматриваемые феномены требуют разграничения.

Н.А. Баринов предлагает определять правовые средства как «юридические возможности, заложенные в нормах права и его отдельных институтах, которые используются в процессе их реализации в целях обеспечения имущественных (и неимущественных) потребностей граждан и объединений»⁴. Правильно отмечена правовая природа изучаемой категории как «юридическая возможность». Действительно, использование тех или иных средств является добровольным, альтернативным, осуществляется на усмотрение самих субъектов права. Верен и подход автора к динамике правовых средств, выражающийся не только в закреплении, провозглашении юридических возможностей, но и действительной их реализации. Совершенно обоснованным представляется вывод, сделанный ученым-правоведом: «Сами возможности, зало-

женные в норме права, могут повиснуть в воздухе, если не находят применения в практической деятельности участников соответствующих общественных отношений»⁵.

Трудно не согласиться с С.Ю. Филипповой, которая, например, под правовыми средствами понимает «не противоречащие правовым нормам инструменты, предназначенные, пригодные и достаточные для достижения правовой цели»⁶. В определении понятия «правовые средства» представлен основной признак — направленность на достижение цели, который, безусловно, является главным, однако не единственным. Благодаря выделению основной черты дефиниция получилась, с одной стороны, краткой, с другой стороны, не затронула других институциобразных черт.

В словаре русского языка средства определяются как приемы, способы действия для достижения чего-нибудь, а также предмет, совокупность приспособлений для осуществления какой-нибудь деятельности⁷. В любой сфере жизнедеятельности средства нужны для того, чтобы добиться желаемого результата, достичь поставленной цели. В научной литературе не раз упоминалось о взаимосвязи категорий «цель», «средство» и «результат»⁸. Не будем подробно останавливаться на этой проблеме, отметим лишь, что придерживаемся традиционной, философской позиции о том, что средство является промежуточным звеном в категориальном ряду «цель — средство — результат». Цель же — это идеальная модель, то к чему стремятся субъекты правотворческой и правореализационной деятельности, это мысленное предвосхищение конечного результата. Результат в свою очередь — это материализованная цель, цель воплощенная в жизнь, однако на практике цель и результат могут и не совпадать. Средство — это способы, приемы для достижения цели. Понятие «средство» неразрывно связано с целью, рассматриваемые феномены представляются парными явлениями. Автономное, раздельное рассмотрение их недопустимо. Любое правовое явление реальной действительности раскрывает свою сущность, если его изучать не изолированно, а в самых разнообразных связях и отношениях в качестве элементов системы, механизма. Средства выполняют своеобразную «обслуживающую» функцию для цели, ведь именно благодаря тому, что субъект права использует те или иные средства, он добивается цели. Цель, как правило, есть идеальный будущий результат, то, к чему устремлена деятельность субъекта. Структурная взаимосвязь рассматриваемых правовых феноменов определяет служебную роль каждого отдельного правового явления в системе, их подлинную природу. Это не означает, что средства полностью «зависимая» категория, она обладает и самостоятельностью, что предопределено сущностью.

Правовые средства, прежде всего, самодостаточная категория, обладающая собственным содержанием и сущностью. Однако совершенно справедливо отмечено, что «вне целевого контекста инструменты практики не станут средствами, а останутся «голыми» возможностями»⁹. Только в единстве с целью конкретный правовой инструмент может стать средством и, наоборот, «именно в средстве своей реализации та или иная цель получает определенность и конкретность»¹⁰. Правовые категории «цель» и «средство» имеют прочную функциональную взаимосвязь. Верно указано о постоянном «круговороте» целей и средств деятельности на практике, об их способности «перетекания» друг в друга¹¹. Вообще почти всем правовым явлениям присуща своеобразная «текучесть», гибкость, способность развиваться и переходить друг в друга. Во взаимосвязанных, переходящих одно в другое, гибких, движущихся и развивающихся понятиях раскрывается сущность правовых явлений, внутренние закономерности их развития.

Таким образом, целесообразно выделить основные признаки, позволяющие наиболее полно сформулировать определение понятия «правовые средства».

Во-первых, правовые средства, как уже отмечалось, должны быть предназначены для достижения правовых целей.

Во-вторых, они должны быть правомерными. Своим предназначением правовые средства должны отвечать интересам отдельных лиц, общества и государства в целом. Правомерность выражается и в их соответствии нормам права, непротиворечии действующему законодательству, общим принципам и началам права, а также возможности порождать позитивные юридические последствия. Однако не стоит забывать, что ст.6 ГК РФ закрепляет, что юридически значимыми признаются не только отношения, урегулированные законодательством, но и отношения, возникающие на основе соглашения сторон или обычаев делового оборота. Используя различные средства, субъект права не вправе выходить за рамки пределов осуществления гражданских прав, не должен нарушать права и законные интересы иных граждан и юридических лиц.

В-третьих, правовые средства обеспечиваются государством. Субъектом, обязанным обеспечить признание, соблюдение и защиту прав и свобод, выступает государство. Именно государству в лице его органов, учреждений, должностных лиц предстоит создать эффективно работающую систему правовых средств и механизмов, реализующих защиту субъективных гражданских прав в новых политических, социально-экономических условиях¹².

В-четвертых, выбор тех или иных средств зависит от тех целей, на достижение которых мотивирован субъект. Государство предоставляет

лишь перечень, набор правовых средств. Таким образом, набор правовых средств зависит в т. ч. и от воли субъекта. Необходимо помнить, что в рамках цивилистики, где преобладает диспозитивный метод правового регулирования, субъектам предоставлена свобода осуществления субъективного гражданского права, нормы права содержат лишь определенный, но не обязательный вариант поведения, с которым субъект права может согласиться либо отказаться от него и выбрать иной. В гражданско-правовой сфере субъекты, как правило, в первую очередь удовлетворяют свои собственные цели, действуют в сугубо личном интересе. Использование гражданско-правовых средств, прежде всего, рассчитано на инициативу и свободу усмотрения субъектов в выборе юридических средств, наполнении их содержания, целей и порядка применения.

В-пятых, правовые средства выполняют определенные функции, содержание которых зависит от конкретного вида, сферы применения, отрасли права. Сущность правовых средств выражается в их функциях.

В-шестых, правовые средства характеризуются двумя формами выражения: «правовые средства — состояния» и «правовые средства — процесс, деятельность». Рассматриваемый феномен содержит в себе динамическую и статическую стороны. Правовые средства — это, прежде всего, модель, состояние, правовая конструкция, «которая не действует автоматически и только в потенциале и в процессе ее практического использования может привести к достижению поставленной правовой цели»¹³. Средства — это конкретные приемы, способы, инструменты, которые аккумулируются только благодаря деятельности субъектов по их применению для достижения желаемого результата. Точка зрения А.В. Малько представляется абсолютно оправданной: «Категория «средство» включает в себя как инструментарий, так и его использование при получении желаемого результата»¹⁴. В философской науке также существует мнение, что под средствами следует понимать «объективные предметы или действия, включенные в структуру целеполагающей деятельности и обеспечивающие получение определенного результата»¹⁵. Правовые средства имеют материальное закрепление в нормах права, нормативных установлениях и т.д., но это было сделано, прежде всего, для того, чтобы они практически использовались, претворялись в жизнь, чтобы достигались социально значимые цели. В противном случае категория «правовые средства» как нормативные установления не имела бы смысла. Правореализационная деятельность субъектов, на наш взгляд, выступает существенным признаком правовых средств.

Это наиболее общие признаки правовых средств, характеризующих рассматриваемое явление в качестве главного родового понятия

для отдельных его видов. Безусловно, любые определения изучаемого феномена имеют право существовать, и теория познания также не исключает возможности объяснения одного и того же явления несколькими способами.

На наш взгляд, *правовые средства — это совокупность нормативных установлений, институтов, приемов и деятельность субъектов права по их реализации, направленная на достижение правовых целей, обеспечиваемая государством и выполняющая конкретные функции, которые определяются их целевым назначением и сферой осуществления.*

Подводя итог, можно сделать следующие выводы: правовые средства имеют сложную внутреннюю правовую природу, что предопределяет множество подходов к пониманию изучаемого феномена. Правовые средства отличаются следующими чертами: 1) целевая предназначенность; 2) правомерность; 3) обеспеченность государством; 4) зависимость от субъекта права; 5) выражение в «состояниях» и «процессах»; 6) выполнение определенных функций; 7) обязательное наличие правореализационной деятельности субъекта права.

¹ См.: Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. М., 2004. С. 463.

² Там же.

³ См., например: Исаков В.Б. Фактический состав в механизме правового регулирования. М., 1980; Теория государства и права / под ред. В.К. Бабаева; В.А. Шабалина. М., 2003; Системный анализ механизма правового регулирования // Советское государство и право. 1960. № 10; Султыгов М.М. Конституционно-правовой режим ограничения государственной власти: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005; Струсь К.А. Средства правовой политики в сфере формирования гражданского общества // Актуальные проблемы правоведения. 2009. № 1. С. 40; Субочев В.В., Шериев А.М. Цели и средства охраны прав, свобод и законных интересов // Актуальные проблемы правоведения. 2007. № 3. С. 50; Малько А.В., Шундииков К.В. Цели и средства в праве и правовой политике. Саратов, 2003.

⁴ Баринов Н.А. Размышления о предмете гражданского права // Вестник Саратовской государственной академии права. 2011. № 2. С. 71.

⁵ Баринов Н.А. Имущественные потребности и гражданское право. Саратов, 1987. С. 64.

⁶ Филиппова С.Ю. Частноправовые средства организации и достижения правовых целей. М., 2011. С. 53.

⁷ См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2006. С. 760.

⁸ См., например: Афанасьев В.Г. и др. Диалектика общественного развития. Л., 1988; Керимов Д.А. Философские проблемы права. М., 1972; Макаров М.Г. Категория «цель» в марксистской философии и критика телеологии. Л., 1977; Малышева Е.Ю. Телеология в праве (общетеоретический и гражданско-правовой аспекты). Н. Новгород, 2009; Малько А.В., Шундииков К.В. Цели и средства в праве и правовой политике. Саратов, 2003; Марусте Р.А. Категории «цель» и «средства» в праве // Философские проблемы объективного права. Ярославль, 1990; Ропаков Н.И. Категория цели: проблемы исследования. М., 1980; Трубников Н.Н. О категориях «цель», «средство», «результат». М., 1968; Чулюкин Л.Д. Природа и значение цели в советском праве. Казань, 1984; Щербинин С.С. Проблема цели в теории государства. М., 2002; Шундииков К.В. Цели и средства в праве (общетеоретический аспект). Саратов, 1999; Экимов А.И. Категория «цель» в советском праве. Л., 1970; Элькин П.С. Цели и средства их достижения в уголовно-процессуальном праве. Л., 1976.

⁹ См.: Малько А.В., Шундииков К.В. Указ. соч. С. 25.

¹⁰ Трубников Н.Н. Указ. соч. С. 68.

¹¹ См.: Малько А.В., Шундииков К.В. Указ. соч. С. 28.

¹² См.: Вавилин Е.В., Демидов А.И., Малько А.В. и др. Правовая политика в сфере защиты гражданских прав // Российская правовая политика: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.И. Малько. М., 2003. С. 264–281.

¹³ Малько А.В. Основы теории правовых средств // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. Сер. «Юриспруденция». Тольятти, 1998. Вып. 1. С. 138.

¹⁴ Там же. С. 141.

¹⁵ Федосеев П.Н., Фролов И.Т. и др. Материалистическая диалектика. Краткий очерк теории. М., 1985. С. 206.

А.В. Иволжатов*

СРЕДСТВА ОБЪЕДИНЕНИЯ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Внешний рост хозяйствующих субъектов выступает одним из способов «расширения» их производственного и экономического потенциала¹. Результатом обозначенных процессов является формирование сложноструктурированных объединений хозяйствующих субъектов².

С сохранением и утратой участниками таких объединений юридической и экономической самостоятельности связано решение ряда теоретических и практических задач, в частности:

распределение среди участников объединения ответственности и рисков участия в гражданском обороте³;

применение к участникам объединения той или иной системы налогообложения⁴;

антимонопольный контроль за юридически значимыми действиями по объединению хозяйствующих субъектов⁵ и др.

Сохранение либо утрата участниками объединения юридической и экономической самостоятельности зависит от того, с помощью каких частных правовых средств создаются объединения хозяйствующих субъектов⁶.

Положив в основу деления правовых форм объединений хозяйствующих субъектов критерий «сохранения (утраты) юридической и экономической самостоятельности участниками объединения», все многообразие правовых форм объединений можно свести к следующим трем группам:

1) участники объединения сохраняют юридическую и экономическую самостоятельность;

2) участники объединения утрачивают юридическую самостоятельность и как следствие утрачивают экономическую самостоятельность;

3) некоторые участники объединения утрачивают экономическую самостоятельность, юридическая же самостоятельность участников объединения сохраняется.

* Иволжатов Алексей Викторович — студент 5 курса ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия».

Рассмотрим частноправовые средства объединения хозяйствующих субъектов.

Первая группа. Средством объединения является договор. Как средство объединения он характеризуется следующими особенностями:

- 1) элемент добровольности в установлении соответствующих обязательственных отношений;
- 2) отсутствие комплексного характера влияния одного субъекта на другой в рамках таких отношений;
- 3) наличие правовой возможности прекращения соответствующих обязательственных отношений;
- 4) вопрос ответственности решен в рамках регулирования соответствующих отношений из договора⁷.

Исключением является такое средство объединения хозяйствующих субъектов, как «договор контроля»⁸, известный зарубежным правовым порядкам (в отечественном праве аналогичный институт отсутствует). Из него следует подчинение, при котором субъект утрачивает экономическую самостоятельность.

Вторая группа. Средством объединения хозяйствующих субъектов являются реорганизационные процедуры в форме слияния и присоединения (согласно терминологии отечественного законодательства)⁹. Они имеют следующие особенности:

- 1) во-первых, прекращение одного или нескольких юридических лиц с передачей активов и пассивов другому юридическому лицу в порядке универсального правопреемства;
- 2) во-вторых, как самостоятельное средство объединения выступают лишь при «дружественном» характере процедуры объединения хозяйствующих субъектов.

Третья группа. Средством объединения выступают отношения контроля и зависимости. Они представляют собой единство существования прав контролирующего субъекта в отношении контролируемого (зависимого) и обязанностей последнего в отношении первого.

Отношения контроля и зависимости следует рассматривать через призму понятия «контроль», т. е. от источника воздействия к объекту воздействия¹⁰. Примером обратного является отечественное законодательство и доктрина¹¹.

Под контролем мы понимаем возможность (фактического и (или) юридического характера) какого-либо лица оказывать влияние на органы управления контролируемого юридического лица в части принятия либо отклонения ими решений, определяющих направление хозяйственной деятельности такого юридического лица.

Необходимо разграничивать различные виды контроля, прежде всего, «неправовой» и «правовой» контроль над юридическим лицом. Не-

правовой контроль — возможность фактическая, не урегулированная либо запрещаемая объективным правом. Правовой контроль — возможность, предусмотренная законом.

В свою очередь правовой контроль имеет четыре формы, которые разделяются по основаниям возникновения «прав контроля»:

- 1) форма договорного характера, основание — «договор контроля»;
- 2) форма организационного характера, основание — наличие особых процедур принятия решений;
- 3) форма личного характера, основание — совмещение руководящих должностей одними и теми же лицами в нескольких хозяйствующих субъектах;
- 4) форма имущественно-финансового характера, основание — имущественные права в отношении капитала общества, сопряженные с правами по управлению обществом¹².

Формы контроля имущественно-финансового и организационного характера в литературе именуется также «корпоративным контролем», под которым мы понимаем возможность конкретных участников хозяйственного общества единолично формировать его волю посредством навязывания своей воли органам управления хозяйственного общества в порядке процедур корпоративного управления, установленных законом.

Из анализа оснований возникновения отношения контроля и зависимости в рамках каждой из выделенных форм правового контроля над юридическим лицом следует два принципиальных вывода:

- 1) на практике отношения контроля одного лица над другим выстраиваются с определенной последовательностью. Между выделенными формами контроля существует своеобразная иерархия по силе действия;
- 2) самостоятельным основанием возникновения отношений контроля и зависимости выступает исключительно форма контроля имущественно-финансового характера. Иные могут ее дополнять. Самостоятельно же порождать отношения контроля и зависимости они могут лишь теоретически (определенное исключение составляет форма контроля личного характера)¹³.

В зависимости от контролируемых субъектов контроль можно разделить на следующие виды:

- 1) контроль лиц, имеющих имущественные права в отношении капитала общества, сопряженные с правами по управлению обществом, т. е. участники общества с ограниченной ответственностью, акционерного общества — в терминологии отечественного законодательства (в данном случае говорят о «корпоративном контроле»);
- 2) контроль иных лиц, в т.ч. менеджмент (в таком случае речь ведут о «контроле над юридическим лицом»)¹⁴.

Таким образом, как средство объединения хозяйствующих субъектов отношения контроля и зависимости характеризуются: 1) de jure сохранением самостоятельности участниками объединения статуса юридической личности; 2) de facto образованием экономически единого объединения хозяйствующих субъектов, подчиненного воле контролирующих лиц.

Резюмируя, отметим: сохранение либо утрата участниками объединения юридической и экономической самостоятельности зависит от частноправовых средств, положенных в основу объединения. Приведенная классификация может быть применена в отношении всех правовых форм объединений хозяйствующих субъектов.

¹ «Расширение» производственного и экономического потенциала возможно путем: 1) внутреннего роста, т. е. за счет укрупнения собственных производственных мощностей; 2) внешнего роста, т. е. за счет объединения нескольких хозяйствующих субъектов. Подобную градацию еще в 1914 г. предложил А.В. Венедиктов (см.: Венедиктов А.В. Слияние акционерных компаний // Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. 1. М., 2004. С. 70).

² См., например: Схема «межкорпоративных связей» ОАО «Коминнефть» с иными российскими и зарубежными «компаниями» по сост. на 1997 г. см. также: Разманова С.В. Оценка эффективности процессов слияний и поглощений в нефтегазовой отрасли: автореф. дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2010. С. 14; см. также: Федчук В.Д. Правовое регулирование групп компаний в праве Англии // Российский внешнеэкономический вестник. 2010. № 10. С. 37–42.

³ См., например: Чеховская С.А. Вопросы ответственности в условиях экономической зависимости (влияния) хозяйственных обществ в проекте изменений в раздел I Гражданского кодекса РФ // Закон. 2011. № 3. С. 34–38.

⁴ См., например: Королева М.В. «Объединение» юридических лиц в целях налогообложения // Налоги и финансовое право. 2011. № 4. С. 277–281; Винницкий Д. Режим налогообложения холдинговых компаний: проблемы и решения. Подготовлено для справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ См., например: Определение сделок по «слиянию компаний» в целях антимонопольного контроля слияний. 6-я Ежегодная конференция международной конкурентной сети (Москва, Россия. Май-июнь, 2007 г.) // Официальный сайт International Competition Network. URL: <http://www.internationalcompetitionnetwork.org> (дата обращения: 01.10.2011).

⁶ См.: Венедиктов А.В. Указ. соч. С. 70–89.

⁷ На обозначенные особенности указывает И.В. Григораш, рассматривая договор как основание установления отношений контроля и зависимости между участниками гражданских правоотношений. См.: Григораш И.В. Зависимые юридические лица в гражданском праве: опыт сравнительно-правового исследования. М., 2007. С. 29–42, 46–47. Аналогичным образом договор (как средство объединения) характеризует А.В. Венедиктов, рассматривая на примере картеля договорные объединения хозяйствующих субъектов: «...Договорный характер связи и приводит к тому, что участник картеля остается не только юридически, но и экономически самостоятельным предпринимателем; все ограничения (его обязанности по картельному договору) покоятся на его «доброй воле», и он всегда имеет возможность выйти из картеля, хотя бы этот выход был связан с крайне невыгодными последствиями для него (уплатой неустойки, потерей залога и т. д.)» (Венедиктов А.В. Указ. соч. С. 71–72).

⁸ Beherrschungsvertrag — в германском праве, control contract — в британском праве.

⁹ В корпоративном праве Европейского Союза обозначенным формам реорганизации соответствует институт «merger» (слияния). Регулированию merger посвящена Третья Директива Совета Европейских Сообществ № 78/855/ЕЭС от 9 октября 1978 г. о слияниях акционерных обществ (Third Council Directive 78/855/EEC of 9 October 1978 based on Article 54(3)(g) of the Treaty concerning mergers of public limited liability companies. Текст доступен на www.europa.eu.int). Директива различает две формы merger: 1) “Merger by acquisition” (слияние путем поглощения) — активы и пассивы переходят к уже существующему обществу; 2) “Merger by the formation of a new company” (слияние путем создания новой компании) — активы и пассивы переходят к вновь возникшему обществу. На Третью директиву оказало влияние романское, прежде всего, французское право (на это обращает внимание Е.А. Дубовицкая со ссылкой на Ganske J. Änderungen des Verschmelzungsrechts // Der Betrieb. 1981. S. 1552 (см.: Дубовицкая Е.А. Европейское кор-

поративное право. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2008. С. 151.). Признаки, аналогичные институту merger (слияние) в корпоративном праве Европейского Союза, усматриваются в такой предусмотренной Французским торговым кодексом операции, как «фузия». Соответствующие правила содержат инкорпорированный во Французский торговый кодекс Закон о торговых товариществах (см.: *Беликова К.М.* Средства правовой охраны конкурентной среды в латиноамериканских странах, применяемые в случаях реорганизации юридических лиц посредством слияний и присоединений // Правовое регулирование торгового оборота и кодификация частного права в странах Латинской Америки. М., 2010. С. 184).

¹⁰ Обозначенное утверждение убедительно обосновал И.В. Григораш на основе анализа зарубежного опыта (см.: *Григораш И.В.* Указ. соч.).

¹¹ См. п. 1 ст. 106 Гражданского кодекса Российской Федерации; п.4 ст.6 Закона об акционерных обществах; п. 4 ст. 6 Закона об обществах с ограниченной ответственностью; *Ломакин Д.В.* Акционерные общества — самостоятельные субъекты права как участники отношений зависимости // Очерки теории акционерного права и практики применения акционерного законодательства. М., 2005. С. 69–70; *Шиткина И.С.* Правовое регулирование экономической зависимости // *Хозяйство и право.* 2010. № 8. С. 31–50; *Чеховская С.А.* Указ. соч. С. 34–38).

¹² См.: *Григораш И.В.* Указ. соч. С. 12, 25–48.

¹³ См.: Там же.

¹⁴ На необходимость разграничения понятий «корпоративный контроль» и «контроль над корпорацией» указывает Д.И. Степанов. См.: *Степанов Д.И.* Феномен корпоративного контроля // *Вестник гражданского права.* 2009. № 9. С. 142–206.

НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ

О.С. Ростова*

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ КАК ВАЖНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПОДГОТОВКИ НАУЧНЫХ КАДРОВ В ВУЗЕ

Сегодня в нашей стране остро стоят вопросы обеспечения и сохранения научного кадрового резерва, без решения которых невозможно претворить в жизнь новаторские идеи реформирования образовательного пространства. В связи с этим проблема сохранения и воспроизводства научно-педагогических кадров в вузах, повышения престижа вузовской науки, преподавательского труда является первоочередной.

Кадровая политика вуза — это система подходов, взглядов, организационных мероприятий, направленных на решение вопросов, связанных с формированием и развитием научно-педагогического коллектива для обеспечения кафедр вуза научными кадрами высшей квалификации, при условии сохранения преемственности в обучении и воспитании студенческой молодежи. К основным принципам кадровой политики вуза относятся следующие:

формирование доброжелательной организационной среды для творческой самореализации ученых, обеспечение возможностей профессорско-преподавательского состава к самообразованию и саморазвитию;

разработка и применение административных механизмов стимулирования научных достижений ученых-преподавателей, в т. ч. за успешную защиту диссертации на соискание ученой степени кандидата (доктора) наук, подготовку монографий, учебно-методической литературы, экспертных заключений, участие в конференциях;

своевременное информирование научно-педагогического состава вуза о перспективах их профессионального роста с учетом адаптации к новым социальным условиям.

* Ростова Ольга Сергеевна — начальник научно-исследовательского отдела ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», кандидат юридических наук.

Важное значение имеет инфраструктурная поддержка научно-исследовательской работы (НИР) молодых ученых, наличие сети организационных структур в вузе для реализации научно-исследовательской деятельности студентов, аспирантов, молодых кандидатов наук. Перспективной формой организации НИР является межотраслевая интеграция вузов, производственных организаций и научных учреждений, позволяющая эффективно использовать потенциал многих вузов, предприятий и организаций региона. Одним из факторов развития НИР молодых ученых является повышение уровня профессионализма и квалификации преподавателей, что создает основу эффективной организации учебного процесса и использования новых образовательных технологий. Если раньше серьезные научные исследования и разработки были прерогативой узкой группы талантливых ученых из числа профессорско-преподавательского состава и некоторых аспирантов, то сейчас они должны стать реальной частью работы всех преподавателей и большинства студентов¹.

Сегодня в ведущих вузах создаются т. н. советы молодых ученых, основой костяк которых составляют молодые кандидаты наук, аспиранты (соискатели ученых степеней), студенты. Цели деятельности советов заключаются в активизации профессионального роста молодых ученых, объединении их усилий для разработки актуальных научных проблем и решения приоритетных научных задач, развитие инновационной деятельности молодых ученых.

Для достижения указанных целей Совет осуществляет следующие виды деятельности:

- планирует и оказывает необходимую помощь в организации научно-методических школ, конференций молодых ученых;
- организует и проводит научные конференции, семинары, выставки, форумы, съезды и другие мероприятия, в которых могли бы принимать участие молодые ученые;
- организует и проводит встречи с ведущими отечественными и зарубежными учеными, практиками;
- содействует развитию непосредственных контактов между молодыми учеными для организации междисциплинарных комплексных научных исследований силами молодых ученых, направленных на решение актуальных и практически значимых задач современной науки;
- проводит работу по информированию молодых ученых о научных исследованиях и мероприятиях, проводимых российскими и зарубежными организациями, и др.;
- разрабатывает предложения по стимулированию молодых ученых, созданию условий для их профессионального роста и повышению социальной активности;

осуществляет другие виды деятельности, соответствующие поставленным целям и не противоречащие действующему законодательству РФ.

В целях осуществления своей деятельности советы обладают следующими полномочиями:

участвовать в подготовке и экспертизе документов, связанных с деятельностью молодых ученых;

публиковать результаты научных исследований молодых ученых в сборниках и других изданиях;

привлекать сотрудников, аспирантов к участию в работе по приоритетным направлениям научных исследований;

участвовать в международных, общероссийских, межрегиональных, региональных и иных научных проектах и программах;

вносить предложения о поддержке и поощрении отдельных молодых ученых за достигнутые успехи, в т. ч. выдвигать их в установленном порядке на соискание премий, грантов, именных стипендий, учреждаемых различными фондами и организациями;

освещать деятельность советов в СМИ;

осуществлять иную деятельность в интересах молодых ученых, не противоречащую действующему законодательству.

Важным фактором активизации и развития НИР считается эффективная организация индивидуальной научно-исследовательской работы молодого ученого². На современном этапе развития российской высшей школы система стимулирования подготовки научных кадров должна отвечать следующим требованиям:

прагматичность и привязанность к конкретным условиям и ресурсным возможностям вуза;

опора на методы государственного регулирования и использования адаптированного механизма управления вузом и вузовским сектором науки;

гармонизация задач и функций руководства вуза, интересов преподавателей, научных работников и молодых ученых — достижение баланса интересов всех участников НИД;

использование многоканального финансирования с достижением оптимального сочетания бюджетных средств и внебюджетных источников финансирования.

В целях активизации и повышения результативности системы НИД необходимо расширить применение наиболее действенных видов учебного, материального и морального стимулирования студентов, научно-педагогического, научного и иного персонала вуза³.

Говоря о подготовке научных кадров на базе вуза, следует отметить, что активность научно-исследовательской деятельности молодых ученых аспирантов (соискателей ученых степеней) во многом зависит от

того, как организована научная работа, какие формы и методы стимулирования ее активных участников практикуются. Основные меры по дальнейшему совершенствованию и развитию системы стимулирования подготовки научных кадров на базе вуза можно разделить на ряд основных направлений:

1. Организационно-методическая поддержка научно-исследовательской деятельности молодых ученых: изучение опыта различных вузов в области стимулирования НИД, анализ; систематизация, оценка и обобщение полученной информации и материалов; разработка предложений по совершенствованию нормативно-правовой базы подготовки аспирантов (соискателей); разработка методических основ стимулирования работы молодых ученых в вузе; проведение специальных исследований по разработке новых, отвечающих современным условиям и требованиям, форм и видов участия молодых ученых в НИД.

2. Активное внедрение результатов научно-исследовательской работы аспирантов (соискателей) в учебный процесс: включение в учебные планы всех специальностей вуза раздела «НИД: практика, итоговая аттестация»; введение семестровых и годовых зачетов по результатам участия в научных мероприятиях различных уровней; разработка и реализация предложений селективной поддержки аспирантов (соискателей), проявивших интерес и способности к научному творчеству; дальнейшая реализация государственных, отраслевых и вузовских мер по улучшению социально-экономического обеспечения аспирантов, молодых ученых и их научных руководителей.

3. Стимулирование преподавательских кадров, осуществляющих руководство аспирантами (соискателями): внесение в индивидуальные планы преподавателей руководство аспирантами и молодыми учеными и планирование этой нагрузки в объеме учебных часов основного рабочего времени преподавателей; разработка и установление дифференцированных нормативов затрат труда (времени) преподавателей и научных работников на научное руководство, организацию и оценку отдельных элементов научной деятельности; введение индивидуального дифференцированного вознаграждения профессорско-преподавательского состава вузов за досрочную защиту диссертации аспирантами.

4. Расширение научно-исследовательской деятельности молодых ученых: всестороннее использование возможностей выполнения самостоятельных научных исследований; максимальное использование возможностей зачисления аспирантов и молодых ученых, способных к научной деятельности, на оплачиваемую работу по выполнению НИР в вузе; содействие привлечению молодых ученых к работе в научных подразделениях вуза и отраслевых научных организаций, научных объединений и инновационных структур.

При подготовке научных и научно-педагогических кадров организацию научно-исследовательской работы молодых ученых необходимо рассматривать как неотъемлемую часть образовательного процесса на базе вузовского и послевузовского образования. Общность задач образования и науки определяет и единство путей решения проблем, возникающих в образовании и науке. В широком плане развитие высшей школы, так же как и развитие науки и научного обслуживания, в современных условиях должно осуществляться по линии повышения эффективности, роста конечных результатов учебно-воспитательного и исследовательского процессов.

¹ См.: Концепция развития научно-исследовательской и инновационной деятельности в учреждениях высшего профессионального образования Российской Федерации на период до 2015 года (утверждена Приказом Минобрнауки России от 22 февраля 2011 г. № 3–91) // Администратор образования. 2011. № 7. С. 7–18.

² См.: Седин В.И., Леонова Е.В. Адаптация студента к обучению в вузе: психологические аспекты // Высшее образование в России. 2009. № 7. С. 83–89.

³ См.: Махмутов А. Мировому финансово-экономическому кризису — год: уроки и выводы // Экономика и управление. 2009. № 5.

Н.В. Дородонова*

ФИНАНСИРОВАНИЕ ВУЗОВСКОГО СЕКТОРА НАУКИ КАК ВАЖНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПОДГОТОВКИ НАУЧНЫХ КАДРОВ

За последнее десятилетие произошли серьезные изменения в системе отечественного образования и науки. Образовательная реформа продолжается и сегодня, что обусловлено четким пониманием того, что социально-экономическая модернизация страны невозможна без адекватного кадрового обеспечения. В процессе становления и развития системы подготовки научных кадров в современной России все большее внимание государство уделяет инвестициям в производство научных знаний и в подготовку специалистов, способных эти знания производить и находить для них прикладное воплощение.

Важнейшими факторами, влияющими на функционирование системы подготовки научных кадров, являются достаточность, полноценность и стабильность финансирования научной деятельности высшей школы. Под финансовой политикой поддержки научных исследований, проводимых на базе вуза, понимается составная часть экономи-

* Дородонова Наталья Васильевна — заведующий научно-исследовательским сектором координации НИР НИО ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», кандидат юридических наук.

ческой политики государства в сфере науки и образования, определяющая цели, принципы, направления и формы осуществления функций государства в области финансирования вузовского сектора науки¹. Таким образом, финансовая политика государства в сфере вузовской науки представляет собой систему государственных мер, направленных на обеспечение субъектов научной деятельности в высшей школе финансовыми ресурсами и на более эффективное их использование для решения актуальных задач сохранения и развития научного потенциала.

В качестве основных принципов финансовой политики государства в вузовском секторе науки выделяют: неукоснительность соблюдения установленных объемов и сроков финансирования научной деятельности вузов; защищенность расходов на вузовский сектор науки, включая научную деятельность в бюджетах различных уровней; конкурсность и состязательность в выделении ресурсов на научно-исследовательские работы; сочетание некоммерческого и коммерческого хозяйствования организационных структур вузовского сектора науки; государственное финансирование научной и научно-технической деятельности вузов на основе сочетания прямой финансовой поддержки и целевого финансирования конкретных научных программ и проектов.

К основным задачам финансирования системы подготовки научных кадров на базе вуза относятся: обеспечение бюджетного и целевого финансирования научно-исследовательской деятельности (далее — НИД) по профилям подготовки аспирантов (соискателей); развитие многоканального финансирования системы НИД и научных подразделений вузов на основе сочетания бюджетных и внебюджетных средств; совершенствование механизмов формирования, распределения и использования финансовых ресурсов на НИД; определение и реализация основных форм, направлений и порядка расходования средств вуза на НИД; совершенствование стимулирования студентов, аспирантов, молодых ученых, научного, профессорско-преподавательского и административного персонала вузов для участия в НИД.

Активность НИД студентов, аспирантов и молодых ученых во многом зависит от того, как организована научная работа, какие формы и методы стимулирования ее активных участников практикуются.

Научно-исследовательская деятельность включает в себя:

а) фундаментальные научные исследования — экспериментальная или теоретическая деятельность, направленная на получение новых знаний об основных закономерностях строения, функционирования и развития человека, общества, окружающей среды;

б) прикладные научные исследования — исследования, направленные преимущественно на применение новых знаний для достижения практических целей и решения конкретных задач².

Состояние финансового обеспечения науки в высшем учебном заведении является одним из основных показателей государственной аккредитации, определяющим статус его деятельности (институт, академия, университет). Совокупность всех компонентов содержания, формирования и руководства научно-исследовательской деятельностью в вузе представляет собой сложную открытую динамичную систему. Основные аккредитационные критерии, применяемые при экспертизе НИД вуза, выражаются не только в стоимостном выражении, но и в источниках финансирования (внешнее и внутреннее)³.

Научно-исследовательскую работу (далее — НИР) необходимо рассматривать как неотъемлемую часть образовательного процесса. Общность задач образования и науки определяет и единство путей решения проблем, возникающих в образовании и науке. В широком плане развитие высшей школы, так же как и развитие науки и научного обслуживания, в современных условиях должно осуществляться по линии повышения эффективности, роста конечных результатов учебно-воспитательного и исследовательского процессов. Основой высшего профессионального образования и объективной закономерностью его развития является взаимосвязь и взаимостимулирующее развитие учебно-воспитательного и научно-исследовательского процессов.

Мы разделяем мнение ученых, согласно которому одной из главных целей вузов, связанных с научной деятельностью, является подготовка квалифицированных специалистов с высшим профессиональным образованием и кадров высшей квалификации на основе новейших достижений научно-технического прогресса, экономической мысли и культурного развития⁴. Таким образом, научно-исследовательскую работу в вузе можно определить как системную деятельность по всестороннему изучению закономерностей становления и развития отдельной отрасли знания. Подобная деятельность ведет к углубленному пониманию и овладению содержанием предмета исследования, выявлению характерных черт, оценке эффективности его действия, предвидению научных перспектив развития и взаимодействию рассматриваемой материи и иных правовых средств.

Особое внимание в современном вузе уделяется координации действий, направленных на поддержку НИР студентов и молодых ученых. Решение этой задачи должно осуществляться на федеральном, региональном и местном уровнях управления развитием экономики и системы образования. Среди перечня мер, направленных на поддержку НИР студентов и молодых ученых, необходимо выделить следующие: подготовка перечня основных направлений государственной поддержки научных исследований и разработок студентов, увязанных с научными и технологическими приоритетами страны; активное использование си-

стемы грантов для студентов; ежегодная публикация в изданиях Минобразования России полных списков молодых ученых, удостоенных грантов, и сборника аннотаций выполненных по грантам работ; усиление академической мобильности молодежи различных регионов путем создания условий для обучения в аспирантуре и докторантуре ведущих высших учебных заведений и научных учреждений и организаций страны; создание единой информационной системы, позволяющей молодым людям принимать осознанное решение о работе в различных научных организациях страны.

Совместное научное творчество ученых, преподавателей, студентов, аспирантов — самый эффективный, проверенный практикой путь развития способностей, раскрытия талантов, становления характера исследователя, воспитания инициативы, потребности и навыков постоянного самообразования в будущем. Следует добиваться, чтобы для каждого студента участие в научном поиске стало осознанной потребностью.

Важнейшим фактором, влияющим на функционирование системы НИД, является достаточность, полноценность и стабильность финансирования научной деятельности высшей школы. Проблемы финансирования НИД следует рассматривать в единой системе финансирования вузовского сектора науки. Наблюдающийся в настоящее время недостаточный уровень привлечения студентов к НИР во многом является результатом низкого уровня бюджетного финансирования высшей школы России.

Для повышения эффективности функционирования системы НИР в каждом вузе целесообразно учредить фонд научно-исследовательской работы студентов и молодых ученых. Средства данного фонда должны использоваться для развития творческого и интеллектуального потенциала студентов, аспирантов и молодых ученых, стимулирования участников и организаторов научной деятельности молодежи вуза. Такие фонды поддержки, по мнению автора, могут иметь статус некоммерческих организаций и максимальные налоговые льготы. Рекомендуется проводить в вузе предметные олимпиады с целью усиления мотивации студентов к научно-исследовательской работе, выявления наиболее способных студентов для участия во всероссийских студенческих олимпиадах, а также в открытых конкурсах для обучения за рубежом.

Важнейшими путями оптимизации научной деятельности в высших учебных заведениях, в т. ч. научной работы студентов, являются: совершенствование организации и управления научной деятельностью, специализация и кооперирование вузов в определенных отраслях науки, рациональное использование рабочего времени профессорско-преподавательского состава.

Сохранение и развитие научного потенциала высшей школы России требует решения вопросов стимулирования НИД. В вузах именно стимулирование является основой действенного механизма привлечения студентов, преподавателей, научных и других работников к участию в НИД. Достижению высокой результативности НИД должно способствовать использование в вузе системы ее стимулирования, адаптированной к современным условиям функционирования высшей школы. Реализация действенного механизма стимулирования НИД требует четкого определения целей и задач.

К основным целям стимулирования НИД в вузе относятся:

повышение уровня и качества подготовки специалистов с высшим образованием к творческой и научно-исследовательской работе, овладение основами научно-технического предпринимательства и инновационного бизнеса;

накопление опыта и повышение качества труда преподавателей, научных и административных работников вуза в области НИД;

направление тематики НИД на приоритеты научно-технического развития регионов и России в целом.

В качестве первоочередных задач стимулирования НИД можно выделить следующие:

формирование мотивации к научно-исследовательской деятельности студентов, аспирантов и молодых ученых;

создание благоприятных условий для раскрытия и реализации творческих способностей, поддержка их научно-технического творчества;

отбор одаренных и талантливых студентов, способных к преподавательской или научной деятельности, для дальнейшего обучения и пополнения кадрового потенциала высшей школы;

повышение массовости и результативности участия в научно-технических мероприятиях НИД;

обеспечение эффективных экономических и социальных предпосылок для привлечения преподавательского, научного и административного персонала вуза к научному руководству и организации НИД.

От уровня организации стимулирования студентов, руководителей их научных работ, организаторов мероприятий системы НИД во многом зависит эффективность НИД в вузе. В свою очередь, для усиления стимулирующего воздействия необходимо планомерно совершенствовать систему организации НИД, улучшать управление, систематически поощрять участие в ней.

В настоящее время требуется переход от решения тактических целей государственной политики финансирования высшей школы к стратегическим. Дефицит ресурсов в течение последнего десятилетия диктовал приоритет тактических целей финансовой политики: сохранение

потенциала вузовской науки путем обеспечения минимальных гарантий ее бюджетного финансирования и привлечения внебюджетных средств. Сегодня же требуется решение задач развития научного потенциала высшей школы в первую очередь путем совершенствования системы научно-исследовательской деятельности в вузах России.

Необходимо отметить, что в условиях социально-экономического кризиса в стране, снижения престижа научной деятельности объективно возрастает роль вуза в организации и развитии НИР⁵. Эффективная организация научно-исследовательской работы на уровне конкретного вуза может компенсировать негативное влияние внешних факторов, таких как недостаточное внимание к НИР структур государственной власти.

Очень важно, чтобы в основу организации НИД был положен системный подход, предусматривающий постановку современных целей и задач НИД на базе вуза; комплексный охват всех видов НИД; определение состава всех компонентов организации и ведения НИД в вузе; оптимальное сочетание самостоятельности научной деятельности молодых ученых, форм и регламентации ее организации; единые требования и критерии оценки организации и результатов исходя из государственных образовательных стандартов.

¹ См.: Сальников Н.Л., Бурухин С.Б. Реформирование высшей школы: концепция новой образовательной модели // Высшее образование в России. 2008. № 2. С. 3–11.

² См.: Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 35, ст. 4137.

³ См.: Астанин В.В. Финансирование юридических научных исследований: фантомы или реальность // Юридическое образование и наука. 2011. № 3. С. 2–5.

⁴ См.: Балашов В.В., Лагунов Г.В., Малюгина И.В. и др. Организация научно-исследовательской деятельности студентов в вузах России: в 3 ч. Ч. 1. М., 2002. С. 37.

⁵ См.: Шереги Ф.Э., Стриханов М.Н. Наука в России: социологический анализ. М., 2006. С. 456.

Т.А. Александрова*

ПОДГОТОВКА НАУЧНЫХ КАДРОВ В РОССИЙСКОМ ВУЗЕ В РАМКАХ ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Основные тенденции подготовки научных и научно-педагогических кадров, как и всей системы высшего образования в современной России, находятся в русле целого комплекса преобразований, именуемых

* Александрова Татьяна Анатольевна — доцент кафедры английского и испанского языков ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», кандидат филологических наук.

Болонским процессом. 19 сентября 2003 г. Россия подписала Болонскую декларацию и официально присоединилась к процессу формирования единого общеевропейского образовательного пространства. Как известно, дальнейшее совершенствование высшего профессионального образования в нашей стране связано с реализацией положений этого документа. Болонские протоколы касаются единой европейской образовательной системы в целом. Всемирная декларация о высшем образовании ЮНЕСКО (Париж, 5–9 января 1998 г.)¹ провозгласила следующие принципы деятельности вузов, направленные на взаимопроникновение различных образовательных систем: следует заниматься подготовкой высококвалифицированных кадров и обеспечивать возможность получать высшее образование и обучение на протяжении всей жизни; особое внимание необходимо уделять продвижению знаний путем проведения научных исследований.

В совместном заявлении европейских министров образования, подписанном в Болонье, отмечается, что европейские высшие учебные заведения, следуя фундаментальным принципам, сформулированным в университетской хартии «Magna Charta Universitatum» (Болонья, 1988), принимают обязательства содействовать европейскому сотрудничеству в обеспечении качества образования с целью разработки сопоставимых критериев и методологий².

Мы разделяем мнение специалистов, согласно которому в настоящее время высшая школа не обеспечивает подготовку высококвалифицированных специалистов, соответствующих международным стандартам³. Тема вхождения России в общеевропейское образовательное пространство, вопросы о том, как это отразится на российской системе подготовки научных кадров, каких последствий стоит ожидать и прочие сопутствующие проблемы по-прежнему горячо обсуждаются в прессе, на многочисленных научных конференциях, семинарах, совещаниях и т. д.⁴ В ряде зарубежных стран образование рассматривается как высший приоритет в системе государственных интересов и задач.

Мнения специалистов о перспективах присоединения отечественного образования к Болонскому процессу не совпадают: одни полагают, что модернизация на этом пути погубит всю систему, сложившуюся в нашей стране, другие утверждают, что это выход на более высокий уровень ее развития⁵. Тема вызовов, рисков и угроз, связанных с Болонским процессом, постоянно присутствует в академической и общественной рефлексии на всем спектре отношений к нему — от полного отрицания до безоговорочного принятия⁶. Сегодня очевидна необходимость выбора наиболее приемлемой для российской системы образования модели, чтобы свести к минимуму возможные негативные последствия.

Главное конкурентное преимущество высокоразвитой страны связано с возможностью развития ее человеческого потенциала, которая во многом определяется состоянием системы образования. Именно в этой сфере находится источник обеспечения устойчивого экономического роста страны в средне- и долгосрочной перспективе.

Цель политики модернизации образования в среднесрочной перспективе состоит в обеспечении конкурентоспособности России на мировом уровне. Указанная цель достижима, если в ближайшие годы обеспечить оптимальное соотношение затрат и качества в сферах образования и науки. Для этого необходимо внедрить в систему образования новые организационно-экономические механизмы, обеспечивающие эффективное использование имеющихся ресурсов и способствующие привлечению дополнительных средств; повысить качество образования на основе обновления его структуры, содержания и технологий обучения; привлечь в сферу образования квалифицированных специалистов; повысить его инновационный потенциал и инвестиционную привлекательность.

Сегодня проблема воспроизводства научных и научно-педагогических кадров приобрела общегосударственный масштаб. Становится очевидным, что решать вопросы привлечения молодежи в сферу науки и образования, эффективного воспроизводства научных и научно-педагогических кадров, обеспечивающих государственный сектор науки и высшего образования, невозможно за счет использования рыночных механизмов. Необходимо использовать программно-целевые подходы к системному решению проблемы подготовки научных и научно-педагогических кадров, поиск новых организационных форм участия ученых в исследовательской деятельности.

Состоянию и перспективам научного обмена был посвящен ряд совещаний главы Правительства В.В. Путина, проведенных с представителями Российского союза ректоров (РСР) в августе текущего года, а также в ходе поездки премьер-министра во Владивосток, где он провел совещание в новом кампусе Дальневосточного федерального университета⁷.

Проблемам обеспечения доступа студентов, преподавателей, ученых к лучшим образовательным программам и исследовательским возможностям, необходимости развития обмена научными кадрами университетов и сетевого взаимодействия была посвящена интерактивная видеоконференция ректоров ведущих вузов, состоявшаяся в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова (сентябрь, 2011 г.)⁸. Как признали в ходе видеоконференции ректоры, сегодня российские вузы, по большей части, ориентированы на сотрудничество в плане обмена с зарубежными университетами, чему способствует на-

личие крупных международных программ поддержки академической мобильности. В России, по мнению представителей Российского союза ректоров, необходимо реализовать подобный проект на уровне государства. Для этого следует переориентировать учебные программы на стандарты, отвечающие требованиям инновационной экономики. Современный выпускник должен обладать не только профессиональными навыками, но и серьезными экономическими и управленческими знаниями, а также фундаментальной базовой подготовкой.

¹ См.: Высшее образование в XXI веке. Подходы и практические меры // Всемирная конференция по высшему образованию. Париж, 5–9 января 1998 г.

² См.: Косинска А., Дмоховски Т. Интеграция Польши в Болонский процесс: плюсы и минусы // Материалы международной научно-практической конференции «Интеграция науки и образования: нормативно-правовое обеспечение» (4 февраля 2005 г.) М., 2005. С. 336–342; Наумова Т.В. «Утечка умов» из российской науки // Социально-гуманитарные знания. 2000. № 5.

³ См.: Мосичева И.А., Шестак В.П., Застрожнава Е.М. Кадры высшей квалификации для инновационной России // Высшее образование в России. 2010. № 2. С. 3–10.

⁴ См., например: Стратегия академического сотрудничества (по материалам Форума ректоров России и Иberoамериканского пространства, 28–29 марта 2011 г.) // Ученый совет. 2011. № 6. С. 76–78 и др.

⁵ См., например: Мацкевич И.М. Развитие отечественного юридического образования в системе мировой интеграции // Юридическое образование и наука. 2009. № 1; Мячин Ю.В. Правовое регулирование развития систем профессиональной подготовки (анализ зарубежного опыта) // Юридический мир. 2007. № 9; Порус В.Н. Высшее образование должно возвышать человека // Вестник российского философского общества. 2008. № 2; Шкатулла В.И. Правовые аспекты современной системы образования в России // Журнал российского права. 2007. № 4.

⁶ См.: Байденко В.И. Болонские преобразования: проблемы и противоречия (статья четвертая) // Высшее образование в России. 2009. № 11. С. 26.

⁷ URL: <http://premier.gov.ru/events/news/16411/> (дата обращения: 24.10.2011).

⁸ См.: Официальный портал Российского совета ректоров. URL: <http://www.rsr-online.ru/index.php> (дата обращения: 21.10.2011).

ПО МАТЕРИАЛАМ КРУГЛОГО СТОЛА «ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ УЧАСТНИКОВ ГРАЖДАНСКОГО И АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССА В ДИНАМИКЕ СУДОПРОИЗВОДСТВА»

О.Ю. Рыбаков
Вступительное слово

О.Ю. Рыбаков*

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Уважаемые коллеги!

В Саратовской государственной юридической академии многое делается для продвижения и развития отечественной юридической науки, при этом широко используются как давно апробированные, так и инновационные формы работы. Это позволяет сохранять кадровый потенциал и вовлекать в научную деятельность молодых и социально активных людей.

Проводимый сегодня «круглый стол», **посвященный проблемам правового положения участников гражданского и арбитражного процесса в динамике судопроизводства**, еще раз подчеркивает актуальность высказанной мысли, поскольку в нем принимают участие хорошо известные в цивилистических кругах ученые-процессуалисты, а также аспиранты и соискатели, делающие первые шаги на научном поприще.

Весьма отрадно, что настоящее научное мероприятие не замыкается исключительно на нашем учебном заведении. Организаторы (доктор юридических наук С.Ф. Афанасьев) постарались расширить географию «круглого стола», пригласив выступить со специальным докладом док-

* Рыбаков Олег Юрьевич — проректор по научной работе ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор.

тора юридических наук, профессора кафедры гражданского процессуального и предпринимательского права Самарского государственного университета Андрея Владимировича Юдина, который занимается вопросами положения участников гражданского и арбитражного процесса достаточно давно и плодотворно.

Говоря предметно о теме доклада, следует отметить, что в условиях проводимой судебной реформы, постоянно и динамично меняющегося российского законодательства нормы материального и процессуального права стали в большей степени испытывать взаимное влияние. Именно имманентное наполнение материальных правоотношений во многом детерминирует правовое положение участников судопроизводства по гражданским делам; заставляет государственные органы, прежде всего, органы прокуратуры, обращаться в суды с исковыми заявлениями с целью защиты социально значимых прав и обязанностей, о чем, видимо, скажет присутствующая здесь заместитель прокурора Саратовской области, старший советник юстиции Галина Николаевна Токарева.

Хочется также отметить, что тема доклада профессора А.В. Юдина вызвала живой интерес не только у саратовских теоретиков и практиков, занимающихся исследованиями в области гражданского процессуального права и судопроизводства, о чем свидетельствует большое количество желающих принять участие в работе «круглого стола». Тезисы выступлений направили представители процессуальных школ Московского государственного университета им. В.М. Ломоносова (кандидат юридических наук С.В. Моисеев), Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина (кандидаты юридических наук Д.А. Туманов, Е.Г. Стрельцова), Казанского (Приволжского) федерального университета (аспирант Р.А. Чагаров) и др. Все это указывает на взаимосвязь научных процессуальных школ, что особенно важно на современном этапе развития нашего государства. Ведь именно от уровня научных знаний и их качества, возможности синтезировать принципиально новую юридическую стратегию и конкретный прикладной правовой инструментариум зависит то, насколько мы будем комфортно себя чувствовать в условиях глобализации, предполагающей среди прочего стандартизацию законодательства и отказ от узкого национального правового регулирования.

Выражаю глубокую уверенность в том, что «круглый стол» по вопросам цивилистического процессуального права на базе нашей Академии должен приобрести формат постоянно действующего. Желаю его участникам успешной и результативной работы во благо российской науке!

А.В. Юдин*

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ УЧАСТНИКОВ ГРАЖДАНСКОГО И АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССА В ДИНАМИКЕ СУДОПРОИЗВОДСТВА

Вопросы правового положения субъектов гражданского процесса занимают ученых-процессуалистов еще с давних времен. К настоящему моменту уже накоплен значительный теоретический и практический материал, относящийся к проблемам субъектов гражданского процессуального права. Однако большинство исследований, касающихся вопросов субъектов гражданского и арбитражного процесса, исходят из *постулата о том, что лицо, вступившее в процесс в определенном качестве, сохраняет такое качество вплоть до окончания дела*. Между тем реалии практики таковы, что *движение процесса может обусловить изменение правового положения субъектов такого процесса*.

Исследование проблем статуса субъектов процесса в динамике судопроизводства основано на таком известном и отмечаемом многими исследователями свойстве гражданско- и арбитражно-процессуальных правоотношений, как *динамизм*¹. В отечественной процессуальной литературе одним из первых к проблеме процессуального статуса субъектов в контексте последующего возможного изменения или прекращения такого статуса обратился И.А. Приходько. Интересно проследить используемый автором инструментарий для обозначения явлений рассматриваемой сферы: «позиционирование лиц, участвующих в деле», «корректное определение круга участвующих в деле лиц», «расстановка процессуальных фигур», «вовлечение в судебный процесс», «устранение из процесса» и др.² Ученый убедительно доказывает, что возможности варьирования субъектного состава участников дела поистине безграничны.

Таким образом, представляется важным изучение процессуального положения лиц, взятого в движении гражданского или арбитражного процесса, поскольку не по всем гражданским делам положение субъектов является статичным и неизменным. В тех случаях, когда динамика процесса обуславливает необходимость появления в процессе новых участников, изменение или прекращение процессуального статуса участников действующих, возникают новые, пока неисследованные или малоисследованные процессуальные реалии.

* Юдин Андрей Владимирович — профессор кафедры гражданского процессуально-го и предпринимательского права ФГБОУ ВПО «Самарский государственный университет», доктор юридических наук.

Процессуальный закон и практика его применения рассматривают несколько возможностей приобретения статуса сторон в динамике процесса. Первоначально рассмотрим ситуации приобретения процессуального статуса, обусловленного процессуальными факторами:

Предъявление встречного иска ответчиком. В подобном случае можно говорить о том, что стороны гражданского или арбитражного процесса поменялись ролями: истец по первоначальному иску становится ответчиком по встречному, а ответчик по первоначальному иску является истцом по иску встречному. Во многих судебных актах стороны процесса, в рамках которого заявлен встречный иск, именуется именно таким «двойным» образом с прибавлением вновь приобретенного процессуального статуса — истец по первоначальному иску (ответчик по встречному иску) или ответчик по первоначальному иску (истец по встречному иску). Более того, в ряде случаев, если по каким-то причинам первоначально предъявленный истцом иск «теряет силу», то ответчик, предъявивший встречный иск, превращается в истца, а истец — в ответчика! Полагаем, что с формально-юридической стороны попытка моделирования единой процессуальной фигуры вроде «истца-ответчика» или «ответчика-истца» должна быть признана неудачной, поскольку это, помимо практических неудобств и дезориентации суда и участников дела, приведет к уничтожению первоначального противостояния сторон, которому гражданский или арбитражный процесс обязан своим возникновением.

Сходные закономерности могут быть выявлены применительно к оценке правового положения третьего лица с самостоятельными требованиями на предмет спора. Истец и (или) ответчик как ответчик (ответчики) по иску третьего лица с самостоятельными требованиями не утрачивают своего первоначального процессуального статуса.

Полагаем также, что возможность предъявления требований к третьему лицу с самостоятельными требованиями на предмет спора имеется как у истца, так и у ответчика. Отрицание такой возможности неосостоятельно, хотя бы потому, что лишение истца или ответчика права предъявления требований к третьему лицу с самостоятельными требованиями на предмет спора в «ответ» на требования, заявленные этим лицом, существенно ограничивало бы право на защиту первоначальных сторон спора и делало бы вступившего в процесс лица неуязвимым. Однако статус третьего лица с самостоятельными требованиями на предмет спора остается неизблемым независимо от *им* или *к нему* предъявленных исковых требований.

Институт замены ненадлежащего ответчика. Несмотря на то, что данный институт является достаточно традиционным для ци-

вистических процессуальных отраслей права, на практике возникают определенные проблемы, связанные с заменой ненадлежащего ответчика.

Во-первых, необходимо определить, может ли быть надлежащим ответчиком кто-либо из лиц, уже участвующих в деле и имеющих какой-либо иной процессуальный статус? Полагаем, что такая ситуация вполне допустима: ненадлежащий ответчик может изначально принимать участие в деле в ином процессуальном качестве, в частности, в качестве третьего лица без самостоятельных требований на предмет спора. В данном случае какие-либо ограничения на производство замены отсутствуют.

Во-вторых, неопределенным представляется вопрос о материально-правовом статусе ненадлежащего ответчика: обязательно ли такое лицо должно обладать гражданской процессуальной или арбитражной процессуальной правоспособностью? Так, например, если уже после принятия искового заявления к производству будет установлено, что иск предъявлен к филиалу или представительству организации, перед судом возникает дилемма: прекратить производство по делу (абз. 2 ст. 220 ГПК РФ; п. 1 ч. 1 ст. 150 АПК РФ) и истец будет вынужден повторно предъявлять исковые требования или же в порядке замены ненадлежащего ответчика произвести замену филиала (представительства) на саму организацию (в силу понятных причин мы не рассматриваем здесь случаи, при которых суд просто «попросит» истца внести «исправления» в текст искового заявления и после этого продолжит рассмотрение дела). С точки зрения защиты прав истца и принципа процессуальной экономии, первый вариант представляется явно неудовлетворительным. Если признать, что ненадлежащий ответчик может вообще не быть субъектом права, то замена такого ответчика обеспечит более оперативную защиту прав истца.

В-третьих, буквальное толкование текста закона показывает, что в процессе рассмотрения дела возможна лишь одна замена ненадлежащего ответчика; между тем не исключено, что после замены ненадлежащего на надлежащего выяснится, что он тоже ненадлежащий и потребуются еще одна замена ответчика. Отсюда необходимо признать допустимой ситуацию, при которой бы суд (арбитражный) с соблюдением установленных законом условий, произвел вторичную замену ненадлежащего ответчика, ошибочно привлеченного в процесс.

В-четвертых, возможно возникновение ситуации, при которой после замены ненадлежащего ответчика на надлежащего выяснится, что такая замена была произведена ошибочно, и возникнет необходимость «вернуть» замененного ответчика, первоначально признанного ненад-

лежащим. Закон не предусматривает процедуры «возврата» ответчика в процесс, тем не менее, подобную ситуацию следует признать допустимой, поскольку в правоприменительном процессе не исключены ошибки в определении материально-правового статуса лица и в определении субъекта-носителя спорной обязанности; кроме того, «возврат» ненадлежащего ответчика может быть вызван изменением или уточнением заявленных исковых требований.

Теперь рассмотрим ситуации приобретения процессуального статуса сторон процесса в динамике развития гражданского судопроизводства, обусловленной материально-правовыми факторами. Динамизм, присущий материальным правоотношениям и продуцирующий динамику самого судопроизводства, заставляет во многом пересмотреть традиционно сложившееся определение сторон процесса — истца и ответчика как предполагаемых или действительных обладателей (субъектов), соответственно, спорного права или интереса (права требования), и спорной обязанности.

Нередко при обращении в суд истец ставит вопрос не о присуждении ответчика к какой-либо обязанности, а о присуждении к исполнению такой обязанности себя самого. Так, например, истец-супруг, предлагая определенный вариант раздела имущества, просит суд присудить какое-либо имущество, относящееся к совместной собственности, в пользу супруга-ответчика и аннулировать запись о праве собственности, согласно которой это имущество принадлежит истцу (это может быть в случае, если имущество в период брака было оформлено на истца). Суд, присуждая сумму страхового возмещения со страховщика в пользу страхователя, в случае, если предмет договора страхования погиб, однако в той или иной форме сохраняется в натуре (например, как совокупность запчастей или металлолома после автоаварии — т. н. «годные остатки»), должен передать его страховщику, иначе на стороне страхователя может возникнуть неосновательное обогащение и т. д.

Требование истца о присуждении в пользу ответчика с «самого себя» имеет ряд особенностей, которые сводятся к следующему: а) такое требование всегда существует наряду с «основным» требованием, в котором ответчик позиционируется в качестве адресата юридической обязанности; б) требование истца о присуждении чего-либо с «себя самого» в пользу ответчика — это требование зависимое и производное от основного требования, т. е. его удовлетворение представляет для истца интерес лишь постольку, поскольку будет удовлетворено его основное требование; в) обязанность, к исполнению которой просит присудить себя истец, имеет компенсационный характер и направлена на устранение неравенства, которое возникло в случае, если бы суд удовлет-

ворил только «основное» требование истца к ответчику; г) требование истца о присуждении чего-либо с «себя самого» есть требование под условием. Истец заявляет о готовности исполнить юридическую обязанность при условии, что суд подтвердит возможность его к осуществлению спорного субъективного права.

Если обозначенную проблему перевести в практическую плоскость, то возникнет немало вопросов, требующих своего решения:

1. Прежде всего, необходимо выяснить, является ли подобное требование искомым или оно представляет собой некое средство для выравнивания имущественного неравенства сторон, которое неизбежно возникло бы в случае удовлетворения «основного» иска в «чистом» виде? С точки зрения доктрины процесса, суд не может при рассмотрении гражданского дела производить какие-либо взыскания в пользу той или иной стороны, если его об этом не просят. Полагаем, в изобретении специального наименования или процедуры для разрешения такого требования отсутствует какая-либо необходимость, если признать, что иск — это не только требование о присуждении чего-либо с ответчика, но и иногда требование о присуждении чего-либо с себя самого.

2. Обязан ли истец заявлять такого рода требования или суд имеет право по своей инициативе осуществить с истца соответствующее взыскание? Исходя из логики ответа на предыдущий вопрос, полагаем, что истец обязан заявить данное требование под страхом того, что суд откажет ему в удовлетворении основного требования со ссылкой на недопустимость неосновательного обогащения (гл. 60 ГК РФ), которое неизбежно возникнет, если истец не потребует предоставить ответчику эквивалентного предоставления.

3. Обязан ли ответчик заявить встречный иск в том случае, когда истец умалчивает о присуждении его к определенной юридической обязанности? Полагаем, что если встречный иск будет заявлен, суд при условии удовлетворения требований истца должен будет пойти на удовлетворение встречного иска. Однако в контексте вышеприведенных рассуждений заметим, что заявление встречного иска в данной ситуации для ответчика совсем необязательно. Представляется, что заявление «компенсационных» требований — это забота истца, а не ответчика, рискующего проиграть дело при условии отсутствия в иске требований о взыскании с себя самого.

4. Уточнение правового положения истца не может не отразиться на необходимости уточнения правового положения ответчика. Определение ответчика как лица — предполагаемого носителя спорной обязанности — следует признать неполным. Как было нами установлено, ответчик может выступить субъектом, на которого истец в ряде случа-

ев желать возложить не только спорную обязанность, но и предоставить некое субъективное право. Логично предположить, что позиция ответчика, как правило, должна сводиться к отказу от передаваемого ему истцом права или к существенному уточнению объема и содержания передаваемого права.

5. Суд иногда лишен возможности «насильно вручить» ответчику предлагаемое истцом субъективное право, однако, исходя из характера спорных правоотношений, в ряде случаев передача ответчику права на взыскание с истца помимо воли ответчика все же возможна. Так, Верховный Суд РФ сформулировал позицию, согласно которой требование государственной власти или органа местного самоуправления, принявшего решение об изъятии жилого помещения, о переселении собственника изымаемого жилого помещения в другое жилое помещение не может быть удовлетворено, если собственник жилого помещения возражает против этого, т. к. в данном случае на орган власти может быть возложена обязанность лишь по выплате выкупной цены изымаемого жилого помещения³. Однако не во всех случаях суд оказывается лишенным подобной возможности. Иногда взыскание с истца в пользу ответчика — это необходимость, олицетворяющая собой единственный возможный вариант разрешения спора. Например, даже если супруг-ответчик не хочет получать имущество, которое ему посредством иска вручает истец, у суда, при условии принятия истцового варианта раздела совместной собственности, просто нет иного выхода, как присудить истца к передаче ответчику некоего имущества.

Анализ динамики развития материально-правовых отношений показывает, что позиционирование ответчика как лица — предполагаемого носителя спорной юридической обязанности во многих случаях не соответствует действительности.

Содержание ряда статей цивилистических процессуальных кодексов способно убедить нас в том, что ответчик — это лицо, нарушившее права, свободы и охраняемые законом интересы истца. Вместе с тем в некоторых ситуациях ответчик изначально и сознательно не позиционируется в качестве нарушителя прав истца, тем не менее, ставится в подобное процессуальное положение и ставится в значительной степени искусственно. Ответчик предстает здесь как некая искусственная процессуальная фигура. В числе наиболее распространенных дел с участием «условного» ответчика — расторжение брака между супругами, согласными на расторжение брака, однако имеющими несовершеннолетних детей; признание права собственности на самовольную постройку; признание права собственности в силу приобретательной давности; восстановление срока для принятия наследства и др.

Характерно, что «условный» ответчик возникает произвольно, а лишь в тех случаях, когда закон и (или) практика его применения «навязывают» правоприменителю и иным адресатам процессуальных норм процедуру искового производства и привлечение определенного субъекта именно в таком процессуальном качестве.

На появление в гражданском и арбитражном процессе фигуры «условного» ответчика влияют следующие содержательные факторы: а) необходимость реабилитации истцом своего собственного правонарушающего поведения либо поведения, сопряженного с неисполнением отдельных юридических предписаний (особенно наглядно это проявляется в делах о признании права на самовольную постройку); б) в качестве «условного» ответчика привлекается лицо, которое не просто не исполнило своих юридических обязанностей по отношению к истцу, а напротив, либо поступило полностью правомерно, отказав истцу в совершении юридически значимого действия, либо не несло по отношению к истцу вообще никаких юридических обязанностей; в) необходимость установления неких социально или общественно значимых обстоятельств (наиболее типичный пример — дела о расторжении брака между супругами, имеющими несовершеннолетних детей и согласных на расторжение брака, по которым суд обязывается к принятию мер по защите интересов детей).

На появление в гражданском и арбитражном процессе фигуры «условного» ответчика влияют также следующие формальные факторы: а) другого ответчика сложно «подыскать» или его просто не существует; б) в качестве ответчика «назначается» лицо, имеющее хотя бы минимальную прикосновенность к возникшим правоотношениям; в) бесспорное по сути дело таит в себе вероятность возникновения правового конфликта; г) лицо ставится в положение ответчика для того, чтобы стимулировать или даже спровоцировать последнего на заявление возражений и спора против иска.

Особенности динамики материально-правовых отношений могут привести к возникновению ситуации, при которой ответчик как нарушитель прав истца не будет известен, во всяком случае, на момент возбуждения дела. Одно из отличий между гражданским (арбитражным) и уголовным процессом, диктуемых, соответственно, принципами диспозитивности и публичности, состоит в том, что механизмы уголовного преследования «срабатывают» даже в том случае, если лицо, совершившее уголовный деликт, остается неизвестным в момент возбуждения дела, тогда как гражданское дело искового производства может быть возбуждено только при условии, что истец четко позиционировал определенное физическое или юридическое лицо в качестве наруши-

теля своего права. Уголовное дело, напротив, может быть возбуждено даже «по факту», т. е. при наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления (ч. 2 ст. 140 УПК РФ).

Невозможность самостоятельного получения сведений об ответчике может быть сопряжена с самым разнообразным кругом фактических и юридических обстоятельств (изменение ответчиком места жительства, введение истца в заблуждение относительно своих данных, отсутствие сведений о правопреемниках ответчика и др.). При этом попытки обнаружения ответчика могут наталкиваться на запрет сбора информации о частной жизни лица без его согласия (ч. 1 ст. 24 Конституции РФ), а также на нормы Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных». Изложенное актуализирует проблему легитимности процессов, возбуждение которых характеризовалось бы неизвестностью лица, нарушившего право истца либо предположительностью информации о нем. Полагаем, что допустимость такого рода процессов может быть доказана апеллированием к необходимости всемерной защиты прав истцов, при которой возможность предоставления судебной защиты не ставилась бы в зависимость, во-первых, от исполнения истцами обязанности по получению информации, доступ к которой может быть ограничен; а во-вторых, от изоэтренности ответчиков, которые при таком состоянии дела могли быть заинтересованы в максимальном сокрытии информации о собственной личности. Кроме того, истец не лишен права при обращении в суд заявить ходатайство об истребовании доказательств в порядке ст. 57 ГПК РФ, в т.ч. доказательств, относящихся к данным об ответчике.

Последние годы ознаменовались существенной новеллизацией гражданско-процессуального и арбитражно-процессуального законодательства. Анализ внесенных в ГПК РФ и преимущественно в АПК РФ изменений позволяет утверждать, что в гражданском и арбитражном процессе появились субъекты, правовое положение которых отличается известным своеобразием:

участники производства по делам о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок и права на исполнение судебного акта в разумный срок. Неопределенность вида производства, по правилам которого должны рассматриваться дела о присуждении компенсации, делает неопределенным правовое положение лиц, участвующих в таких делах. Однако, определив соответствующий вид производства (исковое⁴; компенсаторное производство⁵; по делам, возникающим из публичных правоотношений и др.), этот вопрос может быть разрешен более или менее успешно. Более серьезную проблему представляет участие по таким делам лиц, ко-

торые, имея к делу некую «прикосновенность» и располагая по нему некими процессуальными возможностями, тем не менее, участниками дела вроде бы и не являются.

Так, в абз. 2 п. 30 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2010 г. № 30 и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 декабря 2010 г. № 64 «О некоторых вопросах, возникших при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»⁶ разъясняется, что под «другими заинтересованными лицами понимаются лица, чьи действия (бездействие) повлекли увеличение срока судопроизводства или исполнения судебного акта». Одновременно указано, что «к участию в деле о присуждении компенсации в качестве заинтересованного лица не может быть привлечен суд или судья, рассмотревший (рассматривающий) дело, в связи с которым возникли основания для подачи заявления о присуждении компенсации, а также лица, которые участвовали (участвуют) в этом деле». Но «суд или судья в то же время ... не лишены права представить объяснения, возражения или доводы относительно заявления о присуждении компенсации» (абз. 3 п. 30)⁷. В итоге возникает процессуальная фигура некоего заинтересованного лица, который к участию в деле не привлекается, но, тем не менее, может возражать против предъявленного заявления, давать объяснения, приводить свои доводы и т. д., т. е. субъекта, имеющего квази-процессуальный статус;

лица, не участвующие в деле, о правах и обязанностях которых может быть принят судебный акт (субъекты, «прикосновенные» к арбитражному процессу). Статья 10 Федерального закона от 19 июля 2009 г. № 205-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁸ дополнила АПК РФ двумя главами (28.1 и 28.2), посвященными рассмотрению корпоративных споров и дел о защите прав и законных интересов группы лиц. Можно утверждать, что в арбитражном процессе появились субъекты, ранее неизвестные процессуальному законодательству (например, участники группы, в защиту прав и законных интересов которых подано заявление; юридическое лицо в корпоративном споре). Дальнейший анализ позволяет выявить множество общих черт в их правовом статусе и одной из главных таких черт является существование лиц, которые, не будучи лицами, участвующими в деле, оказались наделены некими субъективными правами в арбитражном процессе.

Так, например, юридическое лицо по корпоративному спору вправе знакомиться с материалами дела по спору, делать выписки из них, снимать копии (ч. 5 ст. 225.4 АПК РФ); быть извещенным о времени и

месте рассмотрения заявления об обеспечении иска (ч. 9–10 ст. 225.6 АПК РФ); участники группы по делам о защите прав и законных интересов группы лиц вправе представлять доказательства их принадлежности к группе лиц (п. 4 ч. 1 ст. 225.14 АПК РФ); знакомиться с материалами дела, делать из них выписки, снимать с них копии (ч. 3 ст. 225.16 АПК РФ) и т.д. В литературе уже началось обсуждение правового положения данных субъектов⁹.

Несложный юридический анализ способен убедить нас в том, что данные субъекты лицами, участвующими в деле, не являются по ряду причин: а) они не упомянуты в ст. 40 АПК РФ, где воспроизводится соответствующий перечень лиц, участвующих в деле, который является исчерпывающим и может быть расширен или изменен только законом; б) специальное закрепление за перечисленными лицами отдельных субъективных прав также говорит о том, что лицами, участвующими в деле, они не являются; в противном случае специальное акцентирование законодателя на правах, которые и так принадлежат лицам, участвующим в деле, не потребовалось бы. Наряду с этим в арбитражном процессе не могут участвовать субъекты, статус которых не определен каким-либо однозначным образом, а равным образом субъекты, которые вообще не имеют какого-либо процессуального статуса.

Субъектам, «прикосновенным» к арбитражному процессу, присущи следующие признаки: а) решение арбитражного суда может повлиять, а может и не повлиять на их права и обязанности, следовательно, данные субъекты обладают потенциальной, гипотетической юридической заинтересованностью в исходе дела; б) лица, «прикосновенные» к арбитражному процессу, субъектами спорного материального правоотношения, находящегося на рассмотрении арбитражного суда, не являются.

Характеристикой лиц, «прикосновенных» к арбитражному процессу, является лабильность данной группы субъектов, поскольку высока вероятность их «превращения» в лиц, участвующих в деле, и, напротив, вероятность отсутствия у них какой-либо заинтересованности к исходу процесса и, в итоге, «отпадения» их от участия в деле.

Обновленное арбитражно-процессуальное законодательство свидетельствует о том, что преюдициальная сила судебных актов может связывать теперь не только лиц, участвующих в деле, но и лиц, не наделенных таковым процессуальным статусом. Речь идет о норме ч. 2 ст. 225.17 АПК РФ, согласно которой «обстоятельства, установленные вступившим в законную силу решением арбитражного суда по ранее рассмотренному делу о защите прав и законных интересов группы лиц, не доказываются вновь при рассмотрении арбитражным судом друго-

го дела по заявлению участника этой же группы к тому же ответчику». На первый взгляд, явление преюдиции может представлять и представляет благо или льготу для лица, в чью пользу были установлены факты в первом судебном процессе и обременение для лица, против интересов которого установлены факты. Однако возможна и другая ситуация, когда лицо, обратившееся в защиту прав и законных интересов группы лиц, в силу тех или иных причин добьется установления преюдициальных фактов «против» интересов участников группы. Подобная возможность «навязывания» преюдиции должна быть учтена и предотвращена законом. Совершенно справедливые опасения вредоносных действий лица, обратившегося в арбитражный суд в защиту прав и законных интересов группы лиц, в т.ч. сопряженных с созданием нежелательной преюдиции, уже были высказаны в литературе¹⁰.

Все изложенное приводит нас к выводу о том, что субъектов, «прикосновенных» к арбитражному процессу, следует охарактеризовать как лиц, не участвующих в деле, о чьих правах и обязанностях *может быть* принят судебный акт. В настоящий момент теории и практике арбитражного процесса известна такая категория субъектов, как лица, не участвующие в деле, о правах и обязанностях которых арбитражный суд принял судебный акт (ст. 42 АПК РФ). Однако лиц, не участвующих в деле, о правах и обязанностях которых арбитражный суд принял судебный акт в строгом смысле этого слова нельзя считать субъектами арбитражного процесса, поскольку их существование — это нонсенс, результат ошибки, допущенной арбитражным судом первой инстанции, тогда как существование лиц, не участвующих в деле, о чьих правах и обязанностях может быть принят судебный акт — это закономерное явление, сознательно допущенное законодателем.

В завершение рассмотрения вопросов о приобретении процессуального статуса в динамике судопроизводства нельзя не упомянуть о таком явлении, как искусственное приобретение или наделение процессуальным статусом участников судопроизводства. Подобные действия должны свидетельствовать о допущенном лицом или лицами злоупотреблении процессуальными правами, состоящем в искусственном создании видимости наличия условий, при которых согласно закону тот или иной спор подлежит рассмотрению в определенном арбитражном суде или суде общей юрисдикции (иными словами, о манипуляции подведомственностью или подсудностью дела). Можно выделить следующие распространенные способы манипуляции подведомственностью спора с помощью варьирования субъектного состава: а) указание заведомо ненадлежащего ответчика или соответчика — физических лиц для целей приобретения подведомственности дела суду общей

юрисдикции; б) предъявление иска истцом-организацией совместно с ненадлежащим соистцом-гражданином для целей приобретения подведомственности дела суду общей юрисдикции; в) вмешательство в арбитражный процесс заведомо ненадлежащего третьего лица с самостоятельными требованиями — гражданина для целей создания подведомственности дела суду общей юрисдикции; г) искусственное изменение материально-правового статуса истца (например, посредством уступки права требования от физического лица к юридическому либо наоборот) в целях переноса спора, соответственно, из суда общей юрисдикции в арбитражный суд и, наоборот; д) недобросовестное умолчание о ненадлежащей подведомственности спора в целях дальнейшей отмены неблагоприятного для себя судебного акта путем апеллирования к нарушению правил о подведомственности.

Схожие приемы используются и для «игры» с подсудностью (как правило, подсудностью территориальной): а) указание заведомо ненадлежащего ответчика или привлечение соответчика для приобретения необходимой территориальной подсудности; б) недобросовестное умолчание о ненадлежащей подсудности в целях создания видимости нарушений подсудности дела.

(Окончание в следующем номере)

¹ См., например: Мельников А.А. Гражданские процессуальные правоотношения // Курс советского гражданского процессуального права. Т. 1: Теоретические основы правосудия по гражданским делам. М., 1981. С. 187; Чечина Н.А. Гражданские процессуальные отношения. Л., 1962. С. 56; Трещева Е.А. Субъекты арбитражного процесса. Ч. 1: Общие теоретические вопросы понятия и классификации субъектов. Самара, 2006. С. 28 и др.

² См.: Приходько И.А. Доступность правосудия в арбитражном и гражданском процессе: основные проблемы. СПб., 2005. С. 303–305.

³ См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 18 августа 2009 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 3. С. 14–16.

⁴ См.: Юдин А.В. Присуждение компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок // Хозяйство и право. 2011. № 2. С. 26–35.

⁵ См.: Зарубина М.Л. Производство по гражданским делам о взыскании вреда, причиненного судом (судьей) вследствие отправления правосудия: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. Саратов, 2011.

⁶ Российская газета. 2011. 14 янв.

⁷ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 3. С. 17.

⁸ Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 29, ст. 3642.

⁹ См., например: Малешин Д.Я. Российская модель группового иска // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2010. № 4. С. 83–84; Приходько И.А., Бондаренко А.В., Столяренко В.М. Комментарий к изменениям, внесенным в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации Федеральным законом от 19 июля 2009 г. № 205-ФЗ. М., 2009. С. 69; Ярков В.В. Революция в арбитражном процессе: что групповой иск грядущий нам готовит? // Вестник Федерального арбитражного суда Московского округа. 2009. № 1. С. 111; Юдин А.В. Процессуальный статус юридического лица по корпоративному спору, рассматриваемому арбитражным судом // Арбитражный и гражданский процесс. 2009. № 12. С. 22–24; Он же. Правовое положение лиц, не участвующих в деле, о чьих правах и обязанностях может быть принят судебный акт // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2010. № 10. С. 40–53 и др.

¹⁰ См., например: Приходько И.А., Бондаренко А.В., Столяренко В.М. Указ. соч. С. 292–294, 298, 321–323.

О.В. Исаенкова*

ЛИЦА, УЧАСТВУЮЩИЕ В ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ (ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ)

Проблемы, связанные с институтом лиц, участвующих в исполнительном производстве, являются одними из самых разработанных в молодой науке исполнительного процессуального права. Традиционно выделяют в качестве основного субъекта судебного пристава-исполнителя, затем называют стороны как лиц, имеющих и материальную, и процессуально-правовую заинтересованность в исходе исполнительного производства. В отношении сторон речь идет, без всякого сомнения, о взыскателе и должнике, в теории названия сторон каких-либо проблем не вызывает, в отличие от практических комментариев, где взыскателя иногда необоснованно именуют «потерпевшим»¹.

Далее, как правило, следуют имеющие процессуальную заинтересованность представители сторон и, наконец, иные лица, содействующие процессу исполнения, — переводчик, понятые, специалисты. Между тем действующее исполнительное законодательство не подразделяет лиц, участвующих в исполнительном производстве, на какие бы то ни было группы, регулируя в главе «Лица, участвующие в исполнительном производстве» правовое положение сторон, их представителей, переводчика, понятых, специалиста и даже взаимодействие судебных приставов-исполнителей и работников милиции.

В теории исполнительного права всех субъектов исполнительного производства предлагается подразделять на следующие группы:

- 1) лица, исполняющие требования исполнительного документа (судебный пристав-исполнитель);
- 2) лица, участвующие в исполнительном производстве (взыскатель и должник, их представители);
- 3) лица, содействующие совершению исполнительных действий (переводчик, понятые, специалисты, хранители арестованного имущества, реализаторы арестованного имущества);
- 4) лица, осуществляющие предварительный или последующий контроль за деятельностью судебного пристава-исполнителя либо разрешающие отдельные вопросы исполнительного производства (суды, старший судебный пристав подразделения (отдела) судебных приста-

* Исаенкова Оксана Владимировна — директор Юридического института правового администрирования ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», зав. кафедрой гражданского процесса, доктор юридических наук, профессор.

вов, вышестоящие должностные лица Федеральной службы судебных приставов и ее территориальных органов).

Дефиниции основной части указанных субъектов, с точки зрения теории исполнительного права, уже определены, но их (за исключением дефиниции «органы принудительного исполнения — федеральный орган исполнительной власти, ведающий вопросами принудительного исполнения, и входящие в него территориальные органы») на заседании межведомственной рабочей группы по разработке проекта Исполнительного кодекса РФ 23 марта 2007 г. было решено не фиксировать в ст. 1 Исполнительного кодекса РФ, а эксперт и вовсе исключен из участников исполнительного производства.

Остановимся на одном из особо проблемных вопросов — роли и правосубъектности прокурора в исполнительном производстве. Возможно, корни проблемы участия прокурора в исполнительном производстве находятся в конституционном регулировании статуса прокуратуры. Аргумента разработчиков Основного Закона России о том, что «раз прокуратура вроде бы близка к судебной власти, то ее и надо поместить в эту главу»², по нашему мнению, явно недостаточно для определения места прокуратуры в политической и правовой системе государства вообще и исполнительного производства в частности.

Мнения по статусу прокуратуры в исследуемой области имеют широкую амплитуду: от предложений о включении прокурора в число участников исполнительного производства, дополнении Федерального закона «Об исполнительном производстве» в части полномочий прокурора и мер прокурорского реагирования как средства защиты прав и интересов участников исполнительного производства³ и законодательного закрепления права прокурора предъявлять исполнительные документы к принудительному исполнению и вступать в исполнительное производство на любой его стадии⁴ до отрицательного решения вопроса об отнесении прокурора к числу участников исполнительного производства⁵. Предлагается предоставить прокурору в исполнительном производстве права, аналогичные правам сторон⁶, не расшифровывая, однако, какой из сторон — взыскателя или должника, тогда как правомочия названных лиц далеко не идентичны и в большинстве своем неотъемлемы от личности.

Четкое определение правового статуса прокурора в исполнительном процессе имеет немаловажное практическое значение в том смысле, что позволит разрешить проблему, связанную с возможными действиями прокурора в случае обнаружения нарушений законодательства об исполнительном производстве.

Значительное ограничение полномочий прокурора в гражданском процессе, вызвавшее отрицательную оценку ученых-процессуалистов, уже при обсуждении проекта действующего ГПК РФ, полагаем, не

должно проецироваться на процесс исполнения юрисдикционных актов, по крайней мере, до тех пор, пока на российском правовом поле не появятся иные организации, сравнимые по доступности и способности осуществлять правозащитные функции. Кроме того, своеобразиие достаточно консервативного российского менталитета вряд ли позволит в обозримом будущем таким организациям приблизиться по авторитету и эффективности к органам прокуратуры.

¹ См.: Мазуренко В.А. Предисловие // Судебные приставы и исполнительное производство в законодательстве Российской Федерации: сборник нормативных актов и документов / под ред. Б.П. Кондрашова. М., 1999. С. 14–17.

² Эбзеев Б.С. Дефицит надзора // «ЭЖ – юрист». 2003. №1 (255). С. 1.

³ См.: Бочарова С.Н. Совершенствование прокурорского надзора в исполнительном производстве: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 22.

⁴ См.: Валеев Д.Х. Процессуальное положение лиц, участвующих в исполнительном производстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1999. С. 23.

⁵ См.: Викут М.А. Участники исполнительного производства // Система гражданской юрисдикции в канун XXI века: современное состояние и перспективы развития: межвузовский сборник научных трудов. Екатеринбург, 2000. С. 516.

⁶ См.: Шакитько Т.В. Лица, участвующие в исполнительном производстве // Защита прав и законных интересов граждан и организаций: материалы Международной научно-практической конференции (Краснодар–Сочи, 23–26 мая 2002 г.). Сочи, 2002. Ч. 1. С. 153.

⁷ См.: Маслова Т.Н. Проблемы участия прокурора в гражданском процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. С. 1–2, 7, 16, 22.

Т.А. Григорьева*

ПРОБЛЕМЫ АРБИТРАЖНОЙ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ УЧАСТНИКОВ ПРОИЗВОДСТВА ПО ГРУППОВОМУ ИСКУ

Исследования правового статуса участников арбитражного процесса в настоящее время представляют собой актуальную область науки арбитражного процессуального права. Е.А. Трещева отмечает, что сам процесс защиты прав в арбитражном суде должен рассматриваться через призму прав и обязанностей участников арбитражного процесса¹. Данная точка зрения не лишена и практической направленности: отсутствие определенных распорядительных полномочий, например, права на выход из состава группы истцов, нарушает процесс защиты прав. Лицо может обоснованно полагать, что индивидуальная защита права позволит применить более верные процессуальные стратегии, однако, вступив в процесс по групповому иску как истец группы, оно может не иметь процессуальной возможности выйти из состава группы и обратиться в арбитраж-

* Григорьева Тамара Александровна — заведующий кафедрой арбитражного процесса ФБГОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», доктор юридических наук, профессор.

ный суд с самостоятельным иском. Не определен в российском процессуальном праве и статус потенциального истца группы. Особенностью субъектного состава производства по групповому иску в странах системы общего права является его неопределенный характер². Основная процессуальная проблема, которая возникает в процессе судопроизводства по групповому иску, — проблема установления количественного состава участников группы истцов. Применительно к лицу, которое входит в неопределенный круг лиц, чьи права нарушены и защищаются в рамках производства из публичных отношений, в отечественной процессуальной литературе используется категория «потенциальный истец».

«Потенциальными истцами (заявителями)... являются все лица, права которых нарушены незаконным актом и защищаются в суде посредством предъявления иска в интересах неопределенного круга лиц, не привлеченные к непосредственному участию в рассмотрении дела, на которых распространяются субъективные пределы законной силы судебного решения»³. Потенциальные истцы, не вступившие в процесс, фактически могут защитить свои права только путем повторного обращения в арбитражный суд. Г.Л. Осокина замечает, что «потенциальные истцы в материально-правовом смысле извещаются о принятом решении лишь после вступления его в законную силу путем его опубликования в средствах массовой информации»⁴.

Из смысла действующего АПК РФ указанные лица являются лицами, на права и интересы которых повлияло судебное решение, а значит они могут считаться потенциальными субъектами права кассационного и апелляционного обжалования. По нашему мнению, данная ситуация не ведет к повышению эффективности деятельности арбитражного суда. Представляется необходимым, помимо права на обжалование, наделить потенциальных истцов правом на исполнение судебного решения арбитражного суда, если они в целом с ним согласны. Проблема заключается в том, что в отечественном арбитражном процессе, как уже отмечалось, потенциальные истцы лишены каких-либо процессуальных прав, а значит, они не могут влиять на его ход.

Однако это, по нашему мнению, противоречит самой сути защиты прав и интересов неопределенной группы лиц. Получается, что истец-представитель обращается в суд исключительно в защиту прав и интересов лиц, которые подписали исковое заявление. Круг субъектов может быть расширен только в порядке прямого волеизъявления. Если сравнивать эту ситуацию с публично-правовой защитой прав и интересов участников экономического оборота, мы можем отметить, что прокурор или государственный орган, который обращается в защиту интересов неопределенного круга лиц не обязан выяснять, хотят они присоединиться к процессу или нет. При этом законная сила судебного ре-

шения все равно затрагивает их права и интересы. Рассмотрим примеры из судебной практики. В целом тенденция такова, что участие прокурора в защиту прав и интересов неопределенного круга лиц признается судебной практикой.

Так, «при рассмотрении арбитражных дел № А65-12310/04-СГЗ-12 и № А65-7248/04-СГЗ-25 Федеральный арбитражный суд Поволжского округа установил возможность участия прокурора при рассмотрении спора в случае несоответствия ненормативного правового акта закону, несмотря на отсутствие в заявлении указания о нарушении прав и законных интересов конкретных лиц. Однако в другом постановлении Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 16 марта 2006 г. по делу № А65-3890/05-СГЗ-28 указано на то, что в силу положений ст. 52 и 198 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации прокурор вправе обращаться с таким иском без указания, в интересах какого гражданина или юридического лица он обращается. Ненормативный акт может быть признан недействительным только в случае, если нарушаются права и законные интересы конкретного лица и данный вывод основан на толковании пункта 6 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 1 июля 1996 г. № 6/8»⁵.

Данный документ явно свидетельствует о том, что в практике сомнений относительно легитимности такого представительства не возникает. Несколько иначе разрешается вопрос о процессуальных правах субъектов, которые участвуют в арбитражном процессе фактически. Практика идет по пути их привлечения в качестве соистцов, однако из смысла закона их процессуальный статус самостоятелен и они способны влиять на ход процесса. Прокурор же в любом случае, обращаясь в арбитражный суд, не обязан выяснять фактический круг «носителей» защищаемых прав. Действующий АПК РФ возлагает обязанность извещения потенциальных участников группы частично на истца-представителя, частично — на арбитражный суд. Из этого, по нашему мнению, можно сделать вывод о том, что правовое регулирование двух сходных форм защиты прав участников экономического процесса носит различный характер, что не способствует формированию единообразной практики в сфере защиты прав и законных интересов неопределенного круга лиц. Таким образом, главной особенностью возбуждения производства по делу по групповому иску является не столько установление принадлежности подателю иска права на его предъявление в суд (что присуще разбирательству и по иным категориям дел), сколько разрешение вопроса о наличии подлежащего защите нарушенного права многочисленной группы лиц. Законодательное закрепление пределов установления судом общего интереса всех участников группы

не только позволит избежать необоснованных отказов судов в принятии групповых исков к производству, но и вместе с тем исключит инициирование судопроизводства по надуманным требованиям профессиональными «сутяжниками».

¹ См.: *Трещева Е.А.* Субъекты арбитражного процесса: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 5.

² См.: *Малешин Д.Я.* Особенности российского типа гражданского процесса // Труды юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Кн. 10. М., 2008. С. 106.

³ *Носенко М.С.* Оспаривание нормативных правовых актов в судах общей юрисдикции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 7.

⁴ *Осокина Г.Л.* Гражданский процесс. Общая часть. М., 2003. С. 245.

⁵ *Афанасьев И.Н.* О выработке единой правоприменительной практики по вопросу о праве прокурора предъявлять иски в защиту прав неограниченного круга лиц, а также о праве должника подавать заявление о признании его несостоятельным (банкротом) при наличии уже возбужденного дела о банкротстве по заявлению кредитора // *Обзоры арбитражной практики Федерального арбитражного суда Поволжского округа.* URL: <http://faspo.arbitr.ru/pract/obzory/2305.html> (дата обращения: 15.10.2011).

Т.М. Цепкова*, **Е.В. Сергеева****

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ СВИДЕТЕЛЕЙ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Свидетель — это лицо, которому могут быть известны какие-либо сведения об обстоятельствах, имеющих значение для рассмотрения и разрешения дела (ст. 69 ГПК РФ). Свидетель выступает носителем, источником сведений о фактах. Свидетель — источник доказательства, а свидетельские показания — средства доказывания, содержащие определенную информацию¹.

Лжесвидетельство является актуальной проблемой на сегодняшний день. Ложь создает угрозу вынесения незаконных и необоснованных решений, подрывает авторитет суда. В практической деятельности судов возникают сложности доказывания лжесвидетельства и привлечения к ответственности за него. Для борьбы со лжесвидетельством представляется целесообразным введение присяги свидетеля². Институт присяги свидетелей в отечественном законодательстве просуществовал до 1918 г. Затем присяга была заменена предупреждением свидетелей об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний. В настоящее время принесение свидетелями присяги предусмотрено только при рассмотрении дел Конституционным Судом РФ³.

* *Цепкова Татьяна Митрофановна* — профессор кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», кандидат юридических наук.

** *Сергеева Екатерина Владимировна* — аспирант кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия».

Для предотвращения лжесвидетельства, выявления показаний, не соответствующих действительности, важное значение имеет порядок допроса свидетеля, эффективность его проведения судом. Небезосновательно полагать, что позитивные изменения в этой области способны повлиять на качество свидетельских показаний. Видится целесообразным высказываемое предложение о предоставлении лицам, участвующим в деле, права заявлять ходатайства, а самому свидетелю — просьбу о допросе в отсутствие каких-либо участников процесса или иных находящихся в зале судебного заседания граждан. Также представляется возможным вернуться к законодательной практике собственноручного подписания свидетелями протокола, содержащего данные ими показания, что повышает фактическую ответственность свидетеля за достоверность сообщаемых им сведений⁴.

Анализ факторов, могущих повлиять на правдивость свидетельствования, приводит к заключению, что проблема повышения гарантий достоверности показаний во многом находится в плоскости общих положений судебного доказывания в гражданском судопроизводстве. Одним из таких положений является наличие взаимной связи свидетельских показаний с объяснениями сторон и третьих лиц. Эта взаимосвязь обуславливается рядом обстоятельств: 1) свидетели представляются сторонами с целью обоснования своих требований и возражений; 2) в силу особенностей споров, являющихся предметом судебного разбирательства, свидетелями нередко выступают граждане, связанные личными отношениями со сторонами; 3) закон не обязывает стороны давать правдивые объяснения относительно фактов, по которым допрашиваются представленные ими свидетели.

Данные обстоятельства могут оказывать влияние на достоверность свидетельских показаний, поэтому необходимо ввести законодательное запрещение на представление сторонами и третьими лицами заведомо ложных сведений о фактах, имеющих значение для дела. Полагаем, что такой запрет не противоречит принципу состязательности гражданского процесса.

Суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств; а также относимость, допустимость, достоверность доказательства. Решение вопроса об относимости доказательств проходит два этапа: 1) определение значения обстоятельства и факта, для установления которого используется доказательство; 2) выявление наличия объективной связи между обстоятельствами, подлежащими установлению, и доказательством. Показания свидетелей могут быть призваны относящимися к делу постольку, поскольку их источник обладает доказательственной информацией. Предварительная оценка относимости свидетельских показаний осуществля-

ется судьей при принятии искового заявления и подготовке дела к судебному разбирательству⁵. Допустимость свидетельских показаний выступает в качестве правила доказательственной деятельности субъектов судопроизводства, которое необходимо как средство борьбы с лжесвидетельством и упорядочения гражданско-процессуальных отношений⁶.

С использованием свидетельских показаний связана проблема обеспечения их достоверности. Необходимо разработать средства обеспечения достоверности свидетельских показаний и повышения эффективности исследуемого средства доказывания в установлении фактического состава дела. Результаты оценки свидетельских показаний, как и других доказательств, излагаются в мотивировочной части судебного решения. Суд должен указать доводы, по которым отвергнуты те или иные показания свидетелей.

В заключение необходимо отметить универсальность свидетельских показаний как средства доказывания, используемого для установления разнообразных фактов. Поэтому необходим четкий правовой механизм, обеспечивающий успешное практическое применение данного вида доказательства в гражданском процессе, практика, применения которого началась со времен Русской Правды.

¹ См.: Треушников М.К. Судебные доказательства. М., 2004. С. 174.

² См.: Фокина М.А. Свидетельские показания в состязательном гражданском судопроизводстве. Саратов, 1996. С. 118.

³ См.: Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 13, ст. 1447.

⁴ См.: Коваленко А.Г. Институт доказывания в гражданском и арбитражном судопроизводстве. М., 2004. С. 172.

⁵ См.: Фокина М.А. Указ. соч. С. 4.

⁶ См.: Там же. С. 118.

А.Н. Балашов*

ВЛИЯНИЕ ПРИНЦИПА ПРОЦЕССУАЛЬНОГО РАВЕНСТВА НА ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЗАИНТЕРЕСОВАННЫХ ЛИЦ ПО ДЕЛАМ, ВОЗНИКАЮЩИМ ИЗ ПУБЛИЧНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Одним из принципов, характеризующих современное гражданское судопроизводство, являющихся важнейшей гарантией реализации права на судебную защиту, выступает принцип процессуального равенства.

Несмотря на значительный интерес ученых к исследованию правовой природы участия сторон в неисковых производствах в гражданском

* Балашов Алексей Николаевич — доцент кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», кандидат юридических наук.

судопроизводстве, актуальность дальнейших разработок в данной области сохраняется. Это обусловлено тем, что в современном российском обществе достаточно остро стоят вопросы реальной защиты прав и законных интересов граждан, провозглашённых Конституцией РФ. Анализ существующей судебной практики свидетельствует о том, что у заинтересованных лиц не всегда имеется возможность эффективно воспользоваться предоставленными им процессуальными правами. Данная проблема возникает как из-за несовершенства процессуального законодательства, так и в силу сложности правоприменения.

Как отмечает Конституционный Суд РФ в своих постановлениях, право на судебную защиту относится к основным неотчуждаемым правам и свободам и одновременно выступает гарантией всех других прав и свобод. Право на судебную защиту предполагает конкретные гарантии эффективного восстановления в правах посредством правосудия¹.

Принцип процессуального равенства заключается в равных возможностях сторон на защиту своих прав и охраняемых законом интересов. Предоставляя одной стороне права, закон наделяет аналогичными правами и другую сторону. Как считает Е.А. Трещева, принцип процессуального равенства сторон предусматривает равные возможности по использованию процессуальных средств защиты своих прав и интересов, т. е. в «соревновании» сторон ни одна из них не может быть поставлена судом в преимущественное положение. Это обстоятельство, закрепленное в законе, делает вполне реальным состязательность в процессе².

С.Ф. Афанасьев пишет, что гражданский процессуальный закон, закрепляющий начало равноправия сторон, в целом корреспондирует европейским международным юридическим максимам. Он не только декларирует равенство процессуальных прав и обязанностей тяжущихся, но в большинстве случаев реально обеспечивает его в ходе рассмотрения и разрешения казусов. Вместе с тем иногда суды, выходя за пределы нормативно установленных правил поведения, нарушают баланс сил и процессуальных возможностей тех или иных участников судопроизводства, что в идеале должно вести к отмене итоговых правоприменительных актов³.

Особую специфику реализации имеет принцип процессуального равенства в производстве по делам, возникающим из публичных правоотношений.

Специфика производства по делам, возникающим из публичных правоотношений, определяется особенностью материальных правоотношений, лежащих в их основе. Так, заявитель и заинтересованное лицо, в отличие от сторон искового производства, в материальных отношениях неравноправны, находятся в отношениях власти и подчинения. Так, согласно ст. 259 ГПК РФ заявителями по делам из избирательных отношений могут быть избиратели, участники референдума, кандида-

ты и их доверенные лица, избирательные объединения и их доверенные лица, политические партии и их региональные отделения, иные общественные объединения, инициативные группы по проведению референдума и их уполномоченные представители, иные группы участников референдума и их уполномоченные представители, наблюдатели, прокурор, избирательные комиссии и др. Заинтересованными лицами могут выступать орган государственной власти, орган местного самоуправления, общественное объединение, избирательная комиссия, комиссия референдума, должностное лицо.

Отсутствие равенства в материальных правоотношениях компенсируется равенством в процессуальных правоотношениях. Процессуальное равновесие между спорящими субъектами в производстве по делам, возникающим из публичных отношений, достигается действием принципа процессуального равноправия, без которого сторонам было бы достаточно сложно активно участвовать в производстве по конкретному делу.

Действие принципа процессуального равноправия сторон в публичном производстве заключается в создании гарантий, способствующих «выравниванию» положения лиц, участвующих в деле.

Принцип процессуального равноправия находится во взаимосвязи со специальным правилом о распределении бремени доказывания по делам, возникающим из публичных отношений. Основываясь на общих правилах доказывания, согласно которым каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основания своих требований и возражений, законодатель предусмотрел исключения, специфичные для публичного производства. Так, обязанности по доказыванию обстоятельств, послуживших основанием для принятия нормативного правового акта, его законности, а также законности оспариваемых решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих возлагаются на орган, принявший нормативный правовой акт, органы и лиц, которые приняли оспариваемые решения или совершили оспариваемые действия (бездействие).

Специфика участия заявителя в процессе доказывания по делам, возникающим из публичных правоотношений, заключается в том, что последнему достаточно сложно представить доказательства в обоснование своих требований. В связи с этим представляется, что принцип процессуального равенства в публичном производстве находит свое выражение также в более активной, по сравнению с исковым производством, роли суда при разбирательстве дела. Этот вывод следует из положений закона. Так, в ч. 2 ст. 249 ГПК РФ указывается, что при рассмотрении и разрешении дел, возникающих из публичных правоотношений, суд может истребовать доказательства по своей инициативе в целях правиль-

ного разрешения дела. Должностные лица, не исполняющие требований суда о предоставлении доказательств, подвергаются штрафу в размере до 1 тыс. руб. В данном случае можно говорить о сочетании в производстве по делам, возникающим из публичных правоотношений, состязательных и следственных начал. Важно при этом учесть пожелания О.В. Баулина относительно того, что «следственная функция суда должна быть ограничена достаточно четко, с тем, чтобы избежать злоупотреблений ею»⁴.

Подводя некоторые итоги, отметим, что по принципам осуществления судопроизводства можно судить о системе правосудия в целом. Однако простого декларирования принципов в законе недостаточно. Необходимо стремиться к успешной реализации на практике процессуальных принципов в целом и принципа процессуального равенства сторон в частности. Решающую роль в реализации принципа процессуального равенства сторон в производстве по делам, возникающим из публичных отношений, должен играть суд, тем более что закон наделяет его достаточными полномочиями. Такой подход, безусловно, усиливает гарантии соблюдения прав заявителей по делам, рассматриваемым в рамках публичного производства.

¹ См., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 20 февраля 2006 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 336 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан К.А. Инешина, Н.С. Никонова и открытого акционерного общества «Нижнекамскнефтехим» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 10, ст. 1145.

² См.: *Трещева Е.А.* Субъекты арбитражного процесса: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 25.

³ См.: *Афанасьев С.Ф.* Право на справедливое судебное разбирательство: общая характеристика и его реализация в российском гражданском судопроизводстве. Саратов, 2009. С.271.

⁴ *Баулин О.В.* Бремя доказывания при разбирательстве гражданских дел. М., 2004. С. 130.

В.Т. Барбакадзе*

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА ПО ОТДЕЛЬНЫМ КАТЕГОРИЯМ ДЕЛА В АРБИТРАЖНОМ СУДЕ

Прокурор является субъектом, защищающим публичные интересы в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, права и интересы граждан. Так, в соответствии с Информационным письмом Генеральной прокуратуры РФ от 22 августа 2002 г. № 38-15-02 «О некоторых вопросах участия прокуроров в арбитражном процессе, связанных с принятием и введением в действие Арбитражного процессуально-

* *Барбакадзе Вахтанг Тамазиевич* — доцент кафедры арбитражного процесса ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», кандидат юридических наук.

го кодекса Российской Федерации»¹ полномочия по участию в арбитражном процессе прокуроры реализуют путем предъявления в арбитражные суды исков (заявлений), указанных в ч. 1 ст. 52 АПК РФ. Объем полномочий прокурора в арбитражном судопроизводстве закреплен также в Приказе Генеральной прокуратуры РФ от 5 июня 2003 г. № 20 «О реализации прокурорами полномочий в арбитражном судопроизводстве»², который также отсылает к ст. 52 АПК РФ. Анализируя положения указанных нормативно-правовых актов, можно прийти к обоснованному выводу о том, что реализация прокурором полномочий, указанных в ст. 52 АПК РФ, направлена на защиту частных лиц от неправомерных действий органов публичной власти, круг полномочий прокурора в арбитражном судопроизводстве, перечисленных в ст. 52 АПК РФ, расширительному толкованию не подлежит. Здесь следует отметить и то обстоятельство, что вывод относительно направленности реализации полномочий прокурором полностью согласуется с Письмом Высшего Арбитражного Суда РФ от 13 декабря 2006 г. № ВАС-С-05/УЗ-1739³.

В этой связи обращение прокурора в арбитражный суд ограничено основаниями, перечисленными в ст. 52 АПК РФ. Данный перечень носит исчерпывающий характер.

В публичной сфере прокурор вправе оспаривать нормативные и ненормативные правовые акты, затрагивающие права и законные интересы субъектов предпринимательской деятельности. Критерии подведомственности дел об оспаривании прокурором нормативных правовых актов должны применяться с учетом положений ст. 29 АПК РФ.

В гражданской правовой сфере прокурор вправе обратиться в арбитражный суд только с требованием об оспаривании сделок, совершенных органами государственной власти РФ, органами государственной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления, государственными и муниципальными унитарными предприятиями, государственными учреждениями, а также юридическими лицами, в уставном капитале (фонде) которых есть доля участия Российской Федерации, доля участия субъектов РФ, доля участия муниципальных образований.

Следовательно, категории дел, по которым может участвовать прокурор в арбитражном суде, исчерпывающе определены в АПК РФ. Поэтому для установления подведомственности дел арбитражному суду с участием прокурора необходимо руководствоваться основными критериями, а именно характером спора и субъектным составом возникшего спора.

Несмотря на, казалось бы, четкое разграничение подведомственности между судами общей юрисдикции и арбитражными судами, в судебной практике возникают вопросы об определении компетенции при обращении прокурора в суд по определенным категориям дел.

Попытаемся определить, в какой суд следует обращаться в случае, если прокурором заявлены требования о незаконности предоставления земельных участков населенных пунктов для возведения торгового павильона, организации открытой автостоянки для размещения многочисленных автомашин и т.п. (если указанный земельный участок находится, например, в зоне Р, где не допускается строительство соответствующих строений); иски прокуроров о сносе самовольных построек, об устранении нарушений противопожарных правил в школах, иных учреждениях социального назначения и т. п.

Руководствуясь, основными критериями подведомственности дел арбитражным судам, если прокурор оспаривает ненормативный правовой акт или нормативный правовой акт (постановление органа местного самоуправления, органа исполнительной власти субъекта РФ и т.д.) о предоставлении земельных участков для возведения торгового павильона, организации открытой автостоянки для размещения многочисленных автомашин какой-либо коммерческой организации или ИП, то в этом случае спор подведомствен арбитражному суду.

Далее, в соответствии с п. 2 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 9 декабря 2010 г. № 143 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения арбитражными судами ст. 222 Гражданского кодекса Российской Федерации»⁴ было дано разъяснение, обязательное для арбитражных судов. Прокурор обладает правом на обращение в арбитражный суд с иском о сносе самовольной постройки в публичных интересах. Так, прокурор вправе требовать сноса самовольной постройки, сохранение которой создает угрозу жизни и здоровью граждан и если субъектом является индивидуальный предприниматель либо коммерческая организация.

Вместе с тем прокурор в силу ст. 52 АПК РФ не обладает правом на предъявление иска о сносе самовольной постройки, которая возведена с нарушением исключительно гражданского права законного владельца земельного участка.

Что касается требований об устранении нарушений противопожарных правил в школах, иных учреждениях социального назначения, то в этом случае следует руководствоваться следующим. В соответствии со ст. 2 Федерального закона от 12 января 1996г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»⁵ некоммерческой организацией является организация, не имеющая извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и не распределяющая полученную прибыль между участниками. Некоммерческие организации могут создаваться для достижения социальных, благотворительных, культурных, образовательных, научных и управленческих целей, охраны здоровья граждан, развития физической культуры и спорта, удовлетворения духовных и иных

нематериальных потребностей граждан, защиты прав, законных интересов граждан и организаций, разрешения споров и конфликтов, оказания юридической помощи, а также в иных целях, направленных на достижение общественных благ.

Таким образом, требования об устранении нарушений ответчиком правил пожарной безопасности, создающих угрозу жизни и здоровью неопределенного круга лиц в школах, дошкольных и иных социальных учреждениях, подлежат рассмотрению и разрешению в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством, поскольку нарушения требований пожарной безопасности затрагивают не только интересы государства, но и интересы неопределенного круга граждан, в связи с чем требование об оспаривании предписания должностного лица территориального органа государственного пожарного надзора об устранении требований пожарной безопасности не носит экономического характера, а поэтому такие требования подведомственны суду общей юрисдикции.

¹ См.: Российская газета. 2002. 27 июля.

² См.: Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2003. № 10.

³ Письмо Высшего Арбитражного Суда РФ от 13 декабря 2006 г. № ВАС-С-05/УЗ-1739 «О проекте Федерального закона № 327138-4 "О внесении изменений в статью 52 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации"». Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ См.: Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2011. № 2.

⁵ См.: Российская газета. 1996. 15 янв.

В.Н. Барсукова*

УВАЖЕНИЕ ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВА ЛИЧНОСТИ КАК НЕОТЪЕМЛЕМОЕ УСЛОВИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРОРА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Уважение чести и достоинства личности — сложное, многомерное социальное явление, в котором наиболее зримо выражены процессы нравственной, религиозной, политической эволюции общества и государства. Многогранность указанного явления в деятельности прокуратуры РФ обусловлена, на наш взгляд, широким спектром функций, выполняемых данным органом, а соответственно, значительным и неоднородным объемом полномочий.

Основная роль в регулировании рассматриваемой сферы на сегодняшний день принадлежит международно-правовым актам¹. К сожалению

* Барсукова Вероника Николаевна — доцент кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», кандидат юридических наук.

нию, в Конституции РФ и федеральных законах не нашли должного отражения понятия «честь», «достоинство» и «уважение» указанных нематериальных благ как принципы деятельности государственного аппарата в целом и прокуратуры в частности. Напрямую об обязанности сотрудников прокуратуры РФ проявлять уважительное отношение к чести и достоинству личности говорится лишь во внутриведомственном Приказе Генеральной прокуратуры РФ от 17 марта 2010 г. № 114 «Об утверждении и введении в действие кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации и концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации»². Данный документ указывает на недопустимость проявлений бюрократизма, формализма, высокомерия, неуважительного отношения к законным просьбам и требованиям граждан. Он обязывает сотрудников прокуратуры не только сохранять независимость, проявлять требовательность и принципиальность, но также тактичность и уважение во взаимоотношениях с представителями органов государственной власти, органов местного самоуправления, различных организаций. Наконец, Приказ требует, чтобы сотрудники прокуратуры в судебном процессе проявляли корректность, непредвзятость и уважение ко всем участникам судебного заседания.

Обязанность прокурора уважать честь и достоинство личности, а также требовать от иных лиц аналогичного отношения заложена в сущности самих форм участия прокурора в гражданском процессе (обращение в суд с заявлениями в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц и т. д.; вступление в процесс для дачи заключения в случаях, прямо предусмотренных законом). Обусловлено это в основном тем, что работа прокуратуры РФ в судах по гражданским делам, независимо от формы участия, прямо или косвенно связана с защитой граждан, относящихся к категории социально незащищенных слоев населения (в случаях нарушения трудовых, социальных, семейных, жилищных прав и т. д.).

Уважение чести и достоинства личности проявляется в тех правах и обязанностях, которыми наделен прокурор в гражданском процессе. Так, например, он вправе отказаться от иска, поданного им в защиту прав и законных интересов другого лица, если придет к убеждению о его безосновательности. Очевидно, что, обращаясь в суд с исковыми требованиями, прокурор убежден в их обоснованности и необходимости, поэтому отказаться от заявленных требований психологически нелегко. Способность пересмотреть собственные выводы предполагает наличие у прокурора самокритичности, самоконтроля, даже если это связано с признанием собственной ошибки. Это неременное условие успешного выполнения им возложенных на него обязанностей и гарантия уважения чести и достоинства личности в судебном процессе. Так-

же гарантией уважения указанных благ является и в то, что в случае отказа прокурора от иска рассмотрение дела по существу продолжается, если истец или его законный представитель не заявит об отказе от иска.

В качестве примера проявления уважительного отношения к чести и достоинству личности можно указать и особенности реализации прав прокурора как лица, участвующего в деле, высказывать свое мнение относительно заявленных ходатайств, соображения о возможности слушания дела в отсутствие кого-либо из лиц, вызванных в судебное заседание; задавать вопросы иным участникам процесса. Прокурору надлежит объективно относиться к ходатайствам, заявляемым ответчиком и его представителем. Поспешное, не основанное на материалах дела, мнение прокурора об отказе в удовлетворении заявляемых ходатайств лишь подрывает авторитет прокурора, воспринимается как проявление им предвзятости и не способствует объективности в исследовании доказательств. Что касается вопросов, задаваемых прокурором иным участникам процесса, то уважительное отношение к ним обеспечивается применением следующих приемов: проявление интереса к личности опрашиваемого, индивидуальный подход к нему; вежливость, корректность; уважение к позиции опрашиваемого; постановка вопросов в доступной форме; демонстрация беспристрастности; умение выслушать опрашиваемого, не перебивая и не одергивая его. Этика судебной полемики, которую ведет прокурор, требует тактичного отношения как к суду, так и к другим участникам судебного процесса. Совершенно неприемлемыми являются раздражительность прокурора, неуместные реплики, нежелательны также комментарии к ответам опрашиваемого лица.

В ходе судебного заседания прокурор не вправе публично оценивать доказательства, поскольку для этого нет соответствующих процессуальных форм и такое поведение может свидетельствовать о неуважительном его отношении к правам и свободам участников судопроизводства³.

Уважение чести и достоинства личности выражается и в том, что независимо от того, участвует ли прокурор в рассмотрении дела судом по своей инициативе или же в силу прямого указания закона, он обязан препятствовать нарушению закона всеми участниками судопроизводства, прежде всего, по вполне понятным причинам, самим судом⁴. В частности, прокурор в отличие от других лиц, участвующих в деле, не только вправе, но и обязан обжаловать в апелляционном, кассационном и надзорном порядке незаконное или необоснованное решение, поскольку принесение соответствующего представления является одной из форм осуществления надзора за исполнением закона.

Изложенное позволяет сформулировать вывод о том, что под уважением чести и достоинства личности в деятельности прокуратуры, связанной с участием в рассмотрении судами гражданских дел, следует пони-

мать, с одной стороны, неотъемлемую составляющую правовой культуры системы прокуратуры в целом и отдельных ее работников, а с другой, неременное условие защиты личности от неправомерных посягательств.

Очевидно, что на сегодняшний день законодательство о прокуратуре нуждается в дополнении в части внесения в него положений, регулирующих понятия уважения чести и достоинства личности в деятельности прокуратуры, его признаков. Соответственно, гражданское процессуальное законодательство требует изменения в части внесения норм, содержащих дополнительные гарантии уважительного отношения к чести и достоинству участников судопроизводства со стороны прокурора. При этом важнейшей задачей, стоящей перед прокуратурой РФ и перед обществом и государством, является систематическое проведение воспитательной работы с целью повышения уровня правовой культуры сотрудников прокуратуры, а также привития идеологически верных представлений об уважении как неотъемлемом ее элементе. Представляется, что перечисленные меры позволят значительно усовершенствовать позицию прокурора в гражданском судопроизводстве, а также повысить эффективность самого судопроизводства.

¹ См.: Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка (1979). URL: <http://www.lawmix.ru/abro/11425/> (дата обращения: 01.11.2011); Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме (1988). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/detent.shtml (дата обращения: 01.11.2011); Основные принципы применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами для поддержания порядка (1980). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/firearms.shtml (дата обращения: 01.11.2011); Основные принципы обращения с заключенными (1990). URL: <http://www.hri.ru/docs/?content=doc&id=54> (дата обращения: 01.11.2011).

² URL: <http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow.asp?DocumID=168269&DocumType=0> (ДАТА ОБРАЩЕНИЯ: 01.11.2011).

³ См.: Ласкина Н.В. Прокурорский надзор: учебное пособие для вузов. М., 2006.

⁴ См.: Трикс А.В. Справочник прокурора: учебное пособие. СПб., 2007.

В.Ф. Борисова*

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ ФАКТИЧЕСКОГО ВОСПИТАТЕЛЯ В ДИНАМИКЕ СУДОПРОИЗВОДСТВА

В гражданском судопроизводстве нередки ситуации, когда в ходе судебного разбирательства затрагиваются интересы лиц, не привлеченных к участию в деле. В правоведении под ними предлагается понимать субъектов спорного материального правоотношения, не наделенных процессуальным статусом при производстве по делу в суде первой

* Борисова Виктория Федоровна — доцент кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», кандидат юридических наук.

инстанции, чьи права нарушены решением суда¹. Существование таких лиц справедливо считается результатом ошибки, допущенной судом, на что неоднократно указывал Конституционный Суд РФ. Так, согласно постановлению от 20 февраля 2006 г. № 1-П «разрешение судом вопроса о правах и обязанностях лиц, не привлеченных к участию в деле, не позволяет считать судебное разбирательство справедливым, обеспечивающим каждому в случае спора о его гражданских правах и обязанностях закрепленное статьей 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом»². В качестве способа устранения этой ошибки лицам, не привлеченным к участию в деле, вопрос о правах и обязанностях которых разрешен судом первой инстанции, было предоставлено право подачи кассационной жалобы на соответствующее решение. Изложенная позиция Конституционного Суда РФ послужила основой для разрешения аналогичной проблемы в сфере апелляционного производства³.

Сформировавшаяся конструкция права на обжалование судебного решения, не вступившего в законную силу, нашла свое отражение в новой редакции ст. 320 ГПК РФ⁴.

Помимо лиц, которые должны были быть привлечены к участию в деле, в научной литературе выделяется группа субъектов, «прикосновенных» к арбитражному или гражданскому процессу. Эти лица, не являясь субъектами спорного материального правоотношения, обладают гипотетической юридической заинтересованностью; решение суда может повлиять, а может и не повлиять на их права и обязанности⁵.

Представляется, что «прикосновенными» к гражданскому процессу следует считать фактических воспитателей, т. е. лиц, у которых находится ребенок. Они реализуют функции по его содержанию, воспитанию вместо родителей, по различным причинам устранившихся от выполнения своих обязанностей. При нарушении прав несовершеннолетнего может быть инициировано судопроизводство с целью восстановления и защиты этих прав. Согласно ст. 56 Семейного кодекса РФ защита прав и законных интересов ребенка осуществляется родителями (лицами, их заменяющими), а в случаях, предусмотренных законом, органом опеки и попечительства, прокурором и судом. Верховный Суд РФ в постановлении от 27 мая 1998 г. № 10 дал официальное толкование понятию «лица, заменяющие родителей»: это усыновители, опекуны, попечители, приемные родители⁶. Фактические воспитатели к их числу не относятся в силу отсутствия у них легального статуса, чем обусловлена их ограниченная гражданская процессуальная правоспособность как лиц, участвующих в деле. Вместе с тем ученые, акцентируя внимание на проблеме участия фактических воспитателей в делах, связанных

с воспитанием детей, склонны полагать, что такое ограничение неоправданно. В частности, О.С. Батова утверждает, что фактические воспитатели имеют личную юридическую заинтересованность по делу⁷ и, следовательно, должны считаться лицами, участвующими в деле. Видимо, исходя из тех же соображений, Ю.Ф. Беспалов предлагает наделять фактических воспитателей правом на обращение в суд с требованием о взыскании алиментов в пользу несовершеннолетнего⁸. Отрицать заинтересованность фактического воспитателя, равно как и законного представителя ребенка, в получении судебного решения в пользу представляемого, не приходится. Более того, нельзя с уверенностью сказать, что судебное решение абсолютно не затрагивает права и обязанности фактического воспитателя.

Например, в решении суда о лишении родительских прав должно быть указано, кому передается ребенок на воспитание: другому родителю, органу опеки и попечительства или опекуну (попечителю), если он уже назначен в установленном порядке. При невозможности передать ребенка другому родителю или в случае лишения родительских прав обоих родителей, когда опекун (попечитель) еще не назначен, ребенок передается судом на попечение органа опеки и попечительства⁹. Таким образом, фактический воспитатель не вправе претендовать на возложение на него исполнения родительских обязанностей после разрешения спора, по крайней мере, до оформления опекунства. Однако, несмотря на то, что судебное решение прямо не адресовано фактическому воспитателю, оно препятствует дальнейшему осуществлению им функций по воспитанию ребенка.

Предположение о косвенной заинтересованности фактического воспитателя легло в основу гипотезы о допустимости привлечения его в гражданское судопроизводство в качестве третьего лица, заявляющего самостоятельные требования относительно предмета спора¹⁰. Однако лицу, не уполномоченному законом на осуществление прав и обязанностей по воспитанию ребенка, не обеспечивается судебная защита соответствующих прав, поэтому до момента обретения фактическим воспитателем статуса опекуна или попечителя, он, как правило, участвует в судебном заседании как свидетель.

Если опекунство или попечительство оформляется во время разбирательства дела, связанного с воспитанием детей, то процессуальное положение фактического воспитателя трансформируется: из лица, «прикосновенного» к процессу, он, в зависимости от собственного волеизъявления, может превратиться в лицо, участвующее в деле, что отражает динамичность состава субъектов гражданских процессуальных правоотношений.

¹ См.: *Иванова О.В.* Лица, не привлеченные к участию в деле, права которых нарушены решением суда, в российском гражданском и арбитражном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 8.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 20 февраля 2006 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положения статьи 336 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан К.А. Инешина, Н.С. Никонова и открытого акционерного общества "Нижнекамскнефтехим"» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2006. № 3. С. 8.

³ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 21 апреля 2010 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 320, части второй статьи 327 и статьи 328 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданки Е.В. Алейниковой и Общества с ограниченной ответственностью "Три К" и запросами Норильского городского суда Красноярского края и Центрального районного суда города Читы» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2010. № 4.

⁴ См.: Федеральный закон РФ от 9 декабря 2010 г. № 353-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 50, ст. 6611.

⁵ Автор статьи здесь и далее приводит выдержки из доклада А.В. Юдина, сделанного на «круглом столе» «Правовое положение участников гражданского и арбитражного процесса в динамике судопроизводства».

⁶ См. п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» (с изм. от 6 февраля 2007 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1998. № 7.

⁷ См.: Батова О.С. Процессуальные особенности рассмотрения споров, связанных с воспитанием детей: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 21.

⁸ См.: Бесталов Ю.Ф. Семейно-правовое положение ребенка в Российской Федерации. М.; Владимир, 2008. С. 49–50.

⁹ См. п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 1998 г. № 10 «О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей» (с изм. от 6 февраля 2007 г.).

¹⁰ См.: Цепкова Т.М. Проблемы правового регулирования процессуального положения и деятельности лиц, участвующих в судебных семейных делах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. С. 18.

И.В. Воронцова*

ОБ ОГРАНИЧЕНИИ ПРАВА ИНОСТРАННЫХ АДВОКАТОВ ПО ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ АДВОКАТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В российском процессуальном законодательстве время от времени делаются попытки ограничения в отношении лиц, имеющих право оказывать квалифицированную юридическую помощь. В действующем законодательстве предусмотрены некоторые ограничения, касающиеся представительства иностранных граждан.

В ст. 2 Закона от 31 мая 2002 г. «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» сказано, что адвокаты иностранных государств, осуществляющие адвокатскую деятельность на территории Российской Федерации, регистрируются федеральным органом исполнительной власти в области юстиции в специальном реестре, порядок ведения которого определяется Правительством РФ¹. Без регистрации в указанном реестре осуществление адвокатской деятельности

* Воронцова Ирина Викторовна — доцент кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», кандидат юридических наук.

адвокатами иностранных государств на территории Российской Федерации запрещается.

Во исполнение указанной статьи 19 сентября 2003 г. было принято постановление Правительства РФ «Об утверждении Положения о ведении реестра адвокатов иностранных государств, осуществляющих адвокатскую деятельность на территории Российской Федерации», в котором прописан порядок ведения реестра адвокатов иностранных государств, осуществляющих адвокатскую деятельность на территории Российской Федерации.

Кроме того, согласно п. 5 ст. 2 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокаты иностранного государства могут оказывать юридическую помощь на территории Российской Федерации по вопросам права данного иностранного государства, а в соответствии с ч. 2 п. 5 ст. 2 адвокаты иностранных государств не допускаются к оказанию юридической помощи на территории Российской Федерации по вопросам, связанным с государственной тайной Российской Федерации.

Часть 2 п. 5 ст. 2 указанного Закона закрепляет правило о том, что адвокаты иностранного государства могут оказывать юридическую помощь на территории Российской Федерации по вопросам права данного иностранного государства. Толковать данное нормативное положение можно по-разному:

1. Иностраный адвокат после регистрации в реестре иностранных адвокатов, помимо оказания любой юридической помощи, в т. ч. представления интересов своих клиентов в судах Российской Федерации, может оказывать помощь на территории Российской Федерации по вопросам права данного иностранного государства.

2. Иностраный адвокат после регистрации в реестре иностранных адвокатов может только оказывать помощь на территории Российской Федерации по вопросам права данного иностранного государства.

Из содержания ст. 49 ГПК РФ, согласно которой представителями в суде РФ могут быть любые дееспособные лица, имеющие надлежащим образом оформленные полномочия на ведение дела за исключением лиц, указанных в законе, а не только адвокат, можно сделать вывод о том, что и иностранные адвокаты, и иные, оказывающую юридическую помощь лица, могут быть представителями в судах общей юрисдикции. Каких-либо ограничений на сей счет федеральное законодательство не содержит.

Однако по происшествии двух лет с момента принятия закона Совет Федеральной палаты адвокатов России 22 апреля 2004 г. принял решение (протокол № 5) «О приобретении статуса адвоката иностранными гражданами и адвокатами иностранных государств на территории Рос-

сийской Федерации», в котором разъяснил, что возможность приобретения статуса адвоката Российской Федерации в соответствии с п. 6 ст. 9 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» предоставлена иностранным гражданам и лицам без гражданства в порядке, установленном данным Федеральным законом.

Таким образом, адвокаты иностранных государств могут осуществлять адвокатскую деятельность только по вопросам права государства, гражданином которого он является с обязательной регистрацией в специальном реестре. Приобретение статуса адвоката Российской Федерации лицом, являющимся одновременно адвокатом иностранного государства, действующим законодательством не предусмотрено.

Иностранные граждане и лица без гражданства вправе приобрести статус адвоката в установленном порядке, если при этом они не являются адвокатами других государств².

Мотивы таких ограничений непонятны. Действия государства направлены на расширение зоны экономического пространства, на взаимодействие с другими государствами в различных сферах общественной жизни. Заключаются договоры, создаются рекомендации. В качестве примеров для подтверждения высказанного аргумента можно привести «Рекомендации по осуществлению адвокатами и адвокатскими образованиями Российской Федерации международной адвокатской деятельности в странах-членах Европейского Союза» от 2 марта 2006 г.; методические рекомендации об организации работы по исполнению международных обязательств Российской Федерации в сфере правовой помощи.

Ограничивая нормами Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» право иностранных адвокатов по осуществлению адвокатской деятельности, законодательный орган одновременно в п. 8 ст. 2 данного Закона предусмотрел право адвоката представлять интересы доверителя в органах государственной власти, судах и правоохранительных органах иностранных государств, международных судебных органах, негосударственных органах иностранных государств, если иное не установлено законодательством иностранных государств, уставными документами международных судебных органов и иных международных организаций или международными договорами Российской Федерации.

Таким образом, видимо, уместным будет предложение, что подобные вопросы следует оговаривать в международных договорах об оказании юридической помощи. А пока этого не предвидится, следует поправить положения Гражданского процессуального кодекса и в гл. 43 «Общие положения» разд. V «Производство по делам с участием ино-

странных лиц» необходимо внести статью «Представительство иностранных граждан», в которой отразить исключения из ст. 49 ГПК РФ.

¹ См.: Российская газета. 2002. 5 июня.

² См.: Вестник Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. 2004. № 2 (5). С. 6–7.

С.В. Моисеев*

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ИСТЦА

Внимательное изучение доклада профессора А.В. Юдина «Правовое положение участников гражданского и арбитражного процесса в динамике судопроизводства» вызывает желание дальнейшего обсуждения проблемы правового положения истца при обращении в суд прокурора в защиту государственного или общественного (публичного) интереса, которая уже затрагивалась в отдельных публикациях¹.

В доктрине при рассмотрении иска прокурора, предъявленного в защиту прав физического или юридического лица, традиционно признаваемого истцом и именно в таком качестве извещаемого о начавшемся процессе и участвующего в нем, в настоящее время споров не наблюдается². Гораздо больше сложностей возникает в определении истца при обращении прокурора в защиту государственных или общественных интересов, т. к. отечественная литература исследованиями в этой области не богата³, а судебная практика отличается большим разнообразием: от отказа в возбуждении дела (прекращения производства по делу) в отсутствие указания истца⁴ до позиционирования прокурора истцом⁵.

В первую очередь представляется необходимым разграничить государственный и общественный интерес. Данные категории, хотя и могут быть объединены родовым понятием «публичный интерес», логически совпадают лишь частично, как и обуславливающие их понятия «государство» и «общество»⁶. Общественный интерес, представленный в отечественном цивилистическом процессе интересом неопределенного круга лиц, думается, может быть как уже, так и шире государственного.

При рассмотрении защиты общественного интереса обычно отмечается такая особенность, как невозможность персонификации истца⁷, что вынуждает прибегнуть к созданию его юридической фикции в виде неопределенного круга лиц, являющегося носителем не субъективного

* *Моисеев Сергей Владимирович* — доцент кафедры гражданского процесса юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук.

материального права, но охраняемого законом материально-правового интереса. Такая конструкция представляется единственно возможной, т. к. *peto iudex sine astore* и исковое производство в отсутствие стороны, чей законный интерес подлежит защите, невозможно.

Соответственно, прокурор в рассматриваемой ситуации сам не является истцом (дискуссию о возможности его быть «процессуальным истцом» или «стороной в процессуальном смысле» мы сейчас сознательно оставляем), защищая в процессе такого неперсонифицированного субъекта, который единственно и должен признаваться истцом⁸.

Несколько иное положение дел наблюдается при обращении должностного лица прокуратуры в суд в защиту Российской Федерации, субъектов РФ и муниципальных образований, т. е. в защиту интереса, который условно можно назвать государственным⁹.

Поскольку реализация государственной или местной власти происходит через органы управления, наделенные определенной компетенцией, зачастую включающей право на обращение в суд, постольку данные органы либо обращаются в суд в качестве истцов либо (при обращении в суд прокурора) привлекаются к участию в деле в таком качестве¹⁰.

Не вдаваясь в обсуждение самой возможности участия таких органов в качестве истца (по нашему мнению, т. к. предметом судебной защиты в этой ситуации служит не самостоятельный материально-правовой интерес этих органов, а государственный интерес, конкретизированный в их компетенции, данные органы в любом случае представляют собой государство, которое не может быть представлено иначе, как через свои органы, и защищают его интерес, а потому не являются истцами в материально-правовом смысле), остановимся на случаях ошибочного определения органа-истца и на возможности его замены в процессе.

Очевидно, в условиях восприятия доктриной и судебной практикой органов государственной и местной власти истцами ошибочное, вследствие неправильного определения компетенции, заявление органами или в их интересах требований с необходимостью должно повлечь отказ в принятии искового заявления или прекращение производства по делу по причине отсутствия у истца правоспособности¹¹, что не позволяет предположить и замену этого лица как ненадлежащего, поскольку ненадлежащая сторона правоспособна, но не является субъектом спорного материального правоотношения, в силу чего не обладает правом на удовлетворение иска. Кроме того, действующие процессуальные кодексы не допускают замены ненадлежащего истца.

Конечно, иной компетентный государственный или местный орган, не участвовавший в ранее рассмотренном деле, вправе обратиться в суд с аналогичным иском к тому же ответчику (тождественных требований

здесь не будет из-за разности субъектного состава участников), однако государственный интерес не только не получит своевременной защиты, но и вовсе может ее лишиться, например, при истечении в период рассмотрения дела с участием ошибочно определенного органа-истца срока давности. Кроме того, суду придется повторно рассматривать дело, что не способствует процессуальной экономии.

Представляется, что иной взгляд на определение истца по подобным делам, понимание под ним непосредственно государственного или местного образования, интересы которого подлежат судебной защите, смягчил бы отмеченные неблагоприятные последствия.

При таком понимании истца, в случае обращения в суд от имени и в интересах государства органов, не обладающих на это полномочиями, исковое заявление надлежит возвращать согласно п. 4 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ¹², если отсутствие полномочий выявлено на стадии возбуждения производства по делу, или оставлять без рассмотрения в соответствии с абз. 4 ст. 222 ГПК РФ, п. 7 ч. 1 ст. 148 АПК РФ при выявлении данного обстоятельства на последующих стадиях судопроизводства.

Неправильное определение уполномоченного органа при предъявлении иска в защиту государственного интереса прокурором в силу изложенных причин вообще не должно влиять на возможность дальнейшего производства по делу. Установив данное обстоятельство, суд, на наш взгляд, должен известить орган, действительно компетентный в данном случае (при возможности, конечно, его определения), об имеющемся в производстве суда гражданском деле с предложением вступить в процесс, по аналогии с разъяснениями, данными в абз. 2 п. 23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 июня 2008 г. № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству»¹³.

Отказ такого органа от вступления в процесс не должен рассматриваться как отказ от иска или служить препятствием для рассмотрения дела по существу¹⁴, ибо свидетельствует не об отказе носителя государственного интереса от его защиты, а лишь о ненадлежащем исполнении обязанностей конкретными государственными или муниципальными служащими.

Неправильное определение прокурором «органа-истца» не должно влиять на возможность удовлетворения заявленного требования, если ответчик действительно нарушил государственный интерес.

Что касается первоначального «органа-истца», ошибочно привлеченного к участию в деле, то, поскольку исключение истца из числа лиц, участвующих в деле, процессуальным законом не предусмотрено, равно как не предполагается возможность замены такого «истца», ему придется продолжать принимать участие в деле до его разрешения.

Вместе с тем при обоснованности требований прокурора его иск подлежит удовлетворению, хотя «орган-истец» не является управомоченным, и решение суда не повлечет для него никаких правовых последствий. По этой причине отсутствие интереса такого органа в исходе дела подлежит обоснованию в мотивировочной части судебного решения без, однако, отказа в удовлетворении исковых требований в резолютивной части.

Приведенные доводы не претендуют на истинность, но, надемся, не лишены рационального зерна, вследствие чего дополнительного осмысления заслуживает как процессуальное положение прокурора и иных органов и лиц, обращающихся в суд в защиту прав государственных и местных образований, так и возможность осуществления в процессе от имени таких образований распорядительных действий.

¹ См.: *Моисеев С.В.* Проблемы определения истца в делах о защите публичных интересов // Актуальні проблеми юридичної науки: збірник тез міжнародної конференції «Сьомі осінні юридичні читання» (м. Хмельницький, 28–29 листопада 2008 р.): у 4 ч. Ч. 3: Цивільне право. Сімейне право. Міжнародне приватне право. Комерційне право. Цивільний, господарський та адміністративний процес. Хмельницький, 2008. С. 361–363; *Он же.* Характер защищаемого интереса при обращении прокурора в арбитражный суд // Законодательство. 2008. № 11. С. 34–45.

² См.: Курс советского гражданского процессуального права / под ред. А.А. Мельникова. М., 1981. Т. 1. С. 243 (автор главы — Т.Е. Абова).

³ См.: *Туманова Л.В.* Защита публично-правовых интересов в гражданском судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2002; *Ченцов Н.В.* К вопросу о понятии стороны // Проблемы понятийного аппарата наук гражданского и гражданского процессуального права: сборник научных трудов. Ярославль, 1987; *Он же.* Проблемы защиты государственных интересов в гражданском судопроизводстве. Томск, 1989; *Он же.* Российская Федерация как сторона в исковом производстве // Заметки о современном гражданском и арбитражном процессуальном праве / под ред. М.К. Треушникова. М., 2004.

⁴ См.: Постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 24 апреля 2002 г. № 12042/01 и от 24 апреля 2002 г. № 12044/01; постановления Федерального арбитражного суда Московского округа от 10 мая 2001 г. по делу № КГ-А40/2140-01 и от 4 июня 2001 г. по делу № КГ-А40/2707-01. Документы опубликованы не были. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ См. п. 2 Обзора судебной практики по некоторым вопросам применения арбитражными судами статьи 222 Гражданского кодекса Российской Федерации, утвержденного Информационным письмом Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2010 г. № 143. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Постановление Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 24 июня 2004 г. по делу № Ф04/3441-536/А70-2004. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ Безусловно, при анализе соотношения государства и общества многое зависит от содержания данных понятий, отличающегося большим разнообразием в зависимости от поддерживаемой исследователем теории государства и права и его политических взглядов.

⁷ См.: *Осокина Г.Л.* Гражданский процесс. Общая часть. 2-е изд., перераб. М., 2010. С. 265–268.

⁸ Данный вывод подлежит теоретическому осмыслению в первую очередь с точки зрения возможности неперсонифицированного субъекта быть участником как материальных, так и процессуальных отношений.

⁹ Условность используемого термина «государственный интерес» обусловлена тем, что в действующем отечественном законодательстве муниципальные образования отделены от государства, являясь местными, по причине чего к ним, на первый взгляд, было бы уместнее применять термин «общественный» интерес. Однако данные образования, во-первых, публичны по своей природе; во-вторых, имеют собственные органы управления, осуществляющие властные полномочия в рамках своей компетенции. Данные обстоятельства родят не только природу интересов государственных и муниципальных образований, но и средства их защиты.

¹⁰ См.: Определения Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 апреля 2011 г. № ВАС-11265/10 по делу № А43-11963/2007-19-191 и от 26 января 2011 г. № ВАС-18498/10 по делу № А46-5566/2010. Документы опубликованы не были. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹¹ См.: Осокина Г.Л. Указ. соч. С. 268; Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса: теоретические начала и основные институты. М., 2008. С. 258–259.

¹² В Арбитражном процессуальном кодексе РФ аналогичная норма отсутствует, что следует признать существенным недостатком, не позволяющим арбитражному суду, не возбуждая производства по делу, возвращать такие заявления.

¹³ См.: Российская газета. 2008. 2 июля.

¹⁴ См.: Абова Т.Е., Гуреев П.П., Добровольский А.А., Мельников А.А. и др. Курс советского гражданского судопроизводства: Теоретические основы правосудия по гражданским делам: в 2 т. Т. 1 / отв. ред. В.С. Тадевосян, П.Я. Трубников. М., 1981. С. 288–290 (автор главы — В.С. Тадевосян).

О.В. Николайченко*

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ ТРЕТЬИХ ЛИЦ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ДЕЛ В ПОРЯДКЕ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Закон предоставляет любому гражданину или юридическому лицу, чьи права и законные интересы нарушены или оспорены, право на судебную защиту. Такая защита может быть осуществлена как путем возбуждения гражданского дела в суде и участия заинтересованными лицами в качестве сторон (соучастников) по делу, так и путем вступления (привлечения) заинтересованного лица в уже начавшийся процесс и участия в нем в качестве третьего лица.

Участие третьих лиц в гражданском судопроизводстве позволяет осуществлять одновременную защиту прав и законных интересов разных участников, но связанных между собой одними материальными правоотношениями (например, по договорам перевозки, контрактации, на выполнении научно-исследовательских работ, по исполнению обязательства, возникшего из договора третьим лицом, по договору в пользу третьего лица, ответственности должника за действия третьих лиц и т. п.). В отдельных случаях Гражданский кодекс РФ прямо предусматривает по определенным видам договоров привлечение третьих лиц к участию в деле (ст. 152, 430, 596, 621 и т. д.).

Показательны в этом смысле позиции Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, которые уже многократно обращали внимание судов на то, что «ограничение права на судебное обжалование действий и решений, затрагивающих права и законные интересы заин-

* Николайченко Ольга Викторовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия».

тересованных лиц, на том лишь основании, что эти граждане *не были признаны в установленном порядке участниками производства по делу* (курсив наш. — О.Н.), не соответствует Конституции Российской Федерации» (постановление Конституционного Суда РФ от 20 февраля 2006 г. № 1-П¹, постановление Конституционного Суда РФ от 26 мая 2011 г. № 10-П², постановление Конституционного Суда РФ от 19 июля 2011 г. № 17-П³ и др.). Тем не менее, гражданское процессуальное законодательство прямо не регламентирует порядок вступления третьих лиц, заявляющих самостоятельные требования на предмет спора. По смыслу закона, на основании ч. 1 ст. 42 ГПК РФ такое вступление осуществляется путем подачи в суд искового заявления в соответствии с требованиями ст. 131, 132 ГПК РФ. Одним из таких требований, как говорится в п. 7 ч. 2 ст. 134 ГПК РФ, является указание в исковом заявлении сведений о соблюдении досудебного порядка обращения к ответчику, если это установлено федеральным законом или предусмотрено договором сторон, а также подтверждение этого определенными доказательствами. В ином случае для истца это повлечет наступление неблагоприятного последствия в виде оставления искового заявления без движения как следствие невыполнения его процессуальной обязанности. В связи с этим возникает вопрос относительно судьбы искового заявления третьего лица, заявляющего самостоятельные требования относительно предмета спора. В соответствии со ст. 136 ГПК РФ подобное исковое заявление должно быть оставлено без движения.

Исходя из такого главного признака третьего лица, как вступление в уже начатый процесс по инициативе других лиц⁴, соблюдение досудебного порядка урегулирования спора становится несовместимым с сущностью последних. Пока оно будет предъявлять свои требования в досудебный орган, суд может вынести постановление, которое будет касаться в т. ч. и третьего лица. Безусловно, такое постановление неправомерно и подлежит отмене, т. к. затрагивает права и обязанности лица, не привлеченного к участию в деле.

Однако не всегда лицо, заинтересованное в деле, имеет самостоятельные требования на предмет спора. Оно может быть заинтересовано в исходе процесса постольку, поскольку решение по спору между сторонами может иметь предрешающее (преюдициальное) значение для правоотношения между одной из сторон в процессе. Например, согласно ст. 640 ГК РФ ответственность за вред, причиненный третьим лицам арендованным транспортным средством, его механизмами, устройствами, оборудованием, несет арендодатель в соответствии с правилами, установленными гл. 59 ГК РФ. Арендодатель вправе предъявить к арендатору регрессное требование о воз-

мещении сумм, выплаченных третьим лицам, если докажет, что вред возник по вине арендатора. Согласно ст. 1081 ГК РФ лицо, возместившее вред, причиненный другим лицом (работником при исполнении им служебных должностных или иных трудовых обязанностей лицом, управляющим транспортным средством, и т. п.), имеет право обратного требования (регресса) к этому лицу. Поэтому Закон устанавливает возможность участия в чужом процессе третьего лица без самостоятельных требований на предмет спора (ст. 43 ГПК РФ). Такое лицо может вступить в начавшийся процесс на стороне истца или ответчика по собственной инициативе путем подачи соответствующего заявления или может быть *привлечено* по инициативе суда или лиц, участвующих в деле.

Однако в силу действия принципа диспозитивности лица, участвующие в деле, к которым относятся третьи лица, не заявляющие самостоятельные требования на предмет спора (ст. 34 ГПК РФ), могут приобрести тот или иной процессуальный статус только по собственной инициативе. Суд не вправе привлекать указанных лиц в процесс, т. е. наделять их тем или иным процессуальным статусом помимо их воли согласно ч. 1 ст. 3 ГПК РФ. Суд может лишь известить их о начавшемся судебном процессе, а решение о вступлении в процесс такие лица должны принимать самостоятельно. Поэтому наиболее удачным и точно отражающим сущность процессуального статуса третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора, является термин «извещаются». Представляется, что внесение таких изменений в ч. 1 ст. 43 ГПК РФ соответствует их процессуальному статусу как лиц, участвующих в деле и в большей мере отвечает смыслу гл. 10 ГПК РФ «Судебные извещения и вызовы».

Кроме обозначенных проблем, касающихся участия третьих лиц при рассмотрении дел в порядке гражданского судопроизводства, можно было бы выделить и иные, требующие своего разрешения. Поэтому последовательный анализ законодательства и практики его применения относительно участия третьих лиц требует дальнейшего толкования закона и общих предложений по его совершенствованию. Решение этих задач является чрезвычайно важным как для обращающихся за судебной защитой своих нарушенных или оспариваемых прав, так и для судей, осуществляющих правоприменение.

¹ См.: Российская газета. 2006. 3 марта.

² См.: Российская газета. 2011. 8 июня.

³ См.: Российская газета. 2011. 13 июля.

⁴ Следует отметить в этом единогласие ученых-процессуалистов. См., например: Аргунов В.Н. Участие третьих лиц в гражданском процессе. М., 1991; Грось Л. О третьих лицах в гражданском и арбитражном процессах // Хозяйство и право. 1999. № 12; Шакарян М.С. Участие третьих лиц в советском гражданском процессе. М., 1990 и др.

С.Ж. Соловых*

ОБЕСПЕЧЕНИЕ (ГАРАНТИРОВАНИЕ) ПРОЦЕССУАЛЬНО-ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ УЧАСТНИКОВ АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССА

В России на сегодняшний день концепция обеспечения прав человека и гражданина не получила глубокого осмысления. Системный подход к сущности механизма социально-юридического обеспечения прав личности изложен в общей теории государства права, но на отраслевом уровне разработан недостаточно.

Механизм социально-юридического обеспечения рассматривается как определенная система средств и факторов, обеспечивающих необходимые условия уважения всех прав и основных свобод человека, вытекающих из достоинства, присущего человеческой личности и являющихся существенными для ее свободного и полного развития¹. Структура названного механизма включает в себя, помимо гарантий — общих и специальных (юридических), ряд других элементов: общественные нормы, правомерную деятельность субъектов прав человека и гражданина, гласность, общественное мнение, правовую культуру, процедуры, ответственность и контроль. Но именно специальные (юридические) гарантии обеспечивают субъективные права граждан и юридических лиц, а также их практическую реализацию, т. к. только правовые нормы, закрепляющие правовые гарантии, являются специфическими юридическими средствами, определяющими условия и порядок реализации прав, юридические средства их охраны и защиты в случае нарушения².

Арбитражно-процессуальный механизм обеспечения прав следует рассматривать как производную от социально-юридического механизма обеспечения прав личности, но с определенными исключениями, т. к. общие гарантии не входят в предмет регулирования процессуальных норм. По нашему мнению, именно процедурно-процессуальные гарантии обеспечивают быструю и оптимальную реализацию процессуальных прав и обязанностей участников арбитражного процесса, которые вместе с интересами образуют процессуально-правовой статус участника процесса. Являясь способом обеспечения правового статуса личности и гарантией конституционных прав граждан, процессуальные права сами включаются в правовой статус и нуждаются в защите в случае их нарушения или ущемления постольку, поскольку нарушение

* Соловых Светлана Жорисовна — доцент кафедры арбитражного процесса ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», кандидат юридических наук, доцент.

процессуальных прав ограничивает для лица возможности защиты прав материальных.

Функции обеспечения реализации и защиты процессуальных прав выполняют определенные процессуальные средства и способы, которые объединяются единым понятием «процессуальные гарантии» и представляют собой определенную совокупность элементов, включенных в единую систему.

В системе процессуальных гарантий выделяются: а) гарантии реализации процессуальных прав, к которым следует относить такие процессуальные средства, как конкретизация пределов процессуальных прав; юридические факты, с которыми связывается их реализация; форма реализации; меры процессуального поощрения и процессуальные льготы, направленные на стимулирование эффективной реализации процессуальных прав; б) гарантии охраны и защиты, к которым относятся меры предупреждения процессуальных правонарушений; меры пресечения и другие правообеспечительные меры; меры процессуальной ответственности; меры контроля за правомерностью поведения участников арбитражного процесса с целью выявления процессуальных правонарушений; формы реализации вышеназванных мер.

Можно утверждать, что вся эта совокупность элементов функционирует посредством процессуального механизма обеспечения прав участников арбитражного процесса.

Термин «механизм» употребляется как для определения динамики развития какого-либо процесса, деятельности, так и для установления внутреннего состояния, устройства, определяющего статическое положение конкретного явления.

Данный подход следует признать правильным, поскольку он позволяет рассматривать правовое явление с различных сторон: и в динамике, и в статике.

Если посмотреть на арбитражно-процессуальный механизм обеспечения в статике, то его образуют правовые средства, обеспечивающие результативное правовое регулирование.

Динамика рассмотрения арбитражно-процессуального механизма обеспечения раскрывает процесс развития обеспечения прав. Так, сначала конкретизируется само субъективное право, называются юридические факты, наличие которых необходимо для возникновения субъективного права, затем указываются средства, определяющие границы субъективного права и пределы его осуществления, предусматривающие процессуальные формы осуществления прав и свобод граждан, меры поощрения и льготы, т. е. действуют процессуальные гарантии реализации прав. В случае возникновения угрозы нарушения прав,

а также невозможности правомерной их реализации вступают в действия процессуальные гарантии защиты.

Такое разделение представляется верным, т.к. принимая ту или иную норму, законодатель рассчитывает на достижение определенной цели, на изменение, развитие, стабилизацию или свертывание определенных общественных отношений, т.е. система процессуальных гарантий, закрепленная в нормах арбитражного процессуального законодательства, действует посредством арбитражно-процессуального механизма обеспечения прав, сущность которого заключается в обеспечении прав субъектов арбитражного судопроизводства, а его функции направлены на создание благоприятных условий для реализации ими своих прав и законных интересов, а также осуществление охраны и защиты. Именно указанная система процессуальных гарантий является одним из важнейших признаков применения мер государственного характера в арбитражном судопроизводстве, отличающимся содержащимся в них методом государственного принуждения от произвола.

Виды процессуальных гарантий можно классифицировать в зависимости от процессуальных прав, которые опосредуются процессуальными действиями по субъектам, которые их совершают, по условиям совершения (обязательные или факультативные).

Различные основания классификации позволяют наиболее полно проанализировать и выявить особенности гарантирующих средств, позволяющих наиболее полно обеспечить процессуально-правовое положение участников процесса, что, в свою очередь, дает возможность говорить о гарантированности права на судебную защиту.

Взаимосвязь процессуальных прав и права на судебную защиту в этом аспекте очевидна, т.к. реализация субъективных процессуальных прав будет одновременно и реализацией конституционного права на судебную защиту. Нарушение субъективных процессуальных прав служит одновременно и нарушением конституционного права на судебную защиту. Это объясняется тем, что субъективные процессуальные права являются конкретизирующим средством права на судебную защиту в отраслевом процессуальном законодательстве.

Как следствие достаточная степень гарантированности субъективных процессуальных прав участников процесса указывает на гарантированность права на судебную защиту.

¹ См.: Мордовец А. С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина / под ред. Н.И. Матузова. Саратов, 1996. С. 53–55.

² См.: Патюлин В. А. Государство и личность в СССР. М., 1974. С. 231.

Е.Г. Стрельцова*

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ ИСТЦА И ОТВЕТЧИКА

В предлагающейся к обсуждению работе А.В. Юдина, а также в его статье, опубликованной в Вестнике Высшего Арбитражного Суда РФ (2011. № 8), автор выступил с рядом весьма спорных предложений, которые нацелены на изменения как в теории, так и в нормативном регулировании гражданского процесса. Остановимся лишь на одном из спорных вопросов. А.В. Юдин¹ предлагает уточнение правового положения истца и ответчика, отталкиваясь от умозаключения о неурегулированности ряда вопросов в законодательстве и доктрине. Так ли это?

А.В. Юдин полагает, что процессуальный статус лица, его права и обязанности зависят от движения дела, а не от правового положения субъекта в конкретном процессе. Действительно, в движении процесса субъект может реализовать определенные полномочия: так, право апелляционного обжалования может быть реализовано после наличия повода к такому обжалованию: вынесения судом соответствующего постановления и т. д. Однако исходный объем полномочий зависит не от движения дела, а от процессуального положения лица, у которого соответствующий объем прав имеется изначально (ст. 35 ГПК РФ и др.; ст. 41 АПК РФ и др.), и лишь наступление (ненаступление) определенного юридического факта активизирует это право. Взяв тот же пример с правом апелляции, необходимо отметить, что это право есть у лица, участвующего в деле, в силу его статуса заинтересованного в исходе дела субъекта, а реализовано оно может быть лишь при наступлении определенных условий. Именно с этим объемом прав, относительно индивидуальных для каждого института заинтересованных лиц, связано правило возвращения судебного процесса к моменту подготовки, с тем, чтобы лицо могло защитить свои права в рамках данных ему законом прав, независимо от того, имел ли субъект иной объем процессуальных прав в качестве другого лица, участвующего в деле. Статус лица в процессе определяется целью его участия: что лицо защищает, каким объемом процессуальных прав и обязанностей обладает. Так, предъявляя встречный иск, ответчик получает все права истца только потому, что его правовая цель защиты приобретает направление наступления.

* Стрельцова Елена Геннадиевна — доцент кафедры гражданского процесса Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина, кандидат юридических наук.

Нет смысла и даже невозможно определять «правовое положение лиц, не привлеченных к участию в деле» (О.В. Иванова, А.В. Юдин), поскольку их правовое положение может быть рассмотрено, как прямо следует из определения группы «лиц, участвующих в деле» (ст. 34 ГПК РФ, ст. 40 АПК РФ), лишь за рамками процесса, т. е. в любом случае это *не процессуальные отношения*. Но где границы для «потенциальных участников», как они будут определяться? Вопрос возможного участия (ст. 42 АПК РФ) разрешается, исходя из специфики спорного материально-правового отношения (т. е. множественности, вида ответственности, взаимных прав и обязанностей участников, права регресса и т. д.). Какой практический смысл в выделении этой группы? Если это ориентир для суда в определении вопроса о привлечении обязательных участников спора в процесс, то суд должен быть нацелен на норму материального права. Если это ориентир для вышестоящего суда в вопросе о лицах, которые могут обжаловать решение, то он также ничего не дает, поскольку право, во-первых, зависит не от включения в соответствующую группу, а от наличия условий, предусмотренных в законе, а, во-вторых, от волеизъявления заинтересованного лица.

Выделять в процессуальных отношениях группу участников в «потенциальном состоянии» нельзя, поскольку она является крайне аморфной и бесцельной по следующим основаниям: 1) исходя из ст. 46 Конституции РФ, каждый имеет право на судебную защиту; 2) вопрос о реальном положении заинтересованных лиц в спорном правоотношении может дать лишь суд при вынесении решения (ч. 1 ст. 196 ГПК РФ, ч. 1 ст. 168 АПК РФ). Вывод из этих двух посылок состоит в том, что всякое лицо, обратившееся в суд с обжалованием любого судебного постановления, должно будет быть признанным субъектом с потенциальным состоянием. Что это дает, кроме путаницы? Процессуальные отношения возникают и оканчиваются в момент вынесения соответствующих процессуальных актов, процессуальные права и обязанности по конкретному делу существуют столько, сколько существует сам судебный процесс по конкретному делу. Все остальное — это вопрос процессуальной право- и дееспособности.

А.В. Юдин соглашается с Е.А. Трещевой в том, что «динамика самих правоотношений предопределяет и динамику в их субъектном составе ... и что содержанием арбитражно-процессуальных правоотношений могут быть только процессуальные действия их субъектов».

Динамика, т. е. изменение субъектного состава, связана не с тем, что процесс поступательно движется вперед (что, собственно, и предопределяет движение длящихся процессуальных правоотношений). Истоки изменения субъектного состава связаны с предметом спорных правоотношений. Например, если в суд обратится лицо, о правах и обя-

заностях которого решается спор в суде первой инстанции без его привлечения, разве же суд откажет ему в допуске в процесс? И лишь в случаях, когда этого невозможно было сделать в суде первой инстанции, появляется возможность обжаловать данное решение в суде второй инстанции. Однако в любой инстанции основанием появления новой процессуальной фигуры — заинтересованного лица будет спорное материальное правоотношение. Содержанием процессуальных правоотношений могут быть права и обязанности, а процессуальные действия — это лишь выраженное (совершенное) право, обязанность. Ведь если исходить из того, что содержанием процессуального правоотношения является действие, то в тупике окажется сторонник такого подхода по поводу вопроса о бездействии заинтересованного лица. Банальный пример: ответчик привлечен к участию в деле, но в процесс не является, свою позицию никак не выражает и уж тем более не защищает, т. е. не совершает никаких процессуальных действий. Он — субъект процессуальных отношений?

Развивая эту идею, выводится «статическое и динамическое содержание арбитражно-процессуальных правоотношений, когда под первым понимаются установленные законом права и обязанности субъектов, а под вторым — действия субъектов правоотношений, совершаемые при реализации прав и исполнении обязанностей». Но здесь ошибка: в первом случае речь идет о право- и дееспособности; во втором — именно о правах и обязанностях участников арбитражного процесса по конкретному делу.

А.В. Юдин принимает идею процессуальных юридических фактов, а также не являющихся таковыми «причин динамики судопроизводства» в целях определения «обстоятельств, обуславливающих движение процесса». Тем не менее, исходя из выделенных автором критериев, осталось неясным, к чему создавать дополнительную, достаточно громоздкую и отнюдь не универсальную систему? Какие факторы будут предрешать вступление заинтересованных лиц в процесс? Факторы действуют одновременно или по отдельности? Как будет осуществлено судебное познание (а оно может быть осуществлено только в форме исследования доказательств в процессуальном порядке), если лица в процессе еще нет? Разве возможно осуществление своих процессуальных прав, при том, что лица в процессе еще нет, или эти права вне процесса? Движение дела зависит от воли сторон, а не от знаний суда.

А.В. Юдин видит проблему в том, что «статус третьего лица с самостоятельными требованиями на предмет спора остается неизменным независимо от им или к нему предъявленных исковых требований». Но что же понимать под статусом? Ведь главное — это содержание процессуальных прав и обязанностей. А что же может меняться у третье-

го лица, заявляющего самостоятельные требования на предмет спора, если его права и обязанности полностью совпадают с правами и обязанностями истца по делу (ч. 1 ст. 42 ГПК РФ, ч. 2 ст. 50 АПК РФ)? Традиционно этот институт третьих лиц считают «опоздавшими истцами», приступившими к защите своего права позже, чем предъявлен первоначальный иск. Что же должно измениться? Их права не могут расширяться еще больше, они и так максимальны.

Развивая идею изменения понятия истца в части наделения его правом присуждения в пользу ответчика с «самого себя», А.В. Юдин приводит пример исков о разделе совместной собственности супругов и о выплате страхового возмещения с одновременным возвращением годных остатков. Однако в первом случае речь идет не об иске о присуждении, а об иске о преобразовании статуса имущества: из имущества, находящегося в общей собственности, в имущество, принадлежащее индивидуальному собственнику. На кого было оформлено при этом имущество в период брака, значения не имеет. Природа спора совершенно другая: здесь не предлагается ответчику имущество, ранее ему никогда не принадлежавшее, а определяется его доля и конкретно определенное имущество каждого из супругов; в т. ч. неделимое имущество может компенсироваться за счет другого личного имущества одного из супругов. В таких исках ответчик не лишен права заявлять свои условия раздела и выдела имущества, но только лишь отрицание им варианта раздела, предлагаемого истцом, не освобождает суд от обязанности разрешить дело по требованию истца и вынести решение в удовлетворении иска, если нет оснований считать это требование незаконным и необоснованным.

Второй пример также неудачен: довод об обязательном возвращении годных остатков как условия удовлетворения иска также не находит опоры в законе: лицо может возратить остатки из-за угрозы предъявления требования о неосновательном обогащении (но вправе этого и не делать); закон не увязывает удовлетворения требования с возвращением остатков.

Некорректным представляется утверждение, что истец выдвигает требование против самого себя: он выполняет обязанность, предусмотренную законом в смысле обусловленности правовых связей в спорном правоотношении, от исполнения которой (обязанности) зависит удовлетворение требования истца. Есть здесь и логико-правовая ошибка. Если только предположить, что истец выдвигает требования «против себя», то надо признать, что он их выдвигает в интересах ответчика. Но этого не допускает Закон (ст. 3, 4, 134 ГПК РФ; ст. 4 АПК РФ): лицо может действовать в защиту своего интереса, а не в защиту интереса другого лица. Если только предположить, что в иске лицо требует

наделить кого-то другого правом, то получится, что он является неуполномоченным лицом, действующим в чужом интересе, как следствие, в этой части должен следовать отказ в принятии искового заявления или отказ от иска.

Есть в статье ряд утверждений, на первый взгляд, прямо противоречащих закону. Так, А.В. Юдин считает, что «истец заявляет о готовности исполнить юридическую обязанность при условии, что суд подтвердит возможность его к осуществлению спорного субъективного права». Но истец не может заявить такое требование — иначе итогом данного процесса было бы условное решение, не допускаемое нашим законом.

А.В. Юдин полагает, что буквальный смысл процессуального закона не допускает последующего привлечения или вступления в дело соистца. Однако ст. 150 ГПК РФ прямо указывает, что при подготовке дела суд разрешает вопрос о вступлении в дело соистцов, соответчиков, а ч. 4 ст. 46 АПК РФ прямо указывает, что соистцы могут вступить в дело до принятия судебного акта, которым заканчивается рассмотрение дела по существу в арбитражном суде первой инстанции. Что это, как не право суда привлечь в процесс соучастников?

Ряд вопросов, обсуждаемых в статье, требовал реальных примеров, поскольку, будучи представленными в виде схемы, не дают основания считать выводы по ним аргументированными. Так, А.В. Юдин видит проблему в том, что, когда «в качестве адресата исковых требований по встречному иску ответчика или по иску третьего лица с самостоятельными требованиями на предмет спора — третьего лица, участвующего в первом случае на стороне истца, во втором случае — на стороне истца или ответчика». Модель требует конкретного примера, поскольку именно в модельном исполнении вызывает самое серьезное возражение: третье лицо с косвенным интересом вступает в процесс потому, что оно, не имея прямого отношения к предмету спора, связано с одной из сторон правоотношением, зависимым от спорного правоотношения. Третье лицо, заявляющее самостоятельные требования на предмет спора, допускается в процесс как лицо, прямо претендующее на предмет спора. Если оно заявляет требование одновременно к стороне спора и к третьему лицу с косвенным интересом как к соответчикам, предметом спора не может быть требование, дающее основание третьему лицу заявлять самостоятельные требования в чужом процессе.

А.В. Юдин называет в качестве повторного основания появления в процессе соистца несоблюдение досудебного претензионного порядка одним из соистцов. Однако если соистцы имеют общее право требования, то предъявление претензии одним из них вполне достаточно; если же их права относительно самостоятельны, то и дело, уже рассматриваемое некоторое время, не стоит вновь возвращать на этап подготовки.

Равным образом рассматриваемый А.В. Юдиным вариант прекращения дела из-за отказа от иска истца по отношению к одному из соответчиков в ситуации обязательного процессуального соучастия с последующим привлечением этого соответчика по другому основанию в модели выглядел противоречивым. Обязательное соучастие (если оно действительно обязательное) не даст суду возможности удовлетворить заявление истца об отказе в иске в отношении одного из соответчиков: такое возможно только в отношении всех соучастников. Да и иное основание вряд ли возможно по обязательному соучастию: условием обязательного соучастия является одно правоотношение, объединяющее истца и соответчиков. Как следствие, основания иска будут едиными для всех соответчиков. Необходим конкретный пример, который бы доказывал, что в обязательном соучастии могут быть разные основания исков, а также возможность отказа истца от иска в отношении одного из обязательных соответчиков, что на сегодняшний день является прямой противоположностью действующего законодательства (ч. 3 ст. 40 ГПК РФ).

Таким образом, в нашем гражданском процессе существует множество проблем, требующих действительно внимания, и не стоит распылять усилия на вопросы, не являющиеся в действительности проблемами.

¹ Автор статьи здесь и далее приводит выдержки из доклада А.В. Юдина, сделанного на «круглом столе» «Правовое положение участников гражданского и арбитражного процесса в динамике судопроизводства».

А.Г. Нуриев*

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ УЧАСТНИКОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА В ДИНАМИКЕ СУДОПРОИЗВОДСТВА НА ПРИМЕРЕ ОБЪЕДИНЕННЫХ АРАБСКИХ ЭМИРАТОВ (ОАЭ)

Процессуальное законодательство государств Арабского Востока, традиционно основанное на непоколебимых принципах шариата, в последние десятилетия испытывает серьезное влияние европейской законодательной техники, что приводит к постепенной унификации и гармонизации правовых институтов государств Арабского Востока и правовых институтов государств Европы.

* Нуриев Анас Гантрауфович — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры экологического, трудового права и гражданского процесса юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета.

Конвергенция светских и религиозных начал отчетливо проявляется в процессуальном законодательстве Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ) — (эмираты АбуДаби, Дубай, Шарджа, Аджман, Умм Кайвайн и Фуджейра). Согласно ст. 94 Конституции ОАЭ (1971 г.) справедливость — основа государственного правления. Судьи ОАЭ независимы от власти в принятии решений. Решения суда окончательны и касаются всех.

Важной, с точки зрения защиты интересов участников гражданского процесса, является процедура извещения его участников. В соответствии с общими положениями ГПК ОАЭ 1992 г. (ст. 1–10) извещение доставляется адресату по требованию одной из сторон процесса или распоряжения суда уполномоченным лицом или иным способом, предусмотренным законом. Извещение содержит следующую информацию: а) число, месяц, год и час составления извещения; б) имя, фамилию, род занятий, место проживания и место работы заявителя, а также имя, фамилию, род занятий, место проживания и место работы представителя, в случае если он представляет чьи-либо интересы; в) имя, фамилию, род занятий, место проживания истца. В случае, если место его жительства неизвестно на момент извещения, указывается его последнее место жительства и место работы; г) имя и род занятий лица, осуществляющего уведомление, организацию, которую он представляет, его подпись на оригинале и копии; д) конкретные обстоятельства дела; е) имя, фамилию лица, доставившего извещение, его подпись, печать или отпечаток большого пальца на оригинале либо отметку об отказе адресата принять извещение и его причину.

Копия извещения направляется лицу, участвующему в деле, по месту его жительства или работы. В случае, если лицо, доставляющее извещение, не застанет адресата по месту жительства, копия извещения вручается кому-либо из проживающих совместно с ним взрослых членов семьи (муж, зять, родственники). Если он не застанет лицо, которое должно быть уведомлено, по месту его работы, копия извещения вручается руководителю или работнику предприятия по его усмотрению. Во всех случаях копия извещения вручается только лицам, достигшим 18 лет, интересы которых не противоречат интересам ответчика.

Если место пребывания и место работы ответчика неизвестны, последний должен быть извещен посредством ежедневного журнала, издаваемого на арабском языке, и другого журнала, издаваемого на английском языке в случае необходимости. Дата публикации при этом считается датой извещения адресата.

Согласно ст. 44 ГПК ОАЭ дата проведения судебного заседания устанавливается в момент регистрации искового заявления в канце-

лярии суда, о чем извещается истец либо его представитель. Ответчик должен предоставить суду возражение по предъявленному иску не позднее трех дней до назначенного судебного заседания.

Анализ отдельных положений процессуального законодательства ОАЭ позволяет сделать вывод о последовательной реализации права на судебную защиту подданных данного государства в контексте информационного обеспечения. Интересным представляется практика публикации информации о предстоящей судебной тяжбе при отсутствии данных о последнем известном месте жительства ответчика.

Д.А. Туманов*

МОЖНО ЛИ ЗАМЕНИТЬ НЕПРАВОСПОСОБНОЕ ЛИЦО КАК НЕНАДЛЕЖАЩЕГО ОТВЕТЧИКА?

Доклад А.В. Юдина посвящен интересной теме. Однако некоторые предложения ученого носят спорный характер. Так, А.В. Юдин¹, поднимая вопрос о том, как следует поступить суду в том случае, если иск был предъявлен правоспособному лицу (филиалу или представительству), по сути делает вывод, что, с точки зрения обеспечения защиты прав истца и принципа процессуальной экономии, было бы правильнее допустить в этом случае замену такого правоспособного лица на правоспособное, т. е. организацию, применив институт замены ненадлежащего ответчика. Автор пишет: «Если признать, что *ненадлежащий ответчик может вообще не быть субъектом права*, то замена такого ответчика обеспечит более оперативную защиту прав истца». Необходимо заметить, что по такому пути иногда идет и правоприменительная практика.

Однако подобный вывод ученого и идущую по такому пути практику судов мы находим ошибочными и явно противоречащими как закону, так и теории процесса. Речь идет о том, что повсеместно признано, что ненадлежащий ответчик — это лицо, которое, с точки зрения процессуального правоотношения, является *ответчиком в полном смысле этого слова*, т. е. пользуется всеми процессуальными правами стороны². Другое дело, что он *не является надлежащим ответчиком, т. е. исключается предположение о том, что он является субъектом рассматриваемого судом спорного материального*

* Туманов Дмитрий Александрович — старший преподаватель кафедры гражданского процесса Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина, кандидат юридических наук.

*правоотношения*³. Из этого следует несколько выводов: 1) если ненадлежащий ответчик — субъект процесса, то он, как минимум, должен быть субъектом гражданского процессуального права, иначе как мог бы он быть ответчиком? Каким образом он мог бы обладать процессуальными правами и нести процессуальные обязанности ответчика? (смею напомнить, что А.В. Юдин допускает, что ненадлежащий ответчик может вообще не быть субъектом права!); 2) как было сказано, ненадлежащий ответчик — это лицо, в отношении которого *исключается предположение* о его принадлежности к спорному правоотношению, но, чтобы такое предположение исключить, оно первоначально должно было быть. Следовательно, ненадлежащий ответчик — это лицо, которое потенциально *могло бы быть субъектом правоотношения, но им не оказалось*. В свою очередь неправоеспособное лицо *не может быть таким субъектом даже потенциально*; 3) возможно, А.В. Юдин имеет в виду не то, что ненадлежащим ответчиком может быть вообще не субъект права, а то, что субъектом гражданского процессуального права может выступать не субъект права материального. Однако исходя из действующего законодательства и логики вещей, такая ситуация невозможна. В ст. 36 ГПК РФ сказано, что гражданская процессуальная правоспособность признается в равной мере за всеми гражданами и организациями, обладающими согласно законодательству РФ правом на судебную защиту прав, свобод и законных интересов.

Аналогичная норма закреплена в ст. 43 АПК РФ. Следовательно, по ГПК РФ и АПК РФ процессуальная правоспособность зависит от наличия права на судебную защиту! В свою очередь право на судебную защиту — это субъективное право, а следовательно, чтобы им обладать, необходимо быть субъектом права материального, в данном случае того, вопрос о котором будет разрешаться в судебном порядке, т. е. материально-правовая правоспособность и возможность судебной защиты материальных прав служат условием процессуальной правоспособности⁴. Иного не дано!

Судебный процесс — это правоприменительная деятельность, а правоприменение возможно только в отношении тех, кто является субъектом права. Отход от этого положения может привести к полному абсурду, когда ответчиками, пусть даже и ненадлежащими, будут признаваться не только филиалы и представительства, а, например, вещи.

В данном случае также интересен вопрос о том, какие последствия наступят, если истец откажется от замены такого «ненадлежащего (неправоеспособного) ответчика»? Должно быть, суд в таком случае вынесет решение об отказе в иске, но следует напомнить, что решение суда

вне зависимости от его содержания — это акт правоприменения, а правоприменение в отношении не субъекта права невозможно.

Из вышесказанного следует вывод, что институт замены ненадлежащего ответчика в отношении неспособных лиц не применим. В том же случае, если процесс в отношении такого лица был возбужден, то он подлежит прекращению. Стоит заметить, что такие категории, как скорость процесса, его экономия, не должны являться тем, из-за чего можно принести в жертву само право.

¹ Автор статьи здесь и далее приводит выдержки из доклада А.В. Юдина, сделанного на «круглом столе» «Правовое положение участников гражданского и арбитражного процесса в динамике судопроизводства».

² См.: Гражданский процесс / под общ. ред. К.С. Юдельсона. М., 1972. С. 79 (автор главы — М.А. Вилкут)

³ См., например: Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. В.М. Жуйкова, М.К. Треушникова М., 2007 (автор главы — С.А. Иванова); Гражданское процессуальное право: учебник / под ред. М.С. Шакарян. М., 2004 (автор главы — М.С. Шакарян).

⁴ См.: Воронов А.Ф. Гражданский процесс: эволюция диспозитивности. М., 2007.

Мы считаем, что такие категории, как «субъект гражданского процессуального права» и «гражданская процессуальная правоспособность» не тождественны. Категория «субъект гражданского процессуального права» шире и охватывает собой как правоспособных лиц, так и лиц, участвующих в процессе на иных основаниях. Речь идет о том, что мы солидарны с авторами, полагающими, что категория «процессуальная правоспособность» применима только в отношении сторон, третьих лиц, заявителей, т. е. лиц, имеющих право на судебную защиту. Такая позиция нашла, как было сказано выше, отражение в процессуальном законе. В свою очередь такие субъекты, как, например, прокурор, вступают в процесс на основании компетенции. Подробнее об этом см.: Сергун А.К. Процессуальная правоспособность и правосубъектность // Труды ВЮЗИ. М., 1975. Т. 38.

Е.Н. Пименова*

ЗАЩИТА ЧАСТНОГО ИНТЕРЕСА ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

Понятия «частный интерес» и «частное право» неразрывно связаны с понятием «частная собственность». Используя справедливое высказывание Е.А. Суханова о том, что «в нормальном (не политэкономическом) понимании частная собственность обозначает лишь противоположность государственной («публичной») собственности, т. е. принадлежность имущества конкретным физическим или юридическим (частным) лицам»¹, можно сделать вывод, что частные интересы обозначают противоположность публичным интересам. Актуальной представляется проблема защиты акционерной собственности физических лиц в арби-

* Пименова Елена Николаевна — преподаватель кафедры арбитражного процесса ФБГОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», кандидат юридических наук.

тразном процессе. В силу объективных исторических предпосылок физические лица не являлись участниками экономического судопроизводства. Так, в советский период круг участников производства в государственном арбитраже был ограничен публично-правовыми коллективными субъектами. В.П. Гапеев писал об указанном периоде исторического развития, что «арбитраж рассматривает «хозяйственные» споры, и отсюда следовало, что участие граждан в качестве истца или ответчика исключается в этой юрисдикционной процедуре»².

Практика первых российских арбитражных судов подтвердила, что граждане могут участвовать в арбитражном процессе, однако главным условием такого участия является наличие у них статуса индивидуального предпринимателя.

Анализируя изменения, внесенные в АПК РФ Федеральным законом от 19 июля 2009 г. № 205-ФЗ «О внесении изменений в отдельные нормативные акты Российской Федерации»³, необходимо отметить, что субъектный критерий определения подведомственности в действующем арбитражном процессуальном праве фактически утрачивает значение, уступая место предметному критерию. Таким образом, указанный Закон снял вопрос о возможности защиты частного экономического интереса физического лица без статуса индивидуального предпринимателя в арбитражном судопроизводстве. Физическое лицо может быть участником арбитражного процесса при надлежащем характере спора, что прямо закреплено в отношении корпоративных споров. В настоящее время все виды споров с участием физических лиц из корпоративных правоотношений подведомственны арбитражному суду.

Полагаем, интерес физических лиц-акционеров, который защищается в порядке судопроизводства в арбитражном суде, является частным и относится в большей степени к коммерческой деятельности. Подобная точка зрения оспаривается некоторыми авторами. Так, например, Б.А. Журбин считает косвенный иск, поданный миноритарным акционером в защиту интересов хозяйственного общества сугубо публично-правовым институтом⁴. На самом деле, даже если требование формально адресовано в защиту имущественных интересов общества, отрицать очевидную связь между интересами общества и интересами участников общества представляется абсурдным. Более того, в литературе по корпоративному праву неоднократно отмечалось, что природа участия и действий участников общества сугубо частноправовая.

Возможно осуществить защиту прав физических лиц путем подачи группового иска. Однако в настоящее время вызывает вопросы процессуальный порядок реализации указанного института. Прежде все-

го, указанное исковое заявление связано с рядом требований гл. 28.2 АПК РФ. Истец имеет право только вступить в арбитражное судопроизводство, а выйти из него иначе, кроме как подписав отказ от иска, он не может. Но примет ли арбитражный суд отказ от иска? Очевидно, что судья оказывается перед процессуальной дилеммой. Либо он принимает отказ от иска, тем самым как бы разрешая истцу подачу самостоятельного заявления в новом производстве. При этом, если истец желает самостоятельно осуществить защиту прав в новом процессе, он сталкивается с фактическим запретом нормы ч. 4 ст. 225.16 АПК РФ, а следовательно, нарушается его право на судебную защиту. В этом смысле более выгодна подача единоличных исков. Однако ч. 3 указанной статьи прямо свидетельствует о том, что индивидуальное исковое заявление также будет возвращено, если в арбитражном суде есть в производстве дело по иску группы акционеров. Таким образом, открывается весьма широкое поле для манипуляций. Фактически, чтобы защитить менеджмент от исков физических лиц, достаточно только злоупотребить правом на обращение в суд и организовать «групповой иск», и либо затягивать процесс путем периодической смены истца-представителя, либо применять иные техники злоупотребления правом. Представляется, подобная трактовка ч. 3 ст. 225.16 АПК РФ ставит под сомнение эффективность защиты частных прав физических лиц, а следовательно, указанная норма требует совершенствования. Лицо может обоснованно полагать, что индивидуальная защита права позволит применить более верные процессуальные стратегии, однако, вступив в процесс по групповому иску как истец группы, лицо не будет иметь процессуальной возможности выйти из состава группы и обратиться в арбитражный суд с самостоятельным иском.

Полагаем, что в силу диспозитивного и состязательного характера российского арбитражного процесса, исходя из международно-правового принципа баланса частных и публичных интересов в экономическом судопроизводстве, необходимо предусмотреть право физического лица выйти из состава участников группового иска и право отказаться от вхождения в состав группы истцов и самостоятельной защиты прав и свобод при помощи собственного иска.

¹ Суханов Е.А. Современное развитие частного права в России // Российская академия юридических наук: научные труды. М., 2001. Т. 1. С. 10.

² Галеев В.Н. Участники гражданского и арбитражного процесса (сравнительный анализ правового положения). Ростов н/Д, 1988. С. 14.

³ Российская газета. 2009. 22 июля.

⁴ См.: Журбин Б.А. Проблемы рассмотрения производных исков // Арбитражная практика. 2005. № 2. С. 10.

Е.А. Малько*

СУДЫ КАК ОСНОВНЫЕ УЧАСТНИКИ ГРАЖДАНСКОЙ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ

Гражданская процессуальная правовая политика представляет научно обоснованную, последовательную и системную деятельность государственных органов, должностных лиц, негосударственных учреждений по созданию эффективного механизма гражданского процессуального правового регулирования, а также по оптимизации цивилистического судопроизводства и процедуры принудительного исполнения исполнительных документов в целях наиболее полной защиты нарушенных (оспоренных) прав, свобод и законных интересов субъектов.

В настоящее время проблема участников — субъектов вышеназванной политики исследована недостаточно.

Первостепенное и важное место в выстраивании и реализации гражданской процессуальной правовой политики занимают судебные органы. Так, еще С.А. Муромцев писал, что «гражданско-правовая политика определяет цели и приемы, которыми должны руководствоваться законодатель и судья...»¹. С данным высказыванием нельзя не согласиться.

В связи с этим следует обратить внимание на Конституционный Суд РФ, в чью задачу входит осуществление конституционного контроля вне зависимости от наличия конкретного судебного спора за соответствием нормативно-правовых актов, устанавливающих порядок судопроизводства по гражданским делам, государственных органов Конституции РФ, разрешение споров о компетенции государственных органов, рассмотрение дел по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан и по запросам судов проверять конституционность закона, примененного или подлежащего применению в конкретном гражданском деле. Высшим судебным органом осуществляется также официальное толкование норм Конституции РФ, законодательная инициатива по вопросам своего ведения и иные полномочия, предоставленные ему действующим законодательством.

Конституционный Суд РФ занимает положение одного из лидирующих участников гражданской процессуальной правовой политики как по своему статусу, так и по особой компетенции. В данном контексте можно сказать, что одна из важнейших функций Конституционного Суда РФ в качестве участника рассматриваемого нами вида правовой политики — «своеобразная санация, оздоровление правового про-

* Малько Елена Александровна — аспирант кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия».

странства путем отсеивания «недоброкачественных» норм, не вписывающихся в конституционный порядок»².

Следуя такой логике, вполне обоснованно к участникам указанной политики отнести Верховный Суд РФ, который является высшей судебной инстанцией по гражданским и иным делам, и в пределах своих полномочий осуществляет надзор за деятельностью судов общей юрисдикции.

В соответствии с Конституцией РФ и Федеральным конституционным законом «О судебной системе Российской Федерации», Верховный Суд РФ, а вернее его Пленум, для преодоления указанных проблем рассматривает материалы изучения и обобщения судебной практики и в связи с этим дает разъяснения по вопросам применения законодательства в судебной практике, которые оформляются постановлениями. Здесь важно заметить, что решения нижестоящих судов, вступающие в противоречие с его позицией, при их обжаловании с большей вероятностью будут отменены как незаконные, хотя на этот счет имеется иное мнение, что в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ лишь доводят до нижестоящих судов истолкованную ими волю законодателя, которые вправе и не воспользоваться соответствующими указаниями, поскольку те носят рекомендательный характер и не являются для них обязательными. Если указания исполняются судами, то лишь в силу их интерпретационного авторитета, поскольку исходят от наиболее компетентного и авторитетного органа³.

Помимо изложенного, Верховный Суд РФ занимается пересмотром решений по конкретным категориям гражданских дел в качестве кассационной инстанции, а также в порядке надзора и по вновь открывшимся обстоятельствам. В функцию Верховного Суда РФ входит составление обзоров судебной практики с целью воздействия на гражданскую процессуальную правовую политику. Составление обзоров судебной практики косвенным образом влияет на формирование устойчивого и планомерного развития судебной практики по конкретным категориям гражданских споров.

Необходимо сказать и о немаловажном влиянии на гражданскую процессуальную правовую политику нижестоящих звеньев судебной системы. При этом, не обладая правом законодательной инициативы, именно нижестоящие судебные органы несут ответственность за правильное толкование и применение нормативно — правовой базы, независимое объективное и беспристрастное рассмотрение различных категорий дел. Однако именно по решению суда норма закона или другого нормативного акта становится нормой права, обязательной для применения всеми лицами, включая стороны, участвующие в деле, а также третьи лица. Если решение суда не исполняется добровольно, при-

меняется принудительное исполнение с использованием государственных средств принуждения⁴.

Следует отметить, что суды общей юрисдикции в России несут на себе значительный «багаж» рассмотрения и разрешения гражданско-правовых споров. Данное звено судебной системы находится в наибольшей близости к населению, в ее части создан институт мировых судей, по своей численности, месторасположению и процедуре работы рассчитанный на максимальную доступность для большинства граждан. Особенность судов общей юрисдикции состоит в том, что именно они непосредственно занимаются защитой индивидуальных прав законных интересов личности в отличие от конституционных судов, предоставляющих такую защиту лишь на уровне нормоконтроля, и арбитражных судов, в чью подсудность входят споры с участием юридических лиц⁵.

Таким образом, нижестоящие судебные органы формируют отношение населения к правосудию, от их деятельности зависит степень доверия либо недоверия к судебной власти в целом.

В этой связи важно подчеркнуть, что суд изначально появляется как институт по урегулированию социальных конфликтов, призван снять возникающее напряжение, причем наиболее приемлемым для общества образом⁶. Поэтому первичный и основной интерес к судебным органам как одному из значимых и существенных участников гражданской процессуальной правовой политики должен «заключаться в восстановлении социального мира и порядка, в устранении конфликтной ситуации, по возможности с учетом всех участников этого процесса. Собственно, идея справедливости и предполагает, прежде всего, достижение баланса интересов»⁷.

К участникам гражданской процессуальной правовой политики необходимо отнести международные органы, в частности судебные.

Основным международным органом в сфере правосудия для стран, входящих в Совет Европы является Европейский суд по правам человека. Последний неоднократно отмечал, что постановление о признании нарушения конвенционных прав налагает на государство — ответчика юридическую обязанность не только произвести выплаты, присужденные в качестве справедливой компенсации, задействовать при необходимости индивидуальные меры для восполнения ущерба конкретному лицу нарушением его прав, но и принять меры общего характера для прекращения подобных нарушений в рамках национальной правовой системы»⁸. Данная позиция Европейского суда активно осуществляется на практике во взаимоотношении с Российской Федерацией.

¹ Муромцев С.А. Определение и основное разделение права. М., 1987. С. 15.

² Орешкин С.Н. Введение в судебную политику. Элиста, 2007. С. 88.

³ См., например: Загайнова С.К. О роли судебной практики в российском праве // Теоретические и прикладные проблемы реформы гражданской юрисдикции. Екатеринбург, 1998.

С. 262; Она же. Судебный претендент: историко-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1999. С. 14–15.

⁴ См.: Мозолин В.П. Современная доктрина и гражданское законодательство. М., 2008. С. 52–53.

⁵ См.: Орешкин С.Н. Указ. соч. С. 92.

⁶ Подробнее об этом см.: Дектярев С.Л. Цели и задачи судебной власти на современном этапе // Правоведение. 2005. № 6. С. 99–108.

⁷ Орешкин С.Н. Указ. соч. С. 69.

⁸ См.: Сальвиа М. де. Прецеденты Европейского суда по правам человека. Руководящие принципы судебной практики, относящиеся к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Судебная практика с 1960 по 2002 г. СПб., 2004. С. 938–946.

Е.Г. Потапенко*, С.А. Рвачев**

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА ПРИ РАССМОТРЕНИИ ДЕЛ ПО КОРПОРАТИВНЫМ СПОРАМ

Юридическое лицо может непосредственно участвовать в корпоративном споре, выступая в качестве выгодоприобретателя по иску либо в качестве обязанного лица. В таком случае процессуальное положение юридического лица четко определяется законом. Но для корпоративных споров характерно привлечение судом юридического лица в процесс рассмотрения спора, где данное лицо не наделяется каким-либо определенным процессуальным статусом.

Согласно ст. 225.4 АПК РФ суд в обязательном порядке извещает юридическое лицо о наличии спора по поводу деятельности данного лица¹. Суд или лицо, обратившееся с заявлением об обеспечении иска, в соответствии со ст. 225.6 АПК РФ, сообщает данному юридическому лицу о времени и месте рассмотрения соответствующего спора. В данном случае юридическое лицо, не приобретая какого-либо процессуального статуса, приобретает определенные процессуальные права. Юридическое лицо вправе знакомиться с материалами дела, делать выписки из них, снимать копии, получать информацию о движении дела с использованием любых общедоступных средств связи. Также суд может возложить на юридическое лицо обязанность уведомить участников этого юридического лица; лиц, входящих в его органы управления и органы контроля; а также держателя реестра владельцев ценных бумаг этого юридического лица и (или) депозитария, осуществляющих учет прав на эмиссионные ценные бумаги этого юридического лица о воз-

* Потапенко Евгений Георгиевич — ассистент кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», кандидат юридических наук.

** Рвачев Сергей Андреевич — юрисконсульт ООО «Торговый дом Мария».

буждении производства по делу, предмете и об основании заявленного в арбитражный суд требования, об иных обстоятельствах спора.

При наделении юридического лица указанными правами и обязанностями данное лицо неизбежно вступает в процессуальные отношения с участниками рассматриваемого спора и реализовывает свои процессуальные права и обязанности. Таким образом, юридическое лицо в данном случае является субъектом арбитражно-процессуальных правоотношений. «Субъект арбитражного процесса — это лицо, наделенное хотя бы одним арбитражно-процессуальным правом или (и) одной обязанностью, которое при стечении определенных обстоятельств могло бы осуществлять арбитражно-процессуальную деятельность, вступать в арбитражно-процессуальные отношения с другими субъектами арбитражного процесса по своей инициативе или по требованию закона»².

Ввиду явной относимости юридического лица, по поводу деятельности которого возник корпоративный спор, к субъектам процессуальных отношений для уяснения его процессуального статуса важно определить, к какому виду субъектов оно относится. В качестве субъектов процессуальных отношений в арбитражном процессе принято называть суд, лиц, участвующих в деле, и лиц, содействующих осуществлению судопроизводства³. Наличие иных субъектов процессуальных правоотношений АПК РФ не предусмотрено. Лица, содействующие осуществлению судопроизводства в арбитражном процессе, характеризуются отсутствием юридического интереса в исходе дела. Их права и законные интересы не могут быть затронуты судебным решением. Следуя практике рассмотрения корпоративных споров, видно, что юридическое лицо в таком споре практически всегда имеет заинтересованность в исходе дела и судебным решением могут быть напрямую затронуты его права и законные интересы. Следовательно, к лицам, содействующим осуществлению судопроизводства, юридическое лицо в корпоративном споре вряд ли можно отнести.

Таким образом, юридическое лицо в корпоративном споре по своему процессуально-правовому положению должно относиться к лицам, участвующим в деле. Перечень лиц, участвующих в деле, указанный в ст. 40 АПК РФ, не содержит прямого указания на юридическое лицо, привлекаемое судом в процесс рассмотрения дела по корпоративному спору. В таком случае логично предположить, что такое юридическое лицо должно приобретать в корпоративном споре процессуальный статус одного из указанных в ст. 40 АПК РФ лиц. Официальных разъяснений по поводу наделения данного лица каким-либо процессуальным статусом в законодательстве и судебной практике не установлено. Однако в этом видится необходимость. Отсутствие определения процессуального статуса юридического лица в корпоративном споре препят-

ствует уяснению таким лицом объема своей правоспособности в конкретном споре, приводит к формированию представления о наличии искусственно созданного нового вида лиц, участвующих в деле. Данное обстоятельство представляется негативным как для теории арбитражного процессуального права, так и для формирующейся практики рассмотрения корпоративных споров.

¹ См.: Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (в ред. от 12 июля 2011 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 30, ст. 3012; Российская газета. 2011. 15 июля.

² Рыжаков А.П. Постатейный комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации. Подготовлен для справ.-правовой системы «ГАРАНТ», 2011.

³ См.: Ярков В.В. Арбитражный процесс: учебник. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2010. С. 53; Рыжаков А.П. Указ. соч.; Арсланов К.М., Валеев Д.Х., Гимазов Р.Н. Арбитражный процесс: учебник. М., 2010. С. 49.

АННОТАЦИИ (SUMMARY)

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА, ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ (THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW, HISTORY OF THE POLITICAL AND STATE THEORY)

Туманов Дмитрий Юрьевич

*Заведующий кафедрой теории и истории государства и права филиала
Казанского (Приволжского) федерального университета в г. Набережные Челны,
кандидат юридических наук, доцент*

ПРАВО НА ОБРАЗОВАНИЕ В СОВЕТСКОМ ГОСУДАРСТВЕ: КОНСТИТУЦИОННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ

Настоящая статья посвящена анализу положительного опыта конституционного регулирования данного права в советский период. Характеризуется развитие советского законодательства в сфере обеспечения права на образование в Советском государстве.

Ключевые слова: право на образование, конституция, народное образование, просвещение, Советское государство.

Tumanov D.Ju.

THE RIGHT FOR EDUCATION IN SOVIET STATE: THE CONSTITUTIONAL REGULATION AND MAIN TENANCE

The given article is devoted to the analysis of positive experience of the constitutional regulation of the granted right during the Soviet period. The development of the Soviet legislation in the sphere of maintenance of the right for education in the Soviet state is characterized.

Key words: the right for formation, the constitution, national education, education, the Soviet state.

Иванова Ольга Андреевна

*Доцент кафедры публичного права ФГБОУ ВПО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова», кандидат юридических наук, доцент*

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДЕБНЫХ ПРИСТАВОВ НА ТЕРРИТОРИИ КАЗАНСКОЙ ЗЕМЛИ (2-Я ПОЛОВИНА XVI ВЕКА)

В настоящей статье освещаются организационно-правовые формы принудительного исполнения юрисдикционных актов на территории Казанской земли (2-я половина XVI в.) после ее вхождения в состав России.

Ключевые слова: судебные приставы, принудительное исполнение судебных решений, Казанская земля, судебный процесс.

Ivanova O.A.

LEGAL SUPPORT OF THE ACTIVITIES OF THE BAILIFFS ON THE TERRITORY OF THE KAZAN EARTH (2 HALF OF THE XVI CENTURY)

The Article covers the organizational-legal forms of forced execution of jurisdictional acts on the territory of the Kazan of the earth (the second half of the 16th century) after its inclusion in the Russia

Key words: bailiffs, compulsory execution of court decisions, The Kazan earth, the judicial process.

Мумлева Мария Игоревна

*Преподаватель кафедры истории государства и права
ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»*

**ВЛИЯНИЕ СОВЕТСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ
50 – НАЧАЛА 70-Х ГОДОВ XX ВЕКА
НА РАЗВИТИЕ ПРАВОВОГО СТАТУСА СУДЕЙ ОБЩИХ СУДОВ СССР**

Статья посвящена изучению процесса развития правового статуса судей общих судов Советского государства во второй половине 50 – начале 70-х гг. XX в. Исследуются основные нововведения законодательства рассматриваемого периода, касавшиеся правового положения и гарантий независимости судей.

Ключевые слова: судья, Советское государство, принципы советского судостроительства, гарантии независимости судей.

Mumleva M.I.

THE INFLUENCE OF THE SOVIET LEGISLATION OF THE SECOND HALF OF 50 – EARLY 70-IES OF THE XX CENTURY ON THE DEVELOPMENT OF THE JUDGES LEGAL STATUS IN THE USSR

The article is devoted to the legal regulation of the Soviet judges status in the second half of 50-th – early 70-ies of the XX century. The main legislation innovations of the legal status and independence guarantees of the judges are studied their.

Key words: a judge, Soviet state, the principles of the Soviet judicial system, independence guarantees of the judges.

Воронов Георгий Романович

*Аспирант кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВПО «Самарский государственный экономический университет»*

КАТЕГОРИЯ ОБЩЕСОЦИАЛЬНОГО ПРАВА ТРУДАХ Л.С. ЯВИЧА

В статье рассматривается категория общесоциального права в трудах Л.С. Явича. Анализируются различные подходы к исследованию генезиса права.

Ключевые слова: генезис права, общесоциальное право.

Voronov G.R.

CATEGORY OF THE SOCIAL RIGHT IN THE WORKS OF L. JAVICH

The article is devoted to a category of social law in the works of L. Javich. Different lines of thought of research of genesis of law are in the point.

Key words: genesis of law, social law.

Рудченко Татьяна Львовна
*Аспирант кафедры экономической социологии ФГБОУ ВПО «Саратовский
государственный социально-экономический университет»*

ПРАВО КАК РЕГУЛЯТОР ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

В статье рассматривается право с позиции социального управления; выявляется и анализируется роль права в социальном регулировании, формировании общественных отношений; освещаются способы регулирования общественных отношений с точки зрения юридических норм.

Ключевые слова: социальные отношения, правовое регулирование, правовое сознание, социальное регулирование, социальное управление.

Rudchenko T.L.

THE LAW AS THE PUBLIC RELATIONS REGULATOR

The article deals with the right from the point of view of social management, identifies and analyses the role of law in social regulation, in the formation of social relations, and the methods of regulation of social relations from the point of view of law.

Key words: Social relations, legal regulation, legal awareness, social regulation, social management.

КОНСТИТУЦИОННОЕ, АДМИНИСТРАТИВНОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО (CONSTITUTIONAL, ADMINISTRATIVE AND INTERNATIONAL LAW)

Дубровина Марина Анатольевна
*Доцент кафедры конституционного и международного права
ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»,
кандидат юридических наук*

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ НЕДОСТАТКАХ ОБРАЗОВАНИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ОКРУГОВ И ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ, СОСТАВЛЕНИЯ СПИСКОВ ИЗБИРАТЕЛЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются проблемные вопросы организации некоторых стадий избирательного процесса, в частности, образования избирательных округов и избирательных участков, составления списков избирателей. Предлагаются изменения в действующее избирательное законодательство с целью его совершенствования и повышения эффективности.

Ключевые слова: избирательное право, избирательный процесс, избирательный округ, списки избирателей, избирательный участок.

Dubrovina M.A.

ON THE QUESTION OF CREATING ELECTORAL DISTRICTS AND POLLING STATIONS, VOTER LISTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article deals with problematic issues of organization of some stages of the electoral process, in particular, the formation of electoral districts and polling stations, voter lists, as well as some changes to the current electoral legislation with a view to improving the efficiency.

Key words: suffrage, the electoral process, electoral district, voters lists, polling station.

Михеев Денис Степанович

Доцент кафедры публичного права России и зарубежных стран Марийского государственного университета, кандидат юридических наук

ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ ЗА ОСУЩЕСТВЛЕНИЕМ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

В статье рассматриваются правовые основы, формы и способы общественно-го контроля.

Ключевые слова: местное самоуправление, публичные слушания, общественный контроль, население муниципального образования.

Mikheev D.S.

PROBLEMS AND DIRECTIONS OF DEVELOPMENT OF SOCIAL CONTROL OVER THE IMPLEMENTATION OF THE LOCAL GOVERNMENT

Citizens and public organizations are entitled to exercise control over the bodies and officials of local government in accordance with the law, who must carry out its activities openly and transparently. In this article examines the legal basis, forms and methods of social control.

Key words: local government, public hearings, public control, municipality population.

Подмарев Александр Александрович

Кандидат юридических наук, доцент

ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ОСНОВ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

В статье анализируется правовая категория «конституционные основы ограничения прав и свобод человека и гражданина»; рассматривается содержание, определяется значение конституционных основ ограничения прав и свобод человека и гражданина.

Ключевые слова: конституция, права и свободы человека и гражданина, конституционные основы ограничения прав и свобод человека и гражданина.

Podmarev A.A.

DEFINITION AND ROLE OF THE CONSTITUTIONAL BASICS OF THE RESTRICTION OF HUMAN AND CIVIL RIGHTS AND FREEDOMS

The article deals with the constitutional basics of the restriction of human and civil rights and freedoms as the legal category. It examines the content of the constitutional basics of the restriction of human and civil rights and freedoms. In addition it defines the role of these constitutional basics.

Key words: Constitution, human and civil rights and freedoms, constitutional basics of restriction of human and civil rights and freedoms.

Шуршалова Елена Сергеевна

*Старший преподаватель кафедры конституционного и международного права
Поволжского кооперативного института
АНО ВПО «Российский университет кооперации»*

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ВЫНУЖДЕННЫХ МИГРАНТОВ НА ЖИЛИЩЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В настоящей статье рассматриваются вопросы реализации права вынужденных мигрантов на жилище в Российской Федерации. Обосновывается необходимость создания на территории всех субъектов Российской Федерации фондов жилья для временного поселения вынужденных мигрантов.

Ключевые слова: жилищный фонд, центр временного размещения, право пользования, обустройство, договор найма, улучшение жилищных условий.

Shurshalova E.S.

THE CONSTITUTIONAL QUESTIONS OF REALIZATION OF RIGHT FOR FORCED MIGRANTOV ON DWELLING IN RUSSIAN FEDERATION

In the present article questions of realization of the right of the compelled migrants on dwelling in the Russian Federation are considered. Necessity of creation in territory of all subjects of the Russian Federation of funds of habitation for time settlement of the compelled migrants is proved.

Key words: available housing, the centre of time placing, the right of use, arrangement, the hiring contract, improvement housing conditions.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО (CIVIL LAW)

Монгуш Белек Сергеевна

*Преподаватель кафедры гражданского и международного частного права
ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»*

К ПОНЯТИЮ ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ

Статья посвящена исследованию проблемы правовых средств. Рассмотрены и проанализированы различные точки зрения в понимании данного правового явления, определены его особенности и характерные черты.

Ключевые слова: правовые средства, защита права, правовая цель, правовой результат, субъект права.

Mongush B.S.

TO THE QUESTION OF LEGAL MEANS

The article deals with studying of legal means problem. The author has reviewed and analyzed different points of view in understanding this legal phenomenon, revealed the features and peculiarities.

Key words: legal means, protection of rights, legal purpose, legal result, subject of law.

Иволжатов Алексей Викторович

Студент 5 курса

ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»

СРЕДСТВА ОБЪЕДИНЕНИЯ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

В статье рассматриваются частноправовые средства объединения хозяйствующих субъектов. Обосновывается утверждение, согласно которому сохранение либо утрата участниками объединения юридической и экономической самостоятельности зависит от частноправовых средств, положенных в основу объединения.

Ключевые слова: средство объединения, юридическая и экономическая самостоятельность, слияние, присоединение, контроль.

A.V. Ivolzhatov

MEANS UNITE ENTITY IN DOMESTIC CIVIL LAW

The article deals private law means unite entity. Justified by the assertion according to which retention or loss of union members legal and economic self-sufficiency depends on the private law means as a basis for unite.

Key words: means unite, legal and economic self-sufficiency, merger, accession, control.

НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ (SCIENCE AND EDUCATION)

Ростова Ольга Сергеевна

Начальник научно-исследовательского отдела ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия», кандидат юридических наук

НАУЧНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ КАК ВАЖНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПОДГОТОВКИ НАУЧНЫХ КАДРОВ В ВУЗЕ

В статье исследуются проблемы научно-исследовательской деятельности молодых ученых на базе вуза; анализируются основные принципы кадровой политики высшего профессионального образования; рассматриваются цели и задачи советов молодых ученых, создаваемых в вузах для развития научной активности молодежи.

Ключевые слова: наука, образование, научно-педагогические кадры, подготовка научных кадров, молодые ученые.

Rostova O.S.

THE SCIENTIFIC ACTIVITY OF THE YOUNG SCHOLARS AS THE MAIN ELEMENT IN THE ACADEMIC STAFF COMPETENCE DEVELOPMENT IN THE HIGHER EDUCATIONAL ESTABLISHMENT

The article is devoted to the scientific activity of the young scholars in the Higher Educational Establishment. The author examines the staff-improving policy in the system of higher education. The article analyses the aims and problems of the Young Scholars Councils as the means of improving scientific activity of the youth.

Key words: science, education, academic stuff, stuff competence development system, young scholars.

Дородонова Наталия Васильевна

*Заведующий научно-исследовательским сектором координации
НИР НИО ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»,
кандидат юридических наук*

**ФИНАНСИРОВАНИЕ ВУЗОВСКОГО СЕКТОРА НАУКИ
КАК ВАЖНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПОДГОТОВКИ НАУЧНЫХ КАДРОВ**

Статья посвящена финансовому обеспечению вузовского сектора науки в высшем учебном заведении. Выявляются основные формы финансирования научных исследований, проводимых на базе вуза, в т. ч. молодыми учеными и студентами.

Ключевые слова: финансовая поддержка научных исследований, образование, научные кадры, подготовка научно-педагогических кадров.

Dorodonova N.V.

**FINANCIAL SUPPORT OF SCIENCE
IN THE HIGHER EDUCATIONAL ESTABLISHMENT AS THE MAIN ELEMENT
OF THE STUFF COMPETENCE DEVELOPMENT SYSTEM**

The article deals with the financial support of science in the higher educational establishment. The author examines the main trends of financial support of scientific projects and researches.

Key words: financial support of science, education, academic stuff, stuff competence development system.

Александрова Татьяна Анатольевна

*Доцент кафедры английского и испанского языков ФГБОУ ВПО «Саратовская
государственная юридическая академия», кандидат филологических наук*

**ПОДГОТОВКА НАУЧНЫХ КАДРОВ В РОССИЙСКОМ ВУЗЕ
В РАМКАХ ОБЩЕЕВРОПЕЙСКОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА**

В статье освещается проблема подготовки научно-педагогических и научных кадров в Российской Федерации в рамках общеевропейского образовательного пространства.

Ключевые слова: образование, научные кадры, система подготовки кадров, европейский образовательный стандарт.

Alexandrova T.A.

**ACADEMIC STUFF QUALITY IMPROVING
IN RUSSIAN HIGHER EDUCATIONAL ESTABLISHMENT IN THE CONTEXT
OF THE EUROPEAN EDUCATIONAL STANDARD**

The article deals with the process of academic stuff competence development in the Russian Federation in the Context of the European Educational Standard.

Key words: education, academic stuff, stuff competence development system, the European Educational Standard.

**ПО МАТЕРИАЛАМ КРУГЛОГО СТОЛА
«ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ УЧАСТНИКОВ ГРАЖДАНСКОГО
И АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССА В ДИНАМИКЕ СУДОПРОИЗВОДСТВА»**

«Круглый стол» посвящен одной из актуальных проблем науки и практики гражданского процессуального права, а именно правовому положению участников гражданского и арбитражного процесса в динамике современного российского судопроизводства. В рамках указанной проблемы обсуждаются вопросы, связанные с возникновением, изменением и прекращением определенного юридического статуса, а также комплекса прав и обязанностей основных участников гражданского судопроизводства, что во многом обусловлено целями, предметом, характером и развитием материальных правоотношений.

**ROUND TABLE CONFERENCE REVIEW
“LEGAL STATUS OF PARTICIPANTS OF THE CIVIL AND ARBITRATION
PROCESS IN DYNAMICS OF LEGAL PROCEEDINGS”**

“The round table” is devoted to the one of the actual problems of civil procedural law, science and practice, namely a legal status of participants of civil and arbitration process in dynamics of the modern Russian legal proceedings. Within the limits of the specified problem the questions connected with occurrence, change and termination of the certain legal status, and also a complex of the rights and duties of the basic participants of civil legal proceedings that is in many respects caused by the purposes, a subject, character and development of material legal relations are discussed.